

2
2007

РОССИЯ XXI

2.2007 март-апрель

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

*Сергей Кургинян,
Юрий Бялый,
Юрий Бардахчиев*

Угроза ядерной войны. Пацифистские мифы
и угрожающая реальность _____ 4

Геоглобалистика

Виктор Мальков

Холодная война: истоки и уроки.
Опыт интерпретации _____ 52

Страницы истории

Елена Мягкова

«Вандея»: историческое событие
в роли политической аллегии _____ 90

Россия в мире

Марк Ланицкий

«Я просто родился эмигрантом».
Америка в «Дневниках 1973–1983»
Александра Шмемана _____ 118

Ресурсы нации

*Владимир Бородулин,
Виктор Тополянский*

Лишний человек.
Доктор Г.И.Сокольский в Москве
середины XIX века _____ 142

Редакционная почта

Валерий Журавлев

«История всех тащит к ответу»!
Год 1917 в России глазами
современников — мастеров отече-
ственной сатиры и юмора ____ 166

Contents in English look at the page 192

Будущее человечества не придет само, как явление природы. Все то, что сегодня и каждую минуту совершают люди, как они мыслят и чего ждут, является предначертанием будущего, его истоками, которые зависят от людей. Надежда только на то, что ужас будет осознан. Помочь нам может только предельно ясное сознание. Содрогание перед страшным будущим, быть может, способно его предотвратить. Нельзя допустить, чтобы ужасы прошлого были преданы забвению. Ведь наш страх

вызван тем, что произошло: оно может повториться, может распространиться, охватить весь мир. Мы должны сохранить этот страх, который перейдет в активную борьбу с опасностью.

Карл Ясперс

Сергей Кургинян,
Юрий Бялый,
Юрий Бардахчиев

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УГРОЗА ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. ПАЦИФИСТСКИЕ МИФЫ И УГРОЖАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ¹

The US Minister of defense speech in the US Congress in which he introduced Russia into «the axis of evil» was one of the reasons that caused the Russian President's hard-hitting report at the security conference in Munich. V.V.Putin in rather strong terms described US and NATO policy as well as the Pentagon head's statement on necessity to increase military expenditures, particularly due to the uncertainty of situation in Russia. Revitalization of US and NATO policy on the Russian direction creates considerable problems for Russia because NATO approaches the Russian frontiers immediately and even enters territory of the post-Soviet space. In fact, the US-Russia relations problem is the problem of Russia's weakness. The US is in haste to take advantage of this weakness. That's why the authors strongly criticize some Russian circles' reaction to the existing situation. These pundits repeat «no need to dramatize» mantra while the authors provide well-founded arguments in favor of opinion that the intended deployment of NATO missile bases in Poland and radar stations in Czech Republic is pointed precisely against Russia. Thus 20 year epoch of illusions connected with «Russia's entrance into the West» has come to the end. Russia needs to have the sovereign state and the sovereign super-project.

¹ Доклад на заседании клуба «Содержательное единство» 15 февраля 2007 г.

Министр обороны США Роберт Гейтс сначала ввел Россию в «ось зла», а потом фактически извинился. А мы? Кто-то тут же стал успокаивать: мол, «не надо драматизировать». А Путин... Путин всех удивил. Он отреагировал резко и вопреки политической конъюнктуре. Это, как нам кажется, стоит многого.

Ну, а теперь о Гейтсе.

Часть I. Who is Роберт Гейтс?

Гейтс – разведчик, прошедший путь «от рядового до маршала». Занимается Россией (СССР) более 40 лет. Защитил по СССР докторскую диссертацию в Джорджтаунском университете. Тут все важно. И то, что в Джорджтаунском университете (это вам не Йель и не Гарвард), и то, что по данной тематике. И проявил фантастическую живучесть!

Ведь орала же по его поводу одна гранд-дама эпохи Клинтона: «Эта вонючая немецкая свинья пусть убирается в свой фатерланд!» И пока она орала, вокруг Гейтса происходило всякое. Скандалы с банком ВССИ (спецфонды проекта «Ислам против СССР»). Убийства «прогейтсовских» цэрэушников чуть ли не прямо у ворот Лэнгли. Но Гейтс уцелел!

Уцелел он и раньше, в ходе скандала «Иран-контрас». Гейтс пожертвовал тогда «ладьей ради качества». Конкретно – собственным назначением на пост директора ЦРУ ради собственного выживания и политического выживания тогдашнего вице-президента Джорджа Буша-старшего.

Гейтс ушел – и вернулся. Джордж Буш-старший, кого он так тогда выручил, не остался в долгу. И Гейтс стал директором ЦРУ! Но только в мае 1991 года. Вплотную к августовскому ГКЧП (что не случайно).

Гейтс – специфический специалист по СССР и России. Он специалист по смерти СССР и России. В мае он заступил на пост. А в августе – подтвердил профессиональную состоятельность.

На следующий год Гейтс приехал в Россию, в Москву. И прошелся «торжественным маршем» по Красной площади. А затем заявил окружившим его журналистам: «Это мой личный парад победы».

Гейтс – «в теме». Он – профи. Слов на ветер он не бросает. Будучи только что назначенным министром обороны, он заявил в Конгрессе, перед «высшим политсоставом США»: «...*Нам необходим полный набор средств ведения войны, включающий как части специального назначения, необходимые для борьбы против террористов, так и наземные*

силы, способные сражаться с большими регулярными армиями. Мы обеспокоены политикой таких стран, как Иран и Северная Корея... Мы не знаем, какие изменения произойдут в таких странах, как Россия и Китай...».

Гейтс прекрасно понимал, как будут реагировать на его выступление в Конгрессе. Значит, он не «ляпнул». Он выстрелил – и попал в десятку.

Гейтс – аппаратный ас. Подставляться под скандал он не будет! Значит, вызывая скандал, он имел санкцию.

В Пентагоне Гейтс «на новенького». Как себя ведут новички? Советуются! С кем? Прежде всего, с кастовым военным ядром. Не договоришься с ним – съедят за три месяца. Выразитель кастового духа – председатель Объединенного комитета начальников штабов Питер Пейс, который прошел путь от командира взвода морских пехотинцев во Вьетнаме, был вместе с Рамсфелдом одним из авторов американской стратегии в Ираке, пользуется большим уважением в военной среде и имеет прозвище «безупречный Пит».

При этом Пейс осторожен и не вводит Россию в «ось зла». А Гейтс – вводит. То есть, вопреки обычной логике поведения, «идет против корпорации». Так делают только в случае крайней необходимости.

Гейтс должен разбираться с наследством Рамсфелда, предыдущего – и очень влиятельного! – министра обороны. Рамсфелд – неоконсерватор. «Ястреб». Он такой же враг России, как и Гейтс. В США у нас друзей нет. Но неоконсерватор – это верующий в церкви «глобальной исламской угрозы», и еще – враг Китая.

А поскольку сразу со всеми воевать нельзя, то русские – «на закуску». Пока же неоконсерваторы были бы не против иметь Россию нейтральной или даже умеренно дружественной. У них нет дружественной стратегии в русском вопросе. Ни у кого в США ее, повторяем, нет. Но и враждебной стратегии против России у них нет. Да и знаний о России, как враге № 1, тоже нет.

А у Гейтса все это есть. Когда специалист по смерти России (и только по смерти России) назначается министром обороны, а специалист, которому Россия «по барабану», выкидывается в помойку, это что значит? Что смерть России становится актуальной задачей. Так ведь?

Гейтс провел «разведку боем», включив Россию в «ось зла». Собрал данные. Корректно «отъехал». И будет действовать дальше. Он будет действовать, дей-ство-вать – слышите это слово? А мы?

Часть II.
«Однако, тенденция»

Мудрый представитель малого северного народа, видя неуклонный массовый падеж своих оленей, говорит: «Однако, тенденция!»

Наши блистательные эксперты так не умеют. Для них тенденций нет. Равно как и смысла нет. Их послушаешь – так Гейтс «дурочку сваял». Не подумал... а ведь надо было как-то оправдать перед Конгрессом запрос на гигантский военный бюджет следующего финансового года. И все тут.

Он что, был в доску пьян? Исключено! Обкурился? Исключено! Потерял бюрократический нюх? Абсолютно исключено!

Однако предположим, что он (бесконечно умудренный и осторожный человек, назначенный на смертельно опасный пост) сваял-таки дурочку!

Но как быть с тенденцией?

Назову лишь выборочные слагаемые оной.

Слагаемое № 1 – заявление Гейтса.

Ну, ладно. Сваял дурочку. Выводим за скобки.

Слагаемое № 2 – «фултоновская речь» Чейни в Вильнюсе на саммите стран Балтийско-Черноморского бассейна 4 мая 2006 года. Та самая, в которой Чейни обвинил Россию в «шантаже», «запугивании», «подрыве территориальной целостности соседей» и «вмешательстве в демократические процессы». Кульминацией выступления стало заявление Чейни о том, что **России предстоит сделать выбор: «вернуться к демократии» или «стать врагом».**

При этом выражение «холодная война» Чейни в том выступлении повторил три раза! Чейни тоже сваял дурочку?

Слагаемое № 3 – статья в мартовском номере журнала «Форин Афферс» за 2006 год двух экспертов К.Либера и Д.Пресса. В которой они подробно рассматривают **сценарий первого «обезоруживающего» ядерного удара США по России**, детально разбирают упадок российских сил «ядерного сдерживания» и рассчитывают количество боеголовок, которые нужно сбросить на Россию для того, чтобы она в ответ «не дернулась»... Эксперты сваяли дурочку... «Форин Афферс» (осторожничавшее суперэлитное американское издание по международной политике) сваяло дурочку... О кей! Идем дальше.

Слагаемое № 4 – выпущенный 6 марта 2006 года доклад влиятельнейшего американского Совета по международным отношениям (СМО).

Доклад готовила рабочая группа СМО во главе с бывшим демократическим кандидатом в вице-президенты на выборах 2004 г. Джоном

Эдвардсом и бывшим республиканским кандидатом в вице-президенты на выборах 1996 г. Джеком Кемпом. А в саму рабочую группу, координатором которой стал Стивен Сестанович, бывший специальный советник госсекретаря по делам постсоветских государств, вошли:

– Ричард Бэрт, бывший замгоссекретаря США и глава американской делегации на переговорах с СССР о сокращении стратегических наступательных вооружений;

– Струоб Тэлботт, бывший замгоссекретаря и главный советник Клинтона по делам СНГ;

– Майкл Макфол, один из наиболее авторитетных специалистов по России, профессор Стэнфордского университета;

– Джордж Джоулзэн, бывший главнокомандующий Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе (1993–1997).

В докладе СМО Россия, впервые за много лет, с подробным перечислением признаков и самыми нелестными эпитетами, вновь предстает как «империя зла». И дается рекомендация – **исключить РФ из G-8 («восьмерки») и вернуться в формат «семерки» членов мирового «клуба стран-лидеров».**

СМО, видимо, тоже сваял дурочку...

Слагаемое № 5 – нарастающий в последние год–полтора шквал **антироссийских публикаций в американской прессе, с беспрецедентной грубостью высказываний в адрес нашей страны.** В том числе в редакционных статьях наиболее уважаемых газет и журналов. Кто-то называет это плодом деятельности нескольких бывших российских опальных олигархов, которые якобы и «проплатили» эту антироссийскую и антипутинскую «заказуху». Ладно, они сваяли дурочку. А «под их дудку» крупнейшие мировые СМИ – наиболее авторитетные «рупоры» для высказывания мнений и оценок высшего американского истеблишмента – также валяют дурочку?

Слагаемое № 6 – истории с Политковской и Литвиненко, «развернутые» мировыми СМИ – причем при полном отсутствии каких-либо доказательных оснований – в невероятную кампанию обвинений российских спецслужб, президента Путина и вообще «ужасной России».

Опять какие-то «козлы» зачем-то сваяли дурочку?

Все валяют дурочку. Только наши блистательные эксперты из Института США и Канады, ИМЭМО и других аналогичных структур дурочку не валяют. А если наоборот?

Часть III.
Слова и дела

Блестящий американский системщик Джозеф Най в своих статьях и книгах подробно обсуждал специфику «мягкой власти» (soft power). Слова – это не просто болтовня, как кому-то кажется. Это оружие мягкой войны. В том числе войны образов, войны понятий. Речь следует вести об идеологической и психологической войне, уже погубившей СССР. А также о политической войне (на Тайване была академия, выпускавшая таких «спецов», опекал ее блестящий цэрэушник Рей Клайн). А также о спецвойне, в которой точечные убийства, диверсии, провокации – это перец, уксус, майонез, подаваемые к главному блюду. Или камешки, способные стронуть лавину.

Когда не хватает мягких воздействий, применяют жесткие.

Оговорив это, продолжим разбор слагаемых обозначенной тенденции.

Слагаемое № 7 – односторонний выход США в декабре 2001 г. из Договора по противоракетной обороне 1972 года (ПРО). Это, согласитесь, уже никак не слова!

Слагаемое № 8 – новая стратегическая доктрина США.

17 сентября 2002 года Дж.Буш озвучил «Доклад о стратегии в области национальной безопасности». Он стал, по сути, первой попыткой сформулировать доктрину обеспечения безопасности США после 11 сентября 2001 года.

В этом докладе Буш в качестве государственной стратегии выдвинул стратегию «предварения» (т.е. «превентивных ударов»). И эта стратегия «предварения» официально заменила стратегии «устрашения» и «обуздания», которых Вашингтон придерживался в течение нескольких десятков лет.

Согласно новой «Стратегии национальной безопасности США»:

– Основные угрозы безопасности США исходят от государств-изгоев и террористических сетей, которые стремятся получить оружие массового уничтожения. Этим мотивируется переход от политики нераспространения ОМУ к «противораспространению»;

– **США не допустят достижения какой-либо страной военного паритета с собой;**

– США намерены применять военную силу первыми, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на США в данный момент не готовится или невозможно: *«Америка будет действовать против возникающих угроз, прежде чем они полностью сформиру-*

ются». Именно для обозначения таких действий документ вводит термин «предварение» (preemption);

– США должны остаться единственной в мире страной, имеющей право на применение силы против угроз прежде, чем они полностью сформируются, и **не позволят другим нациям использовать «предварение» как оправдание для агрессии.**

Наконец, «Стратегия национальной безопасности» США гласит: **«Наши вооруженные силы будут достаточно оснащены для того, чтобы убедить потенциальных противников не наращивать свои вооружения в надежде превзойти или сравняться с мощью Соединенных Штатов».**

Слагаемое № 9 – новая «военно-космическая» доктрина США.

В октябре 2006 года президент США Дж.Буш подписал директиву «Национальная политика в области космоса». Основные положения директивы следующие:

– **США имеют право «лишать доступа в космос любую страну, враждебную интересам США»;**

– **«Соглашения или ограничения по контролю над вооружениями не должны нарушать право США осуществлять исследования, разработку, испытания, деятельность, а также иные действия в космосе в целях национальных интересов»;**

– **«США сохраняют за собой право, возможность и свободу действий в космосе. Свобода действий в космосе так же важна для США, как мощь в воздухе и мощь на море»;**

– **Для защиты национальных интересов США будут «предпринимать действия, необходимые для защиты своего космического потенциала, отвечать на вмешательство, а также в случае необходимости лишать противников возможности использовать их космический потенциал, враждебный для национальных интересов США».**

При этом еще в мае 2005 года на слушаниях в Конгрессе США начальник Управления по ПРО Министерства обороны генерал Генри Оберинг сообщил, что в 2008 г. Пентагон намерен приступить к экспериментальным работам, связанным с размещением ракет-перехватчиков в космическом пространстве.

Слагаемое № 10 – новая «военно-энергетическая» доктрина США.

В конце ноября 2006 года на конференции НАТО в Риге американский сенатор-республиканец Ричард Лугар (кстати, еще один специалист по России) заговорил об энергетической войне. Мол, действия в сфере энергетики, приводящие к угрозам энергетической безопасности,

следует приравнять к военным действиям. И реагировать на них военными средствами.

Болтовня? Слова безответственного сенатора? В США мало безответственных сенаторов. И Лугар явно не из них. Потому что безответственные в политике долго не живут. А он живет долго. И при разных администрациях – бессменный сенатор аж с 1976 года!

Блестящие эксперты из блестящих российских институтов нам вновь скажут, что и Лугар сваял дурочку. А вслед за ним – и многие другие? Так, видимо, получается! Потому что через пару месяцев то, что наши эксперты-«успокойщики» (так и хочется сказать «упокойщики») называют «валянием дурочки», превращается в законопроект под названием «Акт об энергетической безопасности»! Этот законопроект, внесенный Лугаром вместе с его коллегой-демократом, в середине января принят к рассмотрению Сенатом США. Законопроект предусматривает (внимание!) **использование военной силы США и НАТО для ликвидации так называемых «энергетических угроз».** Даже в тех случаях, когда нет ни малейшего намека на угрозы военные.

Опять валяние дурочки?

Когда по городам России (в том числе по Москве, где обитают загадочные существа, именующие себя «элитными американцами») будут нанесены ядерные (или даже неядерные) удары, как эти загадочные существа будут себя вести (если уцелеют и как они уцелеют?)? Но предположим, что они странным образом окажутся за пределами зоны риска (интересно – где это?). Что они тогда будут делать? Пожимать плечами? Говорить, что предмет их исследований «сваял дурочку в особо крупных масштабах»?

Может, я перегибаю палку? Ан нет!

Слагаемое № 11 – американское предложение **разместить на территории Польши и Чехии, этих новых членов НАТО, радиолокационную станцию (РЛС) противоракетной обороны и систему базирования противоракет.** РЛС предполагается разместить в Чехии, а противоракеты (числом пока десять) – в Польше. Правительства обеих стран, скорее всего, в итоге будут «за». Население расколосось. Кто-то использует этот раскол... Дело может затянуться. Но тут главное в самой затее. Она никак не из разряда «болтовни»! Это конкретный шаг. Конкретное финансирование.

Что скажет по этому поводу «успокойка»? 11 февраля сего года в передаче «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» господа

Алексей Арбатов и Павел Золотарев трактовали данное событие в духе все того же «валяния дурочки».

Сразу оговорим, что ни Алексея Арбатова, ни Павла Золотарева мы никоим образом не собираемся демонизировать, – такие демонизации всегда отвратительны. И если бы эти господа выражали свое экзотическое мнение по менее серьезному вопросу, к нему можно было бы отнестись либо с полной уважительностью, либо с мягкой иронией.

Но, простите за пафос, речь идет о судьбе страны. И дурочку, как мне кажется, валяют не американцы, а наши оптимистические эксперты.

Так что этот вопрос нужно рассмотреть обстоятельно.

Часть IV. Успокоительные мифы и суровая реальность

Господин Золотарев, в прошлом генерал-майор нашей армии, говорит, что 10 американских противоракет в Польше не представляют для нас угрозы. Потому что их всего

лишь 10, а у нас ракет – «до фи́га».

Однако, по мнению американских коллег генерала Золотарева, для первого удара по России требуется максимум 1100 боеголовок. Такое количество нужно для того, чтобы «накрыть» сразу все. И шахтные позиции базирования стратегических ракет. И аэродромы стратегической авиации. И базы атомных подводных лодок. И даже районы дислокации и маневрирования мобильных российских стратегических ракет.

Так что же у нас в действительности есть и каковы реальные угрозы?

Что у нас есть

У России сейчас на вооружении сухопутных РВСН (Ракетные войска стратегического назначения) и морских СЯС (Стратегические ядерные силы) имеется примерно 670 межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и около 2600 ядерных боезарядов. Однако эти цифры каждый год снижаются.

Главная причина – старение состоящих на вооружении ракетных комплексов, произведенных еще в советское время. Часть из них была сделана на Украине (в днепропетровском ПО «Южмаш» и на Павлоградском механическом заводе), часть в России, но стареют и те, и другие.

В 2002 году было принято решение о продлении срока службы наиболее мощных МБР РС-20 «Сатана» до 2016 года, хотя многие из ракет уже стоят на боевом дежурстве около 25 лет. Регулярные пробные пуски РС-20 показывают, что эта сверхмощная ракета, способная преодолеть практически любую современную систему ПРО, имеет еще «со-

ветский», огромный запас прочности и рабочего ресурса. Однако стареет и «Сатана», и потому ежегодно снимаются с боевого дежурства и эти ракеты.

Российские эксперты утверждают, что ежегодно снимается с боевого дежурства до дивизии старых МБР «Сатана» с десятью разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Поскольку в дивизии не менее 65 ракет, то только потери боевого состава «Сатаны» до 2012 года могут составить более 300 ракет.

Одновременно снимаются с боевого дежурства и ликвидируются старые мобильные твердотопливные ракеты РС-12М «Тополь». Из 270 нынешних старых «Тополей» за пять лет в строю останется менее 120.

А что при этом ставится на боевое дежурство и в каких количествах?

Пока – не более 6 – 7 в год модернизированных моноблочных (с одной боевой частью) «Тополей-М». У нас не набралось даже одной полноценной дивизии «Тополей-М» (в дивизии пять полков по 10 МБР, а у нас лишь четыре полка). Теперь уже бывший министр обороны РФ Сергей Иванов признавал, что для покрытия выбывающего состава в год нужно вводить не менее 30 «Тополей-М». Но, если нынешние темпы сохраняются, РВСН получают за пять лет взамен ликвидированных «многоголовых» ракет всего-навсего 35 моноблочных «Тополей-М». И останется у нас к 2012 году (моменту развертывания американцами крупномасштабной ПРО общим объемом в 200 противоракет, частью которой является чешско-польское звено в 10 противоракет) всего-навсего около 150–200 стратегических МБР. Причем большинство остающихся ракет – моноблочные.

Совокупный ядерный потенциал России тогда снизится примерно до 1500 боеголовок. То есть станет меньше 2200 боеголовок, которые разрешены Договором о сокращении стратегических потенциалов (СНП) между Россией и США.

Но и это не все. В оценках экспертов и даже в прессе появляются сообщения о том, что за последние два года стоимость производства одного «Тополя-М» возросла в три раза. Дальнейшее совершенствование ракеты, связанное с усложнением системы наведения и обеспечением более высокой точности попадания в цель, ведет к еще большему удорожанию этих ракет. И потому утверждается, что по технологическим и экономическим причинам в ближайшие годы в России вряд ли будет ставиться на боевое дежурство более 3–4 «Тополей».

Нам, конечно, напомнят, что у нас еще есть стратегические подводные ракетоносцы с ядерным оружием на борту.

Однако атомная подводная лодка разрабатывается под конкретную ракету, и снятие ракеты определенного типа с боевого дежурства почти стопроцентно означает и утилизацию лодки.

Была уникальная ракета РСМ-52 («Барк») с 10 РГЧ ИН и дальностью полета более 10 тыс. км, способная при старте из подводного положения проходить сквозь ледяной панцирь северных широт. Она стоит на вооружении тяжелых атомных крейсеров типа «Акула» проекта 941. Но на двух «Акулах» из сорока ракет «Барк» осталось только десять, остальные по причине ветхости выгружены из шахт и направлены на утилизацию. Третий подводный крейсер проекта «Акула», «Дмитрий Донской», в 2002 году был переоборудован под ракетные шахты для «Булавы».

Еще один тип мощных ракет РСМ-54 «Скиф» (вооружение подводных ракетоносцев класса «Дельфин» и «Кальмар») может постигнуть та же участь. Последние испытания этих ракет в 2004 году во время военно-морских учений в Баренцевом море оказались неудачными. Если технические неполадки, которые привели к срыву пусков, не будут устранены, то и «Скифы», и оборудованные ими АПЛ уже до 2012 года досрочно уйдут в отставку.

Основным военно-морским компонентом российских СЯС должна стать межконтинентальная баллистическая ракета «Булава». К 2010 году планировалось ввести в строй первую атомную подводную лодку проекта 955 с серийными ракетами «Булава» на борту. Однако из семи испытательных пусков «Булавы» лишь первые четыре были успешными, а последние три – неудачными. Эксперты надеются, что АПЛ с «Булавой» вступят в строй не позже 2015 года. Но уже в 2016 году исполнится 20 лет с момента, когда на стапелях Северодвинска была заложена первая АПЛ этой серии. То есть она уже морально устареет и будет нуждаться, как минимум, в серьезной модернизации. Всего же в России пока заложено только три таких АПЛ.

Учитывая старение всего нашего атомного подводного флота, к 2012 году в его боевом составе вряд ли окажется более 6 действующих стратегических ракетоносцев (и, соответственно, порядка 60–80 ракет). При этом, по оценкам специалистов, на боевом дежурстве в океане будет находиться не более двух АПЛ, а остальные окажутся на стоянках в базах. Отследить их с помощью современных средств противолодочной обороны США, в частности с помощью спутников и противолодочных самолетов «Орион», и уничтожить прямо в базах или на выходе в море не составит труда.

Итого, к 2012 году на вооружении России в «рабочем» состоянии окажется не более 360 стратегических МБР.

Первый ядерный удар США по сегодняшней российской системе стратегических ядерных вооружений (СЯС) должен оставить от этой СЯС ошметки. По американским оценкам – не более 4–6% потенциала СЯС. По российским – до 10%.

Это значит, что, даже по оптимистическим российским оценкам, после первого «обезоруживающего» ядерного удара США у России останется не более 30–35 стратегических ракет. Именно эти 30–35 ракет должен будет «зачищать» комплекс американской стратегической ПРО, обладающий, как минимум, 200 противоракетами с соответствующей инфраструктурой раннего предупреждения, целеуказания и поражения. По отношению к этим 30–35 российским ракетам даже 10 противоракет в Польше – это уже очень и очень серьезная цифра.

Между тем совершенно очевидно, что американцы создают ПРО, используя так называемую стратегию просачивания. Каждое отдельное звено ПРО будет сравнительно небольшим. И наше лобби «успокоителей» будет говорить, что оно несопоставимо с нашим потенциалом. Но, повторяем, задача американской ПРО – «зачищать» то, что останется после первого обезоруживающего удара. Наши же «успокойщики» сопоставляют американскую ПРО не с этими остатками, а с нашим нетронутым совокупным потенциалом.

Но что есть «у них» против наших ракет?

После Карибского кризиса СССР и США, наученные опытом 60-х годов, начали договариваться об ограничении роста ядерных арсеналов друг друга. Были подписаны договоры ОСВ-1 и ОСВ-2, Договор о запрещении ядерных испытаний, Договор об ограничении систем противоракетной обороны.

Рейган, который отказался от концепции «разрядки», вернулся к гонке вооружений. Главным вкладом в нее Рейгана стала система СОИ – Стратегической оборонной инициативы (Strategic Defense Initiative). СОИ должна была стать первой в мире противоракетной системой космического базирования. Во всем мире эта программа получила название «Звездных войн».

Одним из наиболее претенциозных элементов системы СОИ должен был стать боевой лазер космического базирования. Однако из-за крайней дороговизны и технической сложности эта идея в 1980-е годы была отброшена.

Но другая идея СОИ – боевого лазера воздушного базирования – была реализована американцами в 2004 году, когда на авиабазе Эдвардс (Калифорния) состоялись первые испытания лазера AL-1. В настоящее время боевые лазеры воздушного базирования на модифицированных «Боингах-747» планируется включить в состав создаваемой системы ПРО. Эти самолеты должны быть рассредоточены по всему миру вблизи «ракетопасных» стран и быть в постоянной готовности к взлету для перехвата и уничтожения стартовавших баллистических ракет еще до момента отделения от них боеголовок.

В 1990-е годы планы Рейгана по созданию СОИ – хотя в гораздо меньшем масштабе – продолжило развивать правительство Джорджа Буша-старшего.

23 июля 1999 года Билл Клинтон подписал закон о создании Национальной системы противоракетной обороны (НПРО). В соответствии с этим законом Минобороны США должно разместить элементы системы ПРО для защиты всей территории страны от баллистических ракет вероятного противника тогда, когда это будет «технически возможно». А уже 2 октября 1999 года США провели первое испытание прототипа НПРО, в ходе которого над Тихим океаном противоракетой была сбита баллистическая ракета «Минитмен» с учебной боеголовкой.

С приходом к власти в 2000 году Дж.Буша-младшего интерес к созданию ПРО резко возрос. В 2001 году Джордж Буш объявил, что система ПРО будет защищать территорию не только США, но и их союзников и дружественных им стран, не исключив размещения на их территориях элементов системы. Среди первых в этом списке оказалась Великобритания, как ближайший союзник США. Ряд стран Восточной Европы, в первую очередь Польша, также официально выразили желание разместить на своей территории элементы системы ПРО, включая противоракеты.

Нынешняя национальная ПРО США основана на применении противоракет для уничтожения МБР и «крылатых ракет», а также на применении систем, «ослепляющих» приближающиеся управляемые ракеты противника. Она, по официально заявленным задачам, **предназначена для защиты всей территории США от ракетно-ядерного удара**, в первую очередь, со стороны так называемых «стран-изгоев» (КНДР, Иран и Сирия).

Американская ПРО создается как система многоэшелонированной обороны. То есть предназначена для перехвата ракет противника на всех участках траектории их полета. Причем США предполагают до 2012

года израсходовать на создание этой эшелонированной ПРО около 90 млрд. долл.

В первом эшелоне – на разгонном участке траектории – ракеты противника должны уничтожаться лазерными системами авиационного базирования и малыми мобильными противоракетными комплексами.

Во втором эшелоне – на среднем баллистическом участке траектории – ракеты и боеголовки должны уничтожаться наземной системой перехвата GMD (Ground-based Mid-course Defense), оснащенной противоракетами GBI (Ground Based Interceptors), а также кораблями с системой ПВО AEGIS и противоракетами Standard-3.

Наконец, в третьем эшелоне, на конечном участке траектории, боеголовки противника должны уничтожаться противоракетами мобильных комплексов THAAD театра военных действий (ТВД).

Как уже сказано, лазерные системы воздушного базирования (основа первого эшелона ПРО) успешно испытываются в США уже с 2004 года.

Ракеты GBI второго эшелона ПРО, которые уже стоят в шахтах на Аляске и в Калифорнии, имеют дальность поражения баллистических целей от 700–1000 до 5000 км. Именно такие ракеты планируется к 2011–2012 гг. поставить в Польше (рис. 1).

Рис. 1

Эти ракеты, созданные на базе 2–3 ступеней баллистической стратегической ракеты «Минитмен-2», выходят за атмосферу со скоростью 8,3 км/сек (то есть выше, чем скорость «атакующих» баллистических ракет). И, значит, могут, в принципе, атаковать баллистические ракеты и боеголовки не только на встречных, но и на боковых и «догоняющих» курсах.

Ракета GBI выводит в космос так называемый «кинетический заатмосферный перехватчик» EKV (Exoatmospheric Kill Vehicle), оснащенный инфракрасной головкой самонаведения и двигателями коррекции траектории. Спутниковые и наземные радары системы целеуказания «подводят» перехватчик на расстояние менее 600–800 км от цели, после чего цель захватывают датчики самого боевого блока EKV, который и разрушает ракету или боеголовку прямым попаданием. Отметим, что для этой же системы, в рамках программы KEI, в настоящее время разрабатывается ультраскоростной высокоманевренный кинетический перехватчик нового поколения. Этот перехватчик, по требованию Пентагона, должен обеспечить вероятность поражения баллистических целей не ниже значения 0,85, то есть близко к идеальному.

Наконец, противоракетный комплекс THAAD, по оценкам американских экспертов, в XXI веке станет одним из основных средств борьбы с баллистическими целями на ТВД. Он предназначен для поражения оперативно-тактических ракет (дальность стрельбы до 1000 км) и баллистических ракет и боеголовок на высотах 40–150 км и дальностях до 200 км (рис. 2).

Рис. 2

Размещение отдельных элементов ПРО на территории США началось 29 сентября 2004 года, когда было объявлено об установке первых пяти ракет-перехватчиков GBI системы ПРО США в пусковые шахты на базе Форт-Грили (Аляска). Это размещение прошло в рамках первого этапа развертывания системы ПРО, который, в полном объеме, должен включать:

- размещение на Аляске и в Калифорнии от 40 до 100 ракет-перехватчиков,
- строительство одной новой радиолокационной станции раннего предупреждения о ракетном нападении,
- модернизацию нескольких действующих РЛС.

Первый этап, видимо, завершится уже в 2007 году.

На втором этапе (до 2010 года) для обнаружения запусков баллистических ракет на низкую околоземную орбиту должно быть выведено 24 спутника STSS, а на геостационарную орбиту – два спутника SBIRS. (отметим, что не столь современная военно-разведывательная спутниковая группировка США «Лакросс» уже действует не один десяток лет).

На третьем этапе (до 2015 года) еще 150 ракет-перехватчиков будут размещены в Северной Дакоте, а на орбиту будут дополнительно выведены десятки космических аппаратов военного назначения.

При этом в зону размещения и ответственности американской ПРО включен и ряд европейских стран.

В октябре 2004 г. Тони Блэр дал согласие на модернизацию американской РЛС системы раннего ракетного предупреждения в Файлингдейлс (Северный Йоркшир) и размещение здесь ракет-перехватчиков.

Еще до этого Дания подписала договор о модернизации американской РЛС системы раннего предупреждения в Туле (Гренландия).

Польша, Чехия, Венгрия (а теперь и Румыния) изъявили готовность разместить у себя противоракетные комплексы. В мае–августе 2006 группа экспертов Минобороны США уже посетила эти страны для оценки мест размещения противоракетных объектов. Рассматривается несколько вариантов размещения баз: наземный и подземный, в одной стране или в нескольких соседних, с распределением между ними ракетных комплексов, РЛС и остальной, в том числе информационно-командной, инфраструктуры.

Во время сентябрьского (2006) визита в США премьера Польши Ярослава Качиньского была достигнута договоренность о размещении на территории Польши десяти ракет-перехватчиков в защищенных подземных шахтах.

20 января 2007 премьер Чехии Мирек Тополанек сообщил о поступившем предложении разместить на территории Чехии радиолокационную станцию США, входящую в глобальную систему ПРО.

Кроме Европы, в создании отдельных элементов ПРО участвуют и другие союзники США. Так, Япония производит и закупает противоракеты типа «Эгис», «Пэтриот» и SM-3. Еще одним участником американской ПРО является Израиль, занимающийся модернизацией противоракет Агтов. Наконец, Канада ведет переговоры с США о придании противоракетных функций командованию НОРАД, отвечающему за противоздушную оборону США и Канады.

А что у нас?

В отличие от американской ПРО, отечественная система ПВО-ПРО предназначена для отражения ограниченного ядерного удара по Москве и Центральному промышленному району.

Система российской тактической ПРО (названная А-135) принята на вооружение 1995 году. Имеет в своем составе РЛС «Дон-2Н», 68 ракет 53Т6 («Газель») для перехвата в атмосфере и 32 ракеты 51Т6 («Горгона»), рассчитанные на перехват МБР за пределами атмосферы.

В качестве основного элемента обороны Москвы от ударов средств воздушно-космического нападения противника принята система зенитно-ракетного комплекса среднего радиуса действия С-300 в разных модификациях. В том числе в модификации С-300ПМУ2 «Фаворит» (рис. 3).

Рис. 3

В стандартный состав ЗРК С-300 входят:

- узел обнаружения и целеуказания, состоящий из командного пункта и двух РЛС – кругового обзора и секторного обзора,
- зенитно-ракетный комплекс, состоящий из многоканальной станции наведения ракет, 6 пусковых установок различного типа и 6 пуско-заряжающих установок.

Командный пункт системы обеспечивает управление всеми боевыми средствами и сопровождает до 70 целей, в том числе интенсивно маневрирующих и низколетящих. Дальность поражения целей – до 150 км, высота перехвата баллистических ракет – от 2 км до 25 км.

Дальнейшим развитием ЗРК С-300 стал ЗРК С-400, принятый на вооружение в 2004 году. С-400 может на дальностях до 400 км поражать крылатые ракеты, самолеты тактической и стратегической авиации (в том числе изготовленные по технологии радионевидимости Stealth), а также перехватывать боеголовки баллистических ракет. Обнаружение цели возможно на дальностях до 600 км. Первый полк С-400 развернут в 2006 году, до 2015 предполагается развертывание 18 дивизионов С-400.

Ключевым элементом российской ПРО является система раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН).

В состав системы предупреждения входят:

- первый (космический) эшелон из группировки космических аппаратов, который должен обнаруживать старты баллистических ракет в любом месте нашей планеты и за минимальное время выдавать информацию о месте старта;
- второй эшелон, включающий сеть наземных радиолокационных станций, которые обнаруживают баллистические ракеты и боеголовки в полете на дальности до 6000 километров;
- автоматизированная система обработки данных средств СПРН, информационных средств систем противоракетной обороны и контроля космического пространства.

После распада СССР отечественная система СПРН стала потихоньку разваливаться. Две «дальних» советских РЛС в Латвии, в Скрунде, были взорваны, оголив северное и северо-западное ракетоопасные направления.

Сейчас у нас имеются следующие наземные РЛС дальнего обнаружения:

- На Украине – типа «Днепр» – в Севастополе и Мукачево. Перекрывают сектор «Юго-Запад», включая Средиземное море, Ближний

Восток и Европу до Атлантики. Но договор об их постоянном использовании до сих пор не ратифицирован Верховной Радой. Более того, планируется их передача из ведения МО Украины в Национальное космическое агентство. Что будет означать возможность беспрепятственного допуска зарубежных, включая американских, экспертов и специалистов.

– В Белоруссии – типа «Волга» – под Барановичами. Перекрывает сектор Европы и Северной Атлантики. Пока работает без ограничений. Но что произойдет, если Россия окончательно испортит отношения с Минском и Лукашенко или его преемники бросятся в объятия НАТО?

– В Азербайджане, в Габале, – типа «Дарьял». Перекрывает южный сектор. В штатном режиме работает нерегулярно.

– В Казахстане на Балхаше – типа «Днепр». Перекрывает южный и юго-восточный сектор. Работает штатно.

Есть еще станции в Печоре (типа «Дарьял», перекрывает северо-западный и северный сектор) и Иркутске (типа «Днепр», перекрывает северо-восточный и юго-восточный сектора). Обе работают штатно.

В 2006 г. введена в строй новая РЛС системы СПРН – типа «Воронеж-ДМ» – под Санкт-Петербургом, заменившая по сфере контроля (северо-запад и север) станции в Скрудне.

Станциями типа «Воронеж-ДМ» планируется заменить по направлениям (с размещением на территории РФ) все действующие РЛС на территории стран СНГ, кроме новой «Волги» в Белоруссии.

Орбитальная спутниковая группировка российской СПРН (система «Око») по состоянию на май 2006 состоит из трех спутников – одного УС-КМО на геостационарной орбите (Космос-2379 запущен 24.08.2001) и двух УС-КС на высокоэллиптических орбитах (Космос-2388 запущен 1.04.2002, Космос-2393 запущен 24.12.2002). 21 июля 2006 с космодрома Плесецк запущен на высокоэллиптическую орбиту спутник УС-КС, который, по всей вероятности, заменит один из выработавших свой ресурс аппаратов.

Для создания полноценной спутниковой группировки СПРН необходимо еще не менее 6–8 современных спутников. По оценкам экспертов, для этого потребуется, минимум, еще 3–4 года. На сегодня же система «Око» из-за отсутствия нужного количества спутников является «ущербной». Ее «ущербность» привела к тому, что Россия не смогла зафиксировать старты ракет КНДР (когда ракета «Тэпходонг» перелетела через территорию Японии и упала в Тихом океане) и Китая (когда в середине января 2007 г. китайская ракета средней дальности с кинети-

ческой боеголовкой сбита прямым попаданием свой же старый спутник, находившийся на 900-километровой орбите).

Один из высокопоставленных российских военных, имевших прямое отношение к эксплуатации системы СПРН, дал ей такую характеристику: *«Страна, обладающая стратегическими наступательными ядерными силами, без системы СПРН, без информационно-разведывательного обеспечения ядерных сил напоминает слепого и глухого человека с огромной дубиной в руках. Неизвестно, какая страна применила свое ядерное оружие. По кому наносить ответный ракетно-ядерный удар? Поэтому систему ядерного сдерживания можно сейчас рассматривать только в совокупности ударных и информационных сил».*

Таким образом, можно констатировать, что сегодня Россия, не имея полноценной системы раннего предупреждения о ракетном нападении, наполовину «глуха» и наполовину «слепа» (рис. 4).

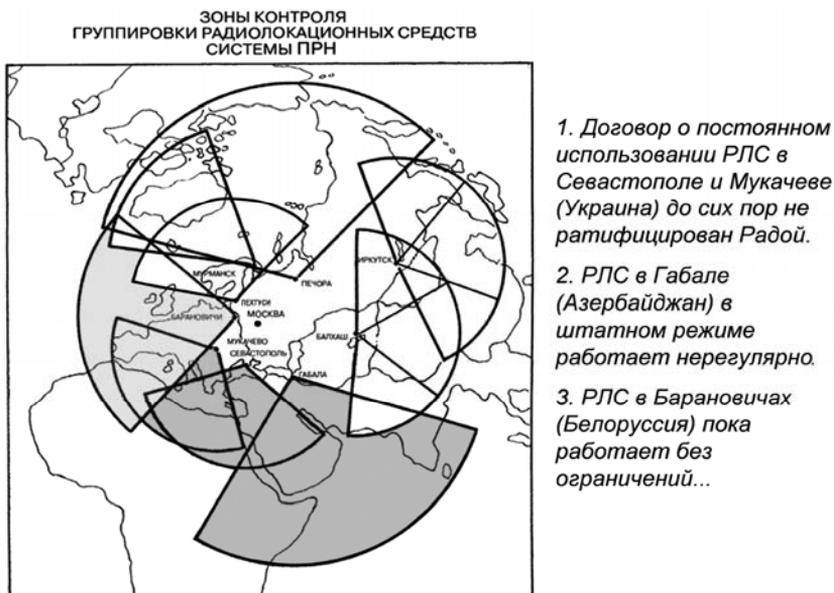

Рис. 4

Часть V. Так есть ли угроза?

Наши оппоненты уверенно заявляют, что угрозы никакой нет.

Если бы речь шла о позиции частных лиц (в том числе наших уважаемых американистов), то не было бы и серьезных оснований для беспокойства. Но такова же позиция российского МИДа, согласно которой польско-чешская затея США не несет для нас никакой угрозы.

При этом президент РФ Владимир Путин в Мюнхене жестко заявляет, что мы будем искать асимметричный ответ на эту (внимание!) угрозу ПРО. Так есть угроза ПРО или нет?!

Американцы валяют дурочку или мы не можем взяться за ум?

В 1992 году вдруг оказалось, что только наша организация готова быть оппонентом Генерального штаба в вопросе о Договоре СНВ-2. Мы – государственники, и к армии относимся прекрасно. Но военные тогда вели себя отвратительно. Ничем не лучше господина Козырева. А когда их «припирали к стенке» фактами и доказательствами – щеголяли чинами, званиями, регалиями. Ну, что сказать?

Бисмарк говорил, что война слишком серьезное дело для того, чтобы доверять ее генералам. Но то дела давно минувших дней. Сейчас наши генералы говорят об угрозе со стороны американской ПРО. И Генштаб говорит об угрозе ПРО. И Верховный Главнокомандующий говорит об угрозе ПРО.

Но вот «упокойщики» говорят, что все «тип-топ». Что сверхдержава №1 валяет дурочку. «Упокойщики» говорят, а МИД повторяет.

Между тем ситуация крайне тяжелая. И «упокойка» совершенно недопустима. Как недопустимо и глупое профессиональное чванство: мы, де, профессионалы и понимаем, что основные удары нашего СЯС пойдут по траекториям, не имеющим никакого отношения к польско-чешской затее. А именно – через Северный Полус и Полярную зону, а также через север Тихого океана.

Мы рады такому профессионализму. Правда, нам кажется, что это известно уже даже первокласснику. Но как блистательные эксперты собираются воевать на европейском театре военных действий?

Эксперты с важным видом отвечают, что с помощью ракет средней дальности. Каких ракет? Если крылатых, в основном, посылаемых со стратегических бомбардировщиков Ту-160 и Ту-95МС, то «дальняя авиация» – это самая уязвимая часть нашей ядерной триады, да и любой триады вообще. А баллистические ракеты средней дальности, напомним,

ним, были запрещены по Договору о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) 1987 года. И вроде должны были быть полностью уничтожены.

Что, мы, как американцы из договоров ПРО и СНВ-2, можем в одностороннем порядке выйти из РСМД? А осталось ли что-то из нужных ракет у нас на хранении? Если и осталось, то что может быть поставлено на боевое дежурство? Если не осталось, то где и как можно возобновить их производство? В какие сроки и с какими затратами?

Но даже если ракеты средней дальности можно использовать, то и американскую ПРО можно использовать против них. Или «упокойщики» считают, что американская ПРО может сбивать только стратегические МБР и не может сбивать такие же баллистические ракеты средней дальности? А почему они так считают? И те, и другие близки по основным параметрам полета и траектории. Так что различия принципиальной нет.

А может, «упокойщики» представляют себе такую войну, в которой мы вообще не будем бить по Европе – континентальной и островной. А она будет бить по нам. И американский флот из Атлантики будет бить по нам. И много что еще будет происходить. Это что – профессиональный подход? Как собираются «упокойщики» поражать:

- авианосные соединения США в Атлантическом океане,
- пусковые установки стратегических ракет и базы подводных лодок союзников США – Великобритании и Франции, которые, согласно Договору НАТО, не могут не вступить в войну в случае вступления в нее США,
- крупные объекты американской ПРО в Гренландии, Великобритании и других местах? В том числе, в «коренной» Европе?

США уже официально договорились о размещении в странах Восточной Европы элементов своей национальной противоракетной обороны (рис. 5).

И при этом США утверждают, что выбор Европы для размещения этого американского проекта с символическим названием «Сын звездных войн» определяется необходимостью перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты так называемых «пороговых стран». При этом открыто называются Иран и Северная Корея.

Однако Иран Европе никогда не угрожал, да и угрожать в ближайшие лет десять не сможет, о чем мы ниже скажем подробно. А вот России американская ПРО, несомненно, угрожает. Причем по ряду позиций.

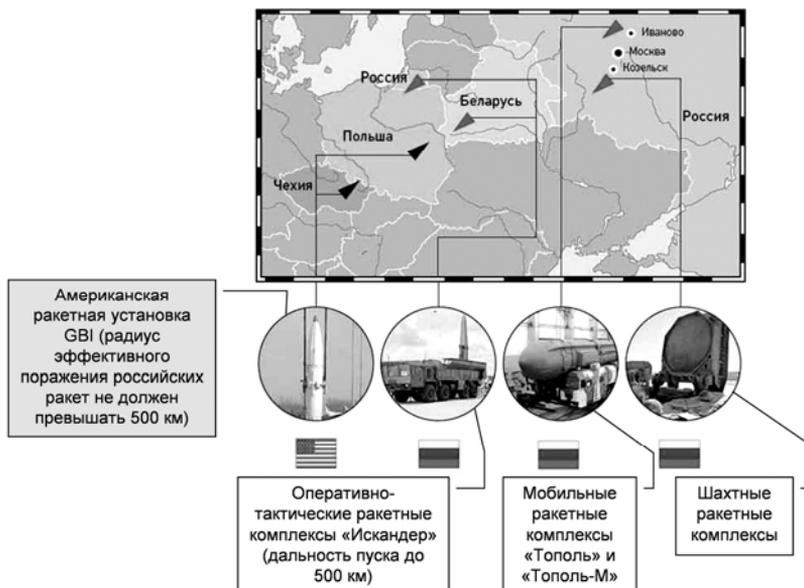

Рис. 5

Во-первых, размещение американских РЛС в Чехии и антиракет в Польше позволит Пентагону приблизиться к нашим стратегическим ядерным силам настолько, что он получит возможность перехватывать и сбивать часть наших ракет на начальном, разгонном участке траектории, когда они наиболее уязвимы.

Во-вторых, даже если отбросить сценарий прямого военного столкновения, наличие американской системы ПРО в Европе окажется средством постоянного давления на Россию – экономического, политического, психологического.

В-третьих, эти элементы американской ПРО, скорее всего, являются лишь первым шагом в дальнейшем развертывании более масштабной системы противоракетной обороны в Европе.

Какие ответные шаги сможет предпринять Россия в случае вероятного обострения отношений с США и начала военного конфликта? Особенно с учетом того, что сегодня, при наличии у США высокоточного оружия (крылатых ракет и бомб с лазерным наведением), почти нет разницы, будет конфликт ядерным или нет?

Сценариев, видимо, может быть лишь два – угрожать Европе и угрожать самим США. И при реализации обоих сценариев нам придется заняться тем, что во времена прежней холодной войны называлось «наращиванием ядерных мускулов».

Для угрозы Европе нам придется, прежде всего, перенацелить достаточную часть своих ядерных ракет на европейские объекты американской ПРО, военные базы, аэродромы, узлы радиоэлектронной разведки, командные пункты управления и так далее.

Максимальную долю своих МБР России понадобится сделать многоблочными, что даст определенную гарантию от их перехвата со стороны американской ПРО.

Для подстраховки, возможно, понадобится перенести часть своих шахтных МБР из европейской части страны на Урал и в Сибирь, за пределы досягаемости РЛС американской ПРО.

Еще одним компонентом действий России может стать развертывание собственных элементов ПРО – ракет-перехватчиков, размещаемых «лицо в лицо» польско-чешской системе ПРО.

Новое поколение европейцев, конечно, не помнит времена «холодной войны». Но старшее поколение еще не так давно, в 80-е годы XX века, выступало против размещения в Европе американских «Першингов», прекрасно понимая, что ракеты «притягивают» ракеты. И что каждая новая американская база в Европе попадает в список целей советских СЯС.

Угрожать США мы можем лишь с помощью МБР. И хотя это наиболее жесткий вариант, других, более «мягких» средств ведения войны у нас в действительности не остается. Удары по США могут быть нанесены из шахтных пусковых установок или мобильными комплексами МБР европейской части страны, а также с территории Сибири. И хотя все координаты наших ШПУ американцам известны, есть еще мобильные комплексы МБР, а также подводные ядерные ракетоносцы на морях. Подобная угроза, поддержанная реальным усилением наших СЯС, вполне может быть серьезным «аргументом сдерживания».

Часть VI. Исчерпывается ли перечисленным список угроз?

позволим себе обсудить еще один (пока, скорее, гипотетический) стра-

Уже всем понятно, что никто в США замшелыми схемами времен прошлой «холодной войны» в реальном стратегическом планировании оперировать не будет. И потому

тегический военный сценарий нашего потенциального противника. Ведь так, именно противника, – Гейтс выразился достаточно ясно!?

Сценарий этот достаточно закрытый. Но кое-какой информацией, просочившейся в открытые источники, мы воспользоваться можем.

Итак, именно в тот момент, когда США заявили о выходе из договора ПРО, начались форсированное переоснащение и достройка на Аляске гигантской радарной системы «ХААРП».

HAARP – High Frequency Active Auroral Research Program, или «Программа активного высокочастотного исследования авроральной области», – предназначена, согласно публично заявленным целям, для активных воздействий на ионосферные авроральные потоки.

Авроральными эти потоки названы по той причине, что именно с ними связаны так называемые «авроры» – полярные сияния.

А поскольку все, что связано с авроральными «исследованиями», в последние годы обросло множеством догадок, домыслов, версий и просто небылиц, вначале потребуется довольно развернутое астрофизическое пояснение (рис. 6).

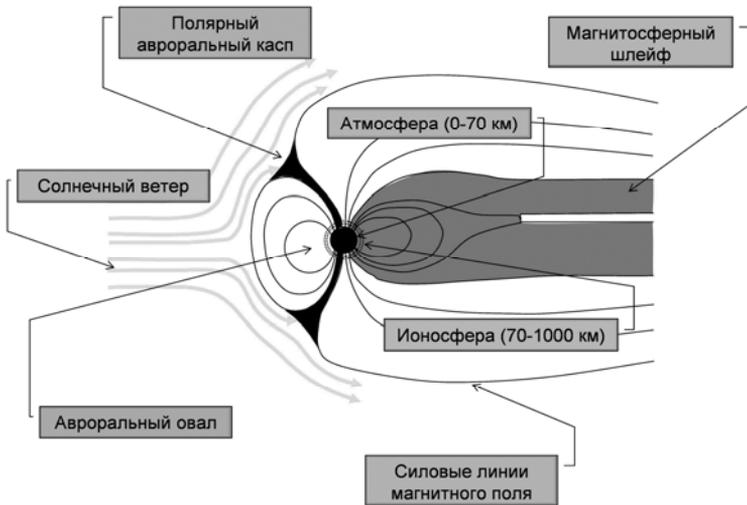

Рис. 6

Наша планета, благодаря сложным внутренним потокам вещества в земной мантии (их природа выходит за рамки обсуждения в данном докладе), является своего рода «постоянным магнитом». Полюса этого зем-

ного магнита в разные геологические эпохи сильно «дрейфовали» по планете. Сейчас Северный полюс этого магнита находится в Антарктиде, а Южный – на одном из островов на севере Канады, недалеко от Гренландии.

Магнитное поле земного «магнита», окружающее планету, подвергается воздействию гигантского внешнего потока элементарных частиц высоких энергий, основной вклад в который вносит так называемый «**солнечный ветер**». «Утыкаясь» в магнитное поле Земли, «солнечный ветер» его деформирует, создавая в околоземном пространстве сложную конфигурацию магнитных силовых линий, составляющую **земную магнитосферу**. Со стороны Солнца возникает так называемый «**авроральный овал**», а с «теневого стороны» – магнитосферный «шлейф».

А вот между силовыми линиями магнитного поля «аврорального овала» и «магнитосферного шлейфа» при этом возникают кольцеобразные зазоры-воронки, которые называются «**полярными авроральными каспами**». И именно через эти воронки – северную и южную – заряженные частицы «солнечного ветра» (прежде всего, электроны и протоны), двигаясь по спирали вокруг силовых линий магнитного поля, в основном и проникают с высот десятков тысяч километров над Землей в земную ионосферу. И именно в зонах этих «воронки» и наблюдаются такие красивые вещи, как полярные сияния (аворы).

Что происходит дальше (рис. 7)?

Рис. 7

Попадая в ионосферу (ее протяженность примерно от 80 до 800 км над Землей), частицы солнечного ветра, во-первых, за счет своей высокой энергии «отрывают» электроны от атомов находящегося там газа, приводя к их превращению в заряженные ионы (отсюда и название «ионосфера»). Вещество здесь находится в состоянии плазмы. И, во-вторых, как заряженные первичные частицы солнечного ветра, так и вторичные ионы и электроны (ионосферная плазма) начинают, опять-таки, сложным образом двигаться вдоль силовых линий земного магнитного поля.

Но движение заряженных частиц – это ведь электрический ток. А поскольку заряженных частиц приходит через полярные каспы и возникает в ионосфере очень много, то общая сила этого тока гигантская – сотни миллиардов ампер. Для сравнения скажем, что электрическая лампочка в 200 ватт потребляет ток меньше одного ампера.

Но, раз магнитные силовые линии сходятся к магнитным полюсам, именно в приполярных зонах – в полярных каспах и вблизи них – возникающие ионосферные токи наиболее мощные.

Это самая общая схема того, что происходит в ионосфере и ее приполярных зонах. Которая осложняется очень многими обстоятельствами.

Во-первых, сила «солнечного ветра», фактически питающего всю эту земную «электромагнитную мегамашину», меняется: на нее оказывают влияние вспышки на Солнце, периоды высокой и низкой солнечной активности и т.д.

Во-вторых, протекающие в ионосфере токи создают собственное магнитное поле, осложняющее магнитное поле Земли.

В-третьих, Земля ведь вращается вокруг оси и «подставляет» Солнцу разные участки поверхности, а система ионосферных токов и плазменных структур «не поспевает» за этими поворотами.

В результате вокруг Земли (и особенно в ее полярной зоне) возникает очень сложная и неустойчивая система меняющихся магнитных силовых линий и ионосферных токов в плазме и создаются замкнутые и разомкнутые вихревые образования (тела) плазмы – так называемые «плазмоды», «плазменные линзы» и т.д.

В случаях резкого усиления «солнечного ветра» в магнитосфере происходят масштабные «переключения» магнитных силовых линий – «**магнитные бури**». Такие же процессы в ионосфере, связанные с «переключениями» магнитных силовых линий и «разрядами» между раз-

личными плазмоидами и участками ионосферы, иногда называют **«магнитными суббурями»**.

При этом еще в 60-х годах было установлено, что при воздействии радиоизлучения на ионосферу она, поглощая радиоволны, нагревается и в ней начинают происходить аномальные электромагнитные процессы. В частности, в 60-е годы, когда в СССР и в США были проведены испытания мощных ядерных боезарядов на высотах до 300 километров, пучки излучения от взрывов быстро распространились по линиям магнитного поля, привели к масштабным возмущениям в ионосфере и почти полному блокированию коротковолновой радиосвязи. А вдобавок к этому на различных, в том числе тропических, широтах планеты наблюдались типичные «аворы» – полярные сияния.

Тогда же, в 60-х годах, начали строить первые «нагревные» передатчики радиоволн – станцию «Сура» под Нижним Новгородом, станцию «Тромсе» на полярном побережье Норвегии и другие.

В ходе экспериментов на этих станциях, в частности, выяснилось, что искусственный радионагрев ионосферы может фактически «управлять» системой ионосферных токов. Например, выключая и включая наземный «нагревный» передатчик, можно менять состояние плазмы в ионосфере и ее электрическую проводимость. То есть возбуждать в ионосфере гигантский переменный ток (так называемый **«эффект Гетманцева»**). И, по сути, превращать участок ионосферы в громадную «передающую антенну», которая управляется сравнительно слабым радиосигналом с Земли.

Но позднее обнаружилось и другое. «Нагревное» радиоволновое возбуждение ионосферы в некоторых случаях приводило к резкому (во много раз) возрастанию ионосферных токов. Иными словами, оно становилось своего рода «спусковым крючком», приводящим к «рукотворному» высвобождению гигантской энергии, накопленной в различных участках ионосферы.

И с тех пор описанными ионосферными эффектами всерьез заинтересовались военные – американские, наши и другие. Сначала, прежде всего, как подходом к созданию так называемого «метеорологического» и «геофизического» оружия.

Влияние авроральных ионосферных экспериментов на погоду и климат на нашей планете давно обсуждается специалистами разных стран и обеспокоенными политиками. Например, организаторов этих экспериментов громко и публично обвиняют в создании «рукотворных»

разрушительных ураганов (включая знаменитую «Катрину»), и даже в провоцировании землетрясений.

Однако в нашем докладе речь пойдет о другом.

Еще раз напомним, что самый мощный (и самый сложный) ионосферный «радионагреватель» проекта ХААРП начали спешно достраивать и модернизировать на Аляске именно тогда, когда США заявили о предстоящем отказе от американско-советского договора по противоракетной обороне. А его первые испытания были «тык в тык» приурочены к моменту выхода США из договора о ПРО.

Именно тогда в долине Гакона, примерно в 400 км от Анкориджа, в зоне северного «аврорального каспа», где потоки ионизированных частиц максимальны, на площади около 15 гектаров оказалось развернуто огромное поле из 180 независимо управляемых 25-метровых передающих антенн, мощная электростанция, командно-вычислительный центр и т.д. (рис. 8).

Рис. 8

Излучающая мощность системы антенн уже сейчас составляет 3,5 мегаватта (по другим данным, 10 мегаватт) и, как предполагается, может быть существенно увеличена. То есть в своем диапазоне мощность излучения системы ХААРП уже сегодня в миллион миллионов раз больше, чем у Солнца. Причем антенны ХААРП позволяют фокусировать излучение на локальных участках ионосферы, нагревая их до состояния высокотемпературной плазмы.

Название проекта как бы исследовательское. Но реализуется он на деньги военных, и все его результаты уже с конца 90-х годов строго засекречены. База обнесена колючей проволокой, периметр охраняют вооруженные патрули морской пехоты, а воздушное пространство над базой закрыто для всех видов гражданских и военных самолетов. После событий 11 сентября 2001 года вокруг HAARP также спешно установлены ракетные комплексы ПВО «Пэтриот».

Насчет военных возможностей системы ХААРП создается много мифов. В частности, о том, что она способна вызывать разрушение наземной инфраструктуры, включая трубопроводы и линии электропередач на больших площадях, а также уничтожать самолеты на аэродромах и ракеты в шахтах.

Однако есть и ряд достаточно авторитетных профессиональных оценок.

Так, американские научные журналы, обсуждая проект ХААРП, неоднократно цитировали известного специалиста по физике магнитосферы и ионосферы Бернарда Ислунда. Ислунд заявлял: *«Антенное сооружение на Аляске в действительности "лучевая пушка", способная уничтожить не только сети связи, но также ракеты, самолеты, спутники и многое другое. Ее применение неизбежно повлечет... климатические катастрофы по всему миру, а также повышение уровня смертоносной солнечной радиации».*

Российские эксперты считают, что при помощи направленного воздействия антенн типа ХААРП вполне возможен такой «разряд» энергии плазмидов и ионосферных токов, возникающих в приполярных областях, который способен вызывать серьезные эффекты «боевого» применения. Так, они утверждают, что вполне реальны следующие «боевые» эффекты:

- полный выход из строя электроники и систем управления самолетов и крылатых ракет;

- блокирование или полный выход из строя электронных систем баллистических ракет на разгонном (до отделения ступеней двигателей) и баллистическом (до отделения разделяющихся головных частей) участках траектории. В частности, при пусках ракет через приполярную зону, а также с подводных лодок в акватории Северного Ледовитого океана.

Кроме того, отдельные эксперты утверждают, что при помощи систем типа ХААРП действительно возможно даже разрушение некоторых объектов, пролетающих через полярную зону. Но и приведенных выше «не-

разрушающих» эффектов достаточно для того, чтобы утверждать, что очень дорогостоящая «игрушка» на Аляске по своим задачам и возможностям выходит далеко за рамки сугубо «исследовательских» программ.

Однако здесь еще раз следует напомнить, что речь идет о воздействиях именно в полярной зоне. Только там, где очень высока плотность авроральных токов и энергия ионосферных плазменных образований, оказываются в полной мере реализуемы описанные выше «военные» эффекты.

А теперь обратимся к карте-схеме (рис. 9):

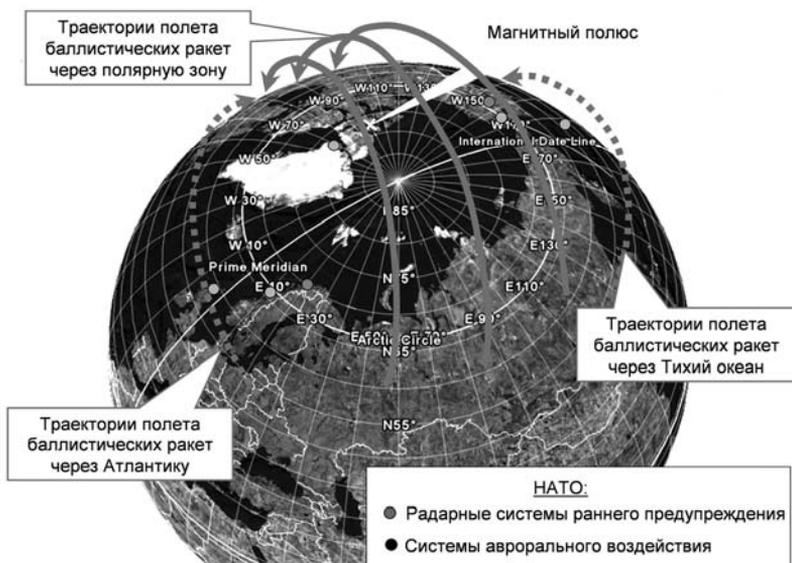

Рис. 9

Мы видим, что именно в этой полярной зоне проходят, согласно российским доктринам стратегических ядерных сил, основные баллистические траектории наших ракет, нацеленных на США. Причем проходят они в ионосфере на высотах до 400–600 км, где и можно «разрядить» накопившуюся энергию плазменных образований и ионосферных токов. Здесь же проходят основные боевые курсы наших стратегических бомбардировщиков с крылатыми ракетами, нацеленными на США. Отсюда же предполагаются запуски (в том числе «подледные» запуски) части ракет с российских атомных подводных крейсеров.

И именно в этой зоне уже давно «висят» американские спутники системы раннего предупреждения о ракетном нападении.

И именно здесь уже размещены наиболее мощные наземные радарные станции НАТО, объединенные в «их» систему СПРН, – в Великобритании, Норвегии, Гренландии, на Аляске, на Алеутских островах.

И именно здесь располагаются антенные поля первой активной системы ХААРП на Аляске под Анкориджем, а также второй, спешно расширяемой аналогичной системы – в Тромсе в Норвегии.

Конечно, военное применение описанных эффектов – дело не простое. Для прямого боевого воздействия на самолеты или ракеты – создания искусственных «поражающих плазмидов» с необходимой энергией – нужно «закачать» в антенны ХААРП огромную мощность. Это, по оценкам специалистов, принципиально возможно, но лишь в единичных «исключительных» случаях. Да и для того, чтобы «разрядить» на военные цели огромный «природный» энергетический потенциал плазменных ионосферных образований, нужно очень многое знать и учитывать. Например, интенсивность «солнечного ветра», время суток, детальное состояние конкретных участков ионосферы и многое другое.

Но представьте себе, что американский технический гений с этим разобрался. И, разобравшись, уже нашел – или вот-вот найдет – способы блокировать таким образом наши ракеты и самолеты, которые полетят через полярную зону. Ведь деньги и силы в проект ХААРП «вкочируются» огромные.

А если полярная зона в результате станет фактически непроницаемой для российских стратегических бомбардировщиков и ракет, то по каким траекториям они должны лететь на США? Безусловно, минуя полярную зону. То есть их тогда придется запускать из «неудобных» районов и по «неудобным», в том числе более длинным, баллистическим траекториям.

Тогда они должны будут лететь, прежде всего, через север Тихого океана, где их будут перехватывать системы ПРО и ПВО на кораблях США, на Аляске, а также сооружаемая база противоракет в Калифорнии.

И они должны будут лететь из Южной России через Европу, где их будут перехватывать противоракеты в Польше и других странах, в том числе в Скандинавии (которых к тому моменту будет не 10, а 50 или более), а также противоракеты с кораблей в Северной Атлантике и баз на Северо-Востоке США.

А все это вместе сразу, и очень резко, усложняет российским СЯС решение задачи эффективного ответно-встречного или, тем более, ответного удара по целям в США.

И как мы все-таки должны в описанной ситуации относиться к такой «мелочи», как создание у наших границ, в Чехии и Польше (а далее, видимо, везде), системы ПРО?

Господа Арбатов, Золотарев и другие путаются сами и путают гражданские ведомства. Путаются сами, поскольку сначала господин Арбатов говорит, что наши ракеты через Европу не полетят, а через несколько минут – «если будет наращиваться количество противоракет США, то надо будет искать ответ».

«Упокойщики» должны все же дать внятный ответ на вопрос: зачем США противоракеты в Польше? «Упокойщики» говорят, что оказывается, американцы в своих заявлениях абсолютно честны и это, действительно, профилактика против иранской ракетной угрозы! Ну и ну! Мы-то, грешные, считали, что это откровенный американский «стеб», рассчитанный на край непуганых идиотов! Оказывается, этот край не за тридевять земель, а в наших элитных экспертных институтах? Так, что ли? (рис. 10).

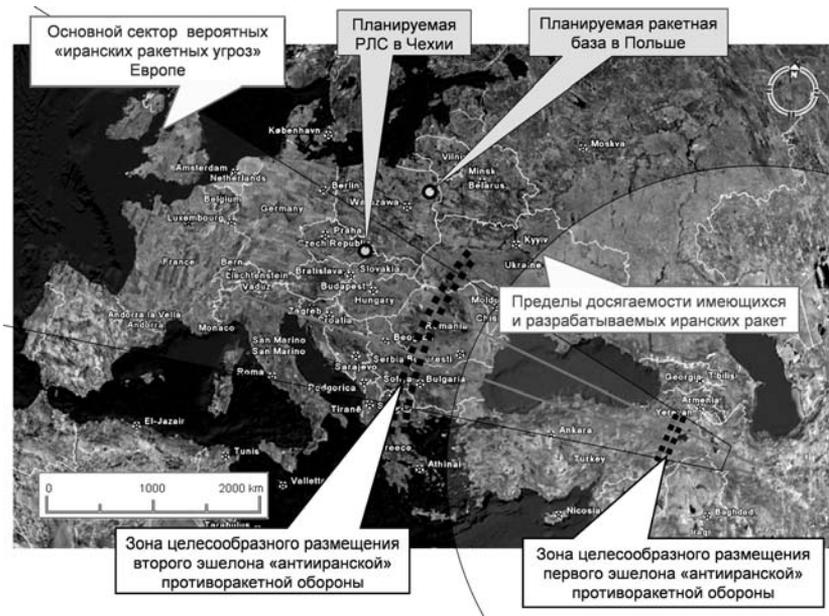

Рис. 10

Во-первых, сейчас, по оценкам авторитетных экспертов, у Ирана просто нет ракет с дальностью более 1500 км. И в ближайшее время не предвидится ракет с дальностью более 2200 км. А потому они вряд ли могут угрожать чему-то, кроме стран СНГ и Ближнего Востока, а также самого близкого «причерноморского» сектора Европы.

Однако, допустим, Иран через несколько лет сделает «рывок» и получит ракеты с дальностью до 5 тыс. км, то есть сможет «достать» практически всю Европу. И тогда именно для защиты Европы от «иранской угрозы» и нужно ставить здесь системы ПРО, включая РЛС и пусковые комплексы противоракет.

Но если американцы действительно «противоракетят» Европу от Ирана, то и РЛС, и противоракеты нужно ставить, прежде всего, у союзников США по НАТО – в Турции и Греции!

Причем ставить их тогда желательно эшелонированно. Первый эшелон – ближе к Ирану для поражения целей на разгонном участке траектории. Второй эшелон – подальше, в районе Восточных Балкан, – для поражения на баллистическом участке. В любом случае, эти РЛС и противоракеты должны прикрывать Европу с юго-востока. А не торчать в Польше, защищая – кого и от кого? Швецию и Норвегию от Ирана?

В ответ на это мы слышим детские сказки о том, что в Турции, мол, ставить нельзя: там грядет исламский фундаментализм. А в Греции он тоже грядет? И он же грядет в Болгарии и Румынии, которые не меньше Польши готовы к размещению чего угодно на своей территории, лишь бы за это хорошие «бабки» давали?

Теперь – о возможной иранской ракетной угрозе США. Если Иран действительно захочет «долбануть» по Вашингтону, то, исходя из возможной конфигурации баллистических траекторий, РЛС в Чехии и противоракеты в Польше, действительно, окажутся как раз примерно «по пути». Но захотеть мало. Нужно еще смочь. То есть для этого Иран должен еще и суметь создать стратегические МБР с дальностью свыше 12 тыс. км, способные непосредственно угрожать Америке.

Однако в этом – пусть и маловероятном – случае первый эшелон «антииранской» ПРО американцам нужно ставить, опять-таки, в Турции или в Азербайджане и Грузии! А второй (то есть чешско-польский) эшелон обязательно оснащать суперсовременными скоростными противоракетными комплексами, способными действовать по баллистическим целям на высоких траекториях! То есть ракетами типа GBI или еще более современными.

Но если эти противоракеты будут высокоскоростные, способные «работать» по баллистическим целям на высоких траекториях, и в том числе на «боковых» и «догоняющих» курсах, то они – сразу же и автоматически – становятся средством борьбы не только с гипотетическими иранскими, но и с реально существующими стратегическими российскими МБР!

И как тогда нам на это реагировать?! И в чем тогда суть игры под названием «упокойка»?

Есть такая композиция в стратегической теории игр. Если противник расставил определенные фишки определенным образом, то тебе гарантирована «хана». Сопротивляться уже бессмысленно. И в такой игре главное – не дать противнику расставить подобным образом фишки.

Наша игра состоит в том, чтобы фишки противника не были втихую расставлены так, чтобы для России внезапно возникла «хана». А игра под названием «упокойка»? У нее-то какие цели?

Часть VII. Выступление Путина в Мюнхене и реакции на него

ответов»? После всего, что мы здесь разобрали, очевидно, что такие основания были. И основания очень и очень серьезные.

А каковы реакции?

Наблюдатели сообщают, что во время речи Путина в Мюнхене 10 февраля западные высокопоставленные лица (в том числе Роберт Гейтс и делегация Конгресса США) «сидели с окаменевшими лицами». Что Ангела Меркель «отводила взгляд», а позднее неуверенно двинулась к выходу, выронив какие-то листы. Что Гейтс подчеркнуто углубился в свои записи и на заданный ему вопрос, «хочет ли он ответить»,отреагировал отрицательно, только улыбнулся.

Основные реакции участников саммита пошли на следующий день.

Гейтс, выступивший на саммите 11 февраля 2007 года с ответной речью, обвинения на тему «холодной войны» отверг. При этом он говорил «обтекаемо» и иронично: *«Одному из вчерашних ораторов почти удалось погрузить меня, как бойца "холодной войны", в ностальгию по временам, когда все было гораздо проще. Но сегодня мир сложнее, чем 30 лет назад. Все мы сталкиваемся с множеством общих проблем, и решать их нужно в партнерстве с другими странами, в том числе и с*

Россией. Хватит нам одной "холодной войны"». Далее Гейтс заявил, что «России не следует бояться продвижения НАТО к ее границам», но тут же добавил: «Существует реальная необходимость экспорта безопасности за пределы границ Североатлантического альянса».

Затем Гейтс дистанцировался от Рамсфелда, в свое время сделавшего различие между «старой» Европой, где критиковали войну в Ираке, и «новой» (Восточной) Европой, в основном поддержавшей США в 2003 году. *«Подобные характеристики ушли в прошлое», – сказал Гейтс, обозначив тем самым, что эпоха Рамсфелда закончилась. И добавил, явно бросая камень в огород предшественника: «...Большинство людей в мире понимают, что время от времени мы совершаем глупости, но мы на стороне добра».*

Сенатор-республиканец Джон Маккейн, возможный кандидат на пост президента США, выступил против России и Путина гораздо резче: *«...В сегодняшнем мире нет места беспричинной конфронтации... Будет ли поворот России к авторитарному правлению еще более заметным, станет ли внешняя политика страны еще более противоположной принципам западной демократии и будет ли ее энергетическая политика по-прежнему использоваться как инструмент устрашения?»* А далее последовал еще один, совсем решительный, тезис: *«Москва должна понять, что она не может иметь настоящего партнерства с Западом, пока ее действия дома и за рубежом фундаментально конфликтуют с основными ценностями демократий Европы и Америки».*

Тему, разумеется, тут же подхватили газеты.

12 февраля «Интернешнл Джеральд Трибьюн» приводит оценку президента парижского Международного института стратегических исследований Франсуа Хейсбурга. Хейсбург заявил, что Путин своими нападка мстит США за распад СССР в 1991 году: *«Тогда статус России снизился. Россия должна была мириться с расширением Запада в страны Восточной Европы. России казалось, что США злоупотребляют своим положением, как самой сильной державы после распада СССР. Теперь мы видим Путина и Россию, которую интересует исключительно сила. Никаких общих ценностей (!). Грубая сила».*

Такой же тон «окончательного приговора России» берет «USA today»: *«На какой-то момент в эти выходные показалось, что холодная война вернулась... Путин показал себя настоящим прогрессирующим диктатором с очень советскими оттенками. Надежды на то, что Россия вольется в клуб западных демократий, теперь разрушены».*

А 13 февраля свою эффектную «точку» в серии «приговоров» ставит одна из наиболее влиятельных газет американского истеблишмента – «Уолл-стрит джорнэл». Она помещает статью Брета Стивенса «Русское слово "наглость"», которую стоит процитировать подробно.

Статья начинается со слов: *«Ближайший эквивалент английскому слову **chutzpah** ("нахальство", "дерзость") в русском языке – наглость. В вашем лице, Владимир Путин, российский народ обрел подлинное воплощение наглости»*. А далее идет разбор тезисов Путина с «ответами», причем каждый из тезисов Путина помещен под «шапку» **«Наглость»**:

*«**Наглость**: После субботнего выступления с речью на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности вам задали вопрос о произошедшем 7 октября (в день вашего рождения, господин президент) убийстве журналистки Анны Политковской, делавшей громкие разоблачения. Вы и близко не упомянули ее имени. Зато услужливо напомнили, что за последние полтора года "в Ираке больше всего погибло журналистов".*

Это так. Но Москва – не зона боевых действий. А по сравнению с Россией Ирак может похвастаться достаточно свободной прессой. По данным Комитета защиты журналистов, с момента вашего прихода к власти были убиты 13 журналистов, и преступления имеют все признаки заказных. Ни по одному из дел не было вынесено ни одного приговора. Сама Политковская жаловалась на "еженедельные вызовы в Генеральную прокуратуру"... Бывший советский президент Михаил Горбачев назвал ее убийство "ударом по всей демократической независимой прессе". А вы предпочли похвалить ее, обмолвившись, что ее влияние было "минимальным".

***Наглость**: В своей мюнхенской речи вы удивительно резко обрушились на Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая, по вашим словам, занимается "навязыванием государствам того, как они должны жить и развиваться".*

...ОБСЕ занимается наблюдением за выборами в 56 странах, входящих в ее состав. Это ни у кого не вызывало беспокойства, пока ОБСЕ не сообщила о нарушениях в ходе выборов на Украине в ноябре 2004 года, а они были подтасованы в пользу предпочтительного для вас кандидата Виктора Януковича. Решение ОБСЕ сыграло важнейшую роль в пересмотре результатов и проведении новых выборов. Вы так и не смогли этого простить. С тех пор наблюдатели ОБСЕ подвергаются безжалостной критике со стороны вашего Министерства иностранных дел и со стороны других бывших советских республик с со-

мнительным демократическим устройством. Все это делается с целью поставить выборы под ваш собственный политический контроль.

Наглость: Теперь вы говорите на Мюнхенской конференции, что "никто не чувствует себя в безопасности" перед лицом американской военной, экономической, культурной, политической, правовой и образовательной экспансии. Можно сказать и так.

Но при этом четыре миллиона граждан Грузии не чувствовали себя в особой безопасности, когда в конце прошлой зимы непонятные взрывы (которые не без оснований приписывают спецслужбам) привели к прекращению поставок топлива в Тбилиси. Не чувствуют себя в безопасности и сотни тысяч грузин, живущих в России, после того как прошлой осенью вы установили запрет на торговлю, транспортное и даже почтовое сообщение с этой страной после выдворения оттуда четверых ваших шпионов. **Вы задали вопрос о расширении НАТО: "У нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение?" Конечно, против вас. Со странами Балтии вы не ведете себя так агрессивно, как с Грузией, Украиной и даже Белоруссией – государствами, которые не входят в Европейский союз и безопасность которых не гарантирует Америка. (...)**

Наглость: "В энергетической сфере Россия ориентируется на создание единых для всех рыночных принципов и прозрачных условий, – заявили вы в субботу. – Очевидно, что цена на энергоносители должна определяться рынком, а не являться предметом политических спекуляций, экономического давления или шантажа".

Наверное, по-русски слова "рыночные принципы", "прозрачность" и "шантаж" означают что-то другое, чем на Западе. В декабре российское правительство выдвинуло явно надуманные экологические претензии – "несанкционированная вырубка деревьев", – чтобы заставить Royal Dutch Shell уступить контроль над нефтегазовым проектом "Сахалин-2" ценой в 20 млрд долларов. В январе государственная компания "Газпром" использовала угрозу прекращения поставок, чтобы получить контроль над белорусской газопроводной сетью. В феврале государственные прокуроры выдвинули новые обвинения против бывшего главы компании ЮКОС Михаила Ходорковского, которые позволяют продержат его в сибирском ГУЛАГе до выборов 2008 года. Что же вы готовите нам в марте?

Наглость: Вы раскритиковали США за "почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы" в международных от-

ношениях и за "все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права".

Забавно, ведь если говорить о гипертрофированном применении силы, то здесь сложно превзойти ваших людей в Чечне. "Во время «зачисток» (облав) я убивал всех мужчин, – рассказал американской журналистке Мауре Рейнолдс один из бывших российских солдат. – И мне совершенно не было их жалко. Они заслужили это. Я не слушал, когда они умоляли не убивать их или когда плакали их жены и умоляли пощадить своих мужей". Подобных рассказов очень много.

А есть еще нераскрытое убийство британского подданного Александра Литвиненко. Теперь не загадка, куда ведут следы полония: Скотланд-Ярд обнаружил его следы во всех местах Лондона, где побывал московский предприниматель Андрей Луговой. Так почему же вы отказываете британским властям в возможности его допросить?

Один из людей, хорошо знакомых с вами и вашими друзьями, заметил, что миру известны монархии, диктатуры, военные хунты и демократии, но "только в фантастических рассказах к власти приходили спецслужбы". Но теперь так и случилось. И главной чертой стала наглость».

Очевидно, что «Уолл Стрит Джорнэл» не только прямо заявляет, что расширение НАТО проводится «против вас», но и предъявляет России некий собирательный и весьма длинный «политический счет»! Причем с использованием совершенно необычной для данного респектабельного и «осторожного» издания бранной лексики!

Впрочем, по части бранной лексики данную публикацию явно «переплюнула» статья некоего Макса Бута в очень влиятельной – и, опять-таки, очень респектабельной – газете «Лос Анджелес Таймс» под совершенно беспрецедентным названием **«Путин: вошь, которая зарычала»**. Подчеркнем, что подобную лексику американские влиятельные СМИ не использовали даже в отношении наиболее одиозных диктаторов в мелких «банановых республиках»!

А на этом фоне следует мощный «залп» обвинительно-констатирующих антироссийских и антипутинских публикаций в англоязычных (в основном, американских) СМИ.

«Нью-Йорк таймс»: «Это самые жесткие замечания Путина, который долгое время копил зло в связи с критикой со стороны США и их европейских союзников за то, что он и его кадры из бывшей советской разведки сконцентрировали в своих руках всю власть в России, ее энергетические ресурсы и военно-промышленный комплекс».

«Файненшл таймс»: «Может быть, Путин чувствовал себя Даниилом в логове львов... Но, если Путин и намеревался углубить раскол в НАТО, его агрессивное выступление привело к противоположному эффекту. Впервые почти за десятилетие высокопоставленные политики, дипломаты и министры обороны 26 стран НАТО сумели сомкнуть ряды перед лицом общего врага. ...Появление старого доброго русского пугала, с которым можно бороться, принесло облегчение».

Последней оценке вторит сенатор Линдси Грэхэм: *«Своей единственной речью он сделал больше для объединения США и Европы, чем мы смогли бы сделать за десятилетие».*

Сенатор Джозеф Либерман: *«Думаю, что заявления президента Путина были весьма провокационными и дают нам почву для размышлений. Они разочаровывают, поскольку, как я надеялся, мы выше такого рода риторики».*

Нужно подчеркнуть, что на фоне крайне разнузданной кампании в большинстве мировых СМИ резко выделяется тон германской прессы – очень взвешенный и подчеркнуто объективистский.

За этим залпом обвинений (который, впрочем, вовсе не иссяк) последовали более осторожные, «рассудительные» и «примирительные» заявления американских официальных лиц. Причем из этих заявлений видно, что «конфронтационный» поворот в отношениях с Россией в администрации США устраивает далеко не всех.

Представитель Белого дома Гордон Джонгроу заявил: *«Мы удивлены и разочарованы выступлением Владимира Путина. Обвинения, которые содержатся в этом выступлении, неверны. Мы надеемся продолжить сотрудничество с Россией в сферах, важных для международного сообщества, таких как борьба с терроризмом и нераспространение оружия массового поражения».*

Далее, «условно-примирительно» выступил такой «политический зубр», как Brent Скоукрофт (советник по национальной безопасности Ричарда Никсона, Джеральда Форда и, наконец, Джорджа Буша): *«Если взять отдельно риторику, это было отвратительное выступление. Но вспомним, что Путин сказал, что не считает нужным, чтобы Иран мог обогащать уран. А это именно то, чего мы пытаемся добиться от Ирана».*

И, наконец, 14 февраля последовала реакция президента США Джорджа Буша, который вполне последовательно «защищал» от нападок Путина – но не Россию: *«Это отношения, в которых имеют место*

разногласия, но при этом мы можем найти общие точки для решения проблем. Именно в этом духе я буду продолжать работать с Владимиром Путиным». Далее Буш добавил, что его отношение к президенту России не изменилось и он считает Владимира Путина волевым лидером.

И в тот же день, 14 февраля, в газете «Вашингтон пост» появилась статья Ариэля Коэна «Как ответить на нажим Путина».

Коэн пишет: *«Разговоры о холодной войне – это, пожалуй, чрезмерное упрощение новой глобальной мировой системы. Очевидно, что первоначальный период гладких отношений после краха коммунизма закончился окончательно и бесповоротно. Теперь предстоит пересмотреть эти взаимоотношения с реалистичных позиций...»*

США следует избегать словесной полемики с Москвой. Действиями, а не словами можно показать Кремлю, что США и их союзники не поддались угрозам, однако не заинтересованы в возобновлении вражды. Соединенные Штаты должны продолжить сотрудничество с Россией в тех вопросах и областях, в которых есть точки соприкосновения: в энергетике, нераспространении ядерного оружия и космической отрасли».

Здесь «сладкие пилюли» завершаются и начинается разговор о главном: *«Наступило время наводить мосты с возможными союзниками русских, чтобы не допустить создания антиамериканских блоков. Кроме того, США должны обратиться к своим традиционным союзникам в Европе и мире, чтобы те признали изменение стратегического баланса в Восточном полушарии и активнее действовали в интересах взаимной обороны, координировали энергетическую политику и действия потребителей по обеспечению энергетической безопасности».*

Что все это может означать?

Прежде всего, можно предположить, что Гейтс накануне Мюнхенской конференции вполне осознанно провоцировал президента России на резкий ответ, чтобы «политически оторвать» от него Джорджа Буша. А параллельно, обещая в Мюнхене европейцам забыть рамсфелдовские «глупости» в Ираке, открывал диалог о возможности «переключения» евро-атлантического сотрудничества с антитеррористического (то есть антиисламского) вектора на вектор антироссийский.

В связи с этим отметим, что довольные улыбки Гейтса, а также торжествующие констатации газеты «Файненшл Таймс» и сенатора Линдси Грэхем насчет того, что именно Путин придал решающий импульс восстановлению американо-европейской «атлантической солидарности»,

вовсе не случайны. Вот оно, реальное, провокационное и эффективное применение «мягкой силы»!

Если это так, то на Мюнхенской конференции Россия должна была, в определенном смысле, сыграть роль «главного лота» в евро-американском торге. Тогда не исключено, что именно в этом одна из главных причин столь резкой интонации выступления Путина. И в том же – причина достаточно осторожных реакций европейцев, и прежде всего Германии.

Конечно, пока не вполне понятно, что именно может потребовать континентальная Европа от США в качестве платы за «антироссийское» переключение. Очевидно, что главный торг здесь впереди. На это достаточно ясно указывает «напряженное молчание» Ангелы Меркель как во время путинской речи, так и в течение прошедших после нее дней. Но и другие европейские лидеры (в отличие от газет) пока тоже отвечают на складывающуюся новую «диспозицию» дружным молчанием.

Знаменательно, что молчит и еще одна «очень заинтересованная сторона» – Китай. 13 февраля агентство «Синьхуа» сообщило, что в ответ на просьбу журналистов изложить мнение китайской стороны на критические замечания В.Путина представитель МИД КНР Цзян Юй отметила: *«В нынешней международной ситуации все страны должны приложить совместные усилия для создания гармоничного мира, где царит атмосфера долгосрочного мира и совместного процветания».* По-китайски обтекаемо: мол, главное – гармония!

Выводы и рекомендации

Подходит к концу двадцатилетняя эпоха иллюзий. Эпоха, когда российской элите казалось, что она на каких-то основаниях может быть принята в какой-то (конечно, в первую очередь американский) западный суперклуб. Центром мечтаний в этих иллюзиях была возможность России войти в НАТО. Когда после событий 11 сентября господин Блэр выступил с такой инициативой и эта инициатива была сокрушительно отвергнута – прежде всего США, – настал, просим прощения, «момент истины».

Дальше длить иллюзии было невозможно. Но очень хотелось. И их продлили еще на шесть – страшно нужных для другого – лет. Теперь надо отказываться от иллюзий! Это весьма болезненно, но, увы, безальтернативно.

При этом совсем не обязательно переходить в жесткую конфронтацию Западу. Нужна настоящая суверенность – не декларативная, а настоящая. То есть стратегическая, концептуальная, историософская, метафизическая. И – ядерная! Нужен суверенный суперпроект и суверенное государство. Увы, не исключено, что вновь сверхдержавное. Но, в любом случае, – глобально самодостаточное.

Это очень крутой поворот. Надо сделать все, чтобы он был смягчен. Чтобы воздействия, поворачивающие систему, не были тупыми и жесткими и не разрушили систему вместо того, чтобы ее повернуть. Но чем мягче должны быть эти воздействия, тем они должны быть умнее, энергичнее и тоньше. И все равно, увы, они будут жесткими.

О том, что именно необходимо делать, чтобы обеспечить России реальную ракетно-ядерную безопасность, в последние годы много говорят и пишут отнюдь не худшие специалисты. В сложившейся ситуации многократного перевеса ядерных сил США и НАТО над нашими СЯС понятно, что главными принципами их трансформации должны стать экономичность, эффективность и нетривиальность (та самая «асимметричность», о которой говорил в Мюнхене Путин). Задача непростая, но, как считают эксперты, реализуемая при условии предельной мобилизации необходимых сил и ресурсов.

Из того, что, так сказать, «на слуху» в среде российских технических специалистов, можно выделить ряд следующих первоочередных рекомендаций:

1. Добиться переоснащения комплексов «Тополь-М» с варианта «одна боеголовка» на минимум трехблочные головные части. Сейчас говорится о существовании некой «планирующей боеголовки», которая легче, компактнее и эффективнее боеголовок «Сатаны». Если это так, значит, как говорил Чапаев, «хрен с ней, давай планирующую». Но лишь в том случае, если это вправду так. И если ради гипотетических возможностей планирующих боеголовок нам не придется жертвовать испытанными и эффективными технологиями создания ложных целей и постановки помех. То есть понизить вероятность «взлома» ПРО противника.

2. Необходимо резко увеличить количество поставляемых в год мобильных «Тополь-М», как наименее уязвимых для ПРО США, которая все координаты наших шахтных ракет уже давно знает. Если при поставке на боевое дежурство даже 30 МБР в год мы лишь сохраним имеющееся на сегодня число ракет, значит, их надо делать 50–60 в год. В конце концов, себестоимость одной ракеты всего около 9 млн. долла-

ров, а Воткинский завод еще помнит, как в советские времена он пек их, как пирожки.

3. Обязательно прикрыть районы базирования и маневрирования наших МБР от американского удара. США должны знать, что русские не позволят уничтожить ракеты на своей территории, как при стрельбе на полигоне, а будут бороться за их выживаемость. Задача в том, чтобы любым способом организовать наиболее раннее обнаружение американских МБР и заблокировать первую волну американской аэрокосмической атаки, чтобы дать российским ракетчикам время для нанесения «удара возмездия» по США.

4. Оценить возможность выхода России из Договора по ракетам средней дальности и возобновления производства таких ракет. Ряд экспертов считает, что их вполне можно делать на основе второй-третьей ступеней и боевого блока модернизированного «Тополя». Если это так, то после одностороннего выхода США из договора по ПРО и решительного отказа НАТО выполнять ограничения по Договору об обычных вооружениях в Европе Россия имеет полное право нарастить свой потенциал и ракетами средней дальности.

5. У советского ВПК было супероружие под названием ИС-1 («истребитель спутников»). Эта система была снята с вооружения и законсервирована в 1983 году – в угоду концепции демилитаризации космоса. Теперь эта концепция стараниями американцев уничтожена. Возможно, от системы ИС-1 у нас еще что-то осталось. Если это так, нужно думать о том, как расконсервировать, модернизировать и поставить на боевое дежурство эту систему перехватчиков американских орбитальных аппаратов.

6. Отдельно можно сказать о возможностях нашей дальней авиации, которая при всей ее уязвимости тоже может сослужить службу. Задачей стратегических ВВС должен стать авианосный флот США, точнее, хотя бы одно авианосное соединение, потерять которое американцам будет крайне неприятно. Для этого на наши стратегические бомбардировщики Ту-160 и Ту-95МС можно вместо ракет Х-555 поставить разработанную и уже прошедшую испытания крылатую ракету А-101.

7. Необходимо возродить классическую истребительно-бомбардировочную авиацию (уничтоженную ельцинским указом от 16 июля 1997 года с тем обоснованием, что наши Су-17, составлявшие ядро этого рода войск, мол, недостаточно живучи). Она теперь окажется насущно необходимой в качестве средства борьбы с системами ПВО и ПРО (в основном, с радарными установками) на европейском ТВД.

8. Необходимо развернуть производственную базу перехватчиков МИГ-31Д, чтобы через обозримый промежуток времени получить хотя бы два-три полка этих самолетов с противоспутниковыми ракетами, которые производит нижегородский завод «Сокол». Эти ракеты способны уничтожить низколетящие космические аппараты системы СБИРС, тем самым частично ослепив американскую ПРО. Причем возможности наших противоракет надо в ближайшее время продемонстрировать американцам, например, сбивая свои же исчерпавшие ресурс спутники.

9. Нужно оснастить несколько баллистических ракет генераторами Центра имени Келдыша, которые способны создавать в ионосфере Земли возмущения, ослепляющие радары раннего обнаружения США. (Видите, у нас тоже кое-что по части «авроральных исследований» все-таки имеется.)

10. Надо находить любые другие нетрадиционные способы борьбы – от компьютерного хакерства с государственным финансированием, способного погрузить в хаос финансовую систему, транспорт, управление воздушным движением и связь в США, до подготовки диверсионных подразделений с ранцевыми ядерными зарядами для действий на территории стран НАТО.

11. Обязательно использовать все средства пропагандистской войны, главная задача которой – убедить США в том, что русские так просто не сдадутся, они обязательно ответят не только на удар, но даже на явную угрозу удара. Превентивность так превентивность!

12. Не поддаваться на провокации примитивной гонки вооружений – ракета на ракету, подводная лодка на подводную лодку. В отборе имеющихся и перспективных образцов военной техники действовать обдуманно и заглядывая в будущее – опять-таки, «асимметрично». То есть непредсказуемо для потенциального противника.

Еще раз: мы не можем позволить себе «копить расслабуху»!

Если мы действительно хотим переходить на твердотопливные ракеты, то количество производимых «Тополей» должно быть намного, намного больше. Если это дело долгое, давайте подумаем о том, возможно ли опереться в качестве «промежуточного варианта» (когда ракеты «Сатана» между 2010 и 2012 годами одна за другой будут сниматься с боевого дежурства) на стратегические «Стилеты» (СС-19). Они хранились у нас в сухом виде и, как утверждают некоторые эксперты, могут хотя бы частично восполнять убыль исчерпавших свой ресурс более мощных ракет. Если это возможно, давайте срочно переоборудовать для «Стилетов» имеющиеся шахтные позиции.

Если для наших новых ракетных подводных крейсеров проекта «Борей» нужна ракета «Булава», то ее нужно форсированно «доводить до ума».

Говорят, что мы не должны втягиваться в изнуряющую и затратную гонку вооружений? А что мы должны делать? Давайте делать эту гонку менее «затратной», а для этого думать именно над асимметричным ответом.

Но с одной оговоркой: это должен быть реальный асимметричный ответ. И он должен быть. «И нам уже важнее казаться, и нам уже не важно быть»... Чтобы не обнаружилось, что асимметричные заготовки – из разряда такого «казаться», которому не важно быть. Бюрократия отрапортует об «освоении средств» и «поставках в войска». А страна? Народ?

Мы – за асимметричный ответ. Но такой, чтобы наша страна не оказалась практически голой перед лицом реальных угроз, реальной войны.

Не хочется говорить об этой войне. Но *Si vis pacem, para bellum*. «Хочешь мира – готовься к войне». Пока существовал СССР, угроза мировой ядерной войны была умозрительной. Теперь мы можем получить сразу серию малых ядерных войн и пару больших. А что если только восстановление СССР и полномасштабной сверхдержавности может спасти и Россию, и весь мир?

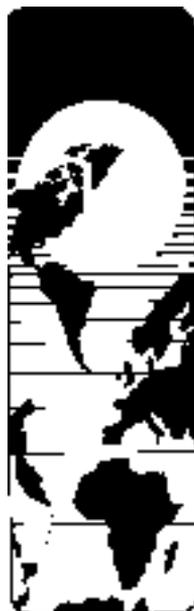
Да, это тяжкий крест – сверхдержавная жизнь. Но предпочтем ли мы этому сладкую смерть в объятиях незамысловатых утех – этого подлинного героя нашего жалкого времени?

Еще и еще раз: *para bellum*.

Трагедия в том, что нет чувственного арбитра, приемлемого для всех группировок, чье решение одинаково авторитетно для всех. Если случайный примиритель и пытается выступить в роли третейского судьи, то он сам в свою очередь становится самостоятельной общественной силой, хотя и отрицаемой другими группировками. Таким образом, наш мир представляет собой общество бесконечно соревнующихся сторон без морального судьи, который мог бы разрешить эти споры. Результат – моральный хаос и анархия. Каждый

**становится для себя своим
собственным законодателем и
судьей... Инерция, правда,
порождает обращение к
«общественному мнению» или к
«мировому сознанию», но это
либо глас вопиющего в пустыне,
либо дымовая завеса,
маскирующая устремления той
или иной «группы давления».**

Питирим Сорокин

Виктор Мальков

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: ИСТОКИ И УРОКИ. ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

The cold war may have begun, in a formal sense in the late 1940s but its multiformity (including pop-cultural contest), unexpectedness, intensity and longevity only make sense if we understand that it had far older sources. To ignore the prehistory of the cold war politics is to miss some of the most important aspects of the story. The author quite explicit about this: it is a typical error to see the origins of the cold war largely from the perspective of the confrontation between ideologies, between Leninist communism and the Western liberal values dates to 1917. The author of the article strongly believes that the new approach to the history of international relations in the XXth century demands to analyse the problem from a different angle – mainly paying attention to the «wars of position» in which both the pre-revolutionary Russian political elite and bolshevism in power in their perpetual search of security ever since the beginning of WWI, through the Revolution, the Civil War of 1917–1920, and the intermediate period between the world wars saw themselves as engaging against the more powerful and hostile West. In the first part of the article the author focuses on the U.S. diplomacy's efforts to implement a policy designed to prevent the consolidation of the Soviet influence in Europe and Asia. In fact it was the «protocontainment» project supported by conservative politicians and «Russian experts» like Bullitt, Kelley, Henderson, Berle, Kennan.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Долгое время в общественно-политическом сознании и историко-политической литературе доминировал постулат, объясняющий природу исторического феномена холодной войны противостоянием, коллизией различных систем идеологических ценностей. Той, которая

за многие столетия сложилась на Западе (хотя ее и нельзя признать гомогенной), и той, которая родилась вместе с Октябрем 1917 года в России. В своей основе, как утверждалось и утверждается, враждебные друг другу идеологии (убеждения, нормы морали и права, воплощенные в государственных институтах и политике) порождали несовместимость поведенческих стереотипов в международной практике «западной цивилизации» в лице ее ведущих стран-представителей с одной стороны, Советского Союза и стран, входивших в его орбиту, – с другой. В этой несовместимости ценностных приоритетов усматривались причины всех главных конфликтов современности, взаимоотчужденности, пугающих заморозков на грани разрыва отношений и обмена оглушительными ударами в ходе пропагандистских войн¹.

¹ Джон Мюллер, автор книги о современных войнах «Удаление от Страшного суда. Невозможность больших войн», (1989), получившей самые превосходные отзывы, утверждает, например, что коммунистическая идеология, в его понимании, была и остается главной причиной противостояния в годы холодной войны (Mueller J. *Duelling Counterfactuals // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L.Gaddis, Ph.H.Gordon, E.R.May, J.Rosenberg. N.Y., 1999. P.282*). Безоговорочно верящих в эту всеобъясняющую версию больше всего появилось на пике российской перестройки. Писать о чем-то другом среди отечественных специалистов считалось даже плохим тоном. Постревизионизм в США также обнаружил в ней главную точку опоры в конфликте с «полумарксизмом» ревизионистов, отдававших приоритет экономическому фактору (См.: *Cold War History. Vol.6. № 4. November 2006. P.535–542*).

О навязчивой магии «идеологического фактора» в историографии международных отношений в межвоенный период (1918–1939) сказано в книге Н.А.Нарочницкой (*Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С.257*). Заметим, однако, что ее автор отстаивает свой тезис о геополитической природе любых международных конфликтов с такой беспартийной категоричностью, которая сама способна вызвать возражения. К тому же о приоритете «геополитических констант мировой политики» писали и ранее многие исследователи, не умаляя, впрочем, идеологические мотивы в событиях и в ходе

Однако теория вопроса и история международных отношений говорит о другом. Достаточно напомнить положение, сформулированное П.Б.Струве, о том, что «во внешней политике особенности внутреннего строя и внутренней политики непосредственно не идут в счет»². В свою очередь П.А.Сорокин писал, характеризуя «самый кровавый кризис самого кровавого столетия», что экстраординарная воинственность двадцатого столетия делает различие агрессивной и неагрессивной политики государств путем абсолютизации идеологического критерия ненадежным и непродуктивным занятием³. Рассматривая всякое явление как органический синтез функционального целого, Питирим Сорокин утверждал, что поиски объяснения характера межгосударственных отношений на базе моральных ценностей, их абсолютного или священного свойства суть ложный способ нахождения истины, поскольку фундаментальной категорией современного сознания являются моральный атомизм, релятивизм и нигилизм⁴. Нет смысла уходить в далекое прошлое. Заметим только, что европеизация России в XIX и начале XX вв. не сняла страха перед нею и недоверия к ее намерениям в Европе ни у представителей аристократического мира, ни у носителей идей пролетарской революции. И это так же верно, как и то, что всяческие идеологические клише и пафосные призывы встать на защиту западноевропейской идентичности от чуж-

принятия решений политическими деятелями революционной эпохи первой трети XX века. Идейними соображениями, наряду с прочими (экономическими, военными и др.), в частности, руководствовались В.Вильсон, Р.Лансинг и Э.Хауз, вырабатывая на разных этапах русской революции 1917 года внешнеполитический курс США (См.: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002; Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году. М., 2006; Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005).

² Струве П.Б. *Patriotica. Россия. Родина. Чужбина*. СПб., 2000. С.72. – Много лет спустя правоту данного постулата Струве подтвердил известный американский историк Джон Льюис Гэддис, настаивая на недопустимости объяснять поведение (внешнюю политику) тех или иных стран и правительств формами и характером их государственного устройства (*Gaddis J.L. The United States and the End of the Cold War. Implications, Reconsiderations, Provocations. N.Y., 1992. P.13*).

³ Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. С.427–505.

⁴ Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика*. СПб., 2000. С.340, 490–492.

дой ей культуры славянства всегда маскировали нежелание видеть Россию сильной, единой и самодостаточной⁵.

Именно по этой причине Россия чувствовала себя некомфортно в блоке стран, оформившемся в первое десятилетие XX века в Сердечное Соглашение (Антанту). Провал воинственного нового курса Николая II на Дальнем Востоке и поражение России в русско-японской войне не сняли подозрительности ее партнеров по антигерманскому блоку относительно далеко идущих намерений «военно-феодальной» клики Санкт-Петербурга, а переориентация на балканско-ближневосточный регион привели и в Лондоне, и в Париже к приступу еще большего беспокойства⁶. Активизация организаций и партий крайне правого и умеренно правого толка («Русский монархический союз Михаила Архангела», «Союз русского народа» и др.) с их печатными органами («Земщина», «Русское знамя», «Гражданин») вызывали соответствующие отклики либеральной и социал-демократической общественности во Франции и Англии, попадая в унисон с возмущенными голосами из Берлина, Вены, Будапешта. В свою очередь идеологи прогерманского движения в России П.Н.Дурново, А.Д.Протопопов, В.П.Мещерский, В.М.Пуришкевич, Н.Е.Марков, Р.Р.Розен, П.С.Боткин, начертав на своем знамени принципы «русской идеи» – незыблемость самодержавия, власть дворянства, православие и воинствующий национализм – атаковали антантовский проект с разных углов.

Российские партии центристского характера, выдвигая на первый план вопрос об объединении славянских народов Балканского полуострова вокруг России, утверждение ее в Константинополе и на черноморских проливах, делая упор на внешнем могуществе⁷, своей озабоченностью возвращением России имперского могущества также служили раздражителем для общественного мнения и дипломатических кругов

⁵ См.: Люкс Л. Предчувствие заката Европы и страх перед Россией // Рубежи. 1996. № 8. С.28–51. – И в наше время знаток русской культуры американский культуролог Джеймс Биллингтон, к примеру, предлагает считать русско-турецкую войну 1877–1878 годов «прямым следствием новой имперской доктрины мессианского панславизма», крупномасштабной, преднамеренной войной за самовозвеличение, состязанием в жестокости с озверелым неприятелем (См.: Биллингтон Дж.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С.467).

⁶ Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции. Люди, События. М., 2000. С.37, 38.

⁷ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

на Западе⁸. Никто не обещал русской дипломатии легкой жизни даже в обмен на разного рода уступки и стратегические жертвы. Отказ министра иностранных дел России С.Д.Сазонова принять приглашение главы английского Форин Офис Э.Грея приехать в Лондон для неофициальной встречи в конце 1911 г. отражал меру прочности англо-русской «дружбы». Прибыв, наконец, с визитом в Англию в сентябре 1912 г., Сазонов сполна испил чашу разочарования в связи с отклонением Лондоном предложения поддержать Россию в ее усилиях стать гарантом независимости славянских государств на Балканах с последующим нахождением приемлемого для нее (России) решения о Черноморских проливах⁹. В годы Первой мировой войны расхождения Петрограда с союзниками по Антанте не только не были улажены, но и проявились новыми болевыми точками. В первую очередь это касалось Балкан и проливов¹⁰. Отречение царя, смена внешнеполитических ориентиров России после Февральской революции 1917 г. и отставка П.Н.Милюкова были восприняты в союзных ей странах уже как избавление от призрака серьезной угрозы, нависшей над европейской цивилизацией, – угрозы панславизма, хотя за «игрой в славян» и на Ке д'Орсе, и в Форин Офис усматривали не столько мечтания о покорении Европы «Монгольской Азией», сколько обеспечение за Россией решающего голоса в деле устройства послевоенного мира. Французский посол Морис Палеолог, запечатлевший в дневнике свою беседу с императором Николаем II 21 ноября 1914 г., с издевкой писал о религиозном экстазе, с которым царь погрузился в рассуждения о радикальной перекройке границ в послевоенной Европе и на периферии. Настроенный весьма скептически к опережающим события прогнозам царя и его министров Морис Палеолог сопроводил свои комментарии этих высказываний осуждением «романтических утопий славянофильства», «идеи провиденциальной мировой миссии России» и «византийского миража»¹¹.

⁸ *Игнатъев А.В. Указ. соч. С.80–96, 116, 124, 125, 143.*

⁹ *Там же. С.147, 161.*

¹⁰ *См.: За балканскими фронтами Первой мировой войны / Отв. ред. В.Н.Виноградов. М., 2002. С.184, 246, 247, 323, 325; Константинополь и проливы. Т.1. М., 1925. С.295. – Настроения в пользу отклонения главных требований России нашли свое отражение в военном дневнике президента Франции Р.Пуанкаре (Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916. Воспоминания. Мемуары. М., 2002. С.50, 84, 125, 126, 527).*

¹¹ *Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С.123–133, 166–168, 172.*

Между тем остается открытым вопрос: что сам российский монарх вкладывал в понятие славянской политики России и, вообще, как далеко, в действительности, шли планы России относительно урегулирования восточно-европейских проблем? Ничего определенного по этому поводу сказать нельзя, хотя (и это симптоматично) на Западе зрело подозрение в широкомасштабной «русской интриге»¹². Не могут быть забыты в связи с этим lamentации видных российских дипломатов, политиков и общественных деятелей дореволюционной эпохи по поводу одержимости западноевропейской и американской общественности призраком славянской (читай русской, российской) опасности. С.Д.Сазонов посвятил этим преднамеренно возбуждаемым страхам немало горьких слов в своей книге воспоминаний, опубликованной в 20-х годах прошлого столетия. Обходя многие острые углы и говоря о «превратно понятых» на Западе целях России, Сазонов не случайно сосредоточился именно на препятствии, неприемлемом в глазах того же Палеолога. Он писал: «Надо сознаться, что в этом отношении панславизм удачно выполнил свое назначение. Все западноевропейские государства уверовали в славянскую угрозу и истолковывали этот термин как политическую формулу, которой прикрывалась честолюбивая политика России, мечтавшей объединить под своей властью все славянские народы»¹³. Даже жертвенное сотрудничество России с ее союзниками в годы войны 1914–1918 гг., борьба с общим врагом – блоком Центральных держав – и совместно согласованные военные планы не сняли запрятанную под любезными улыбками и дружескими рукопожатиями всю силу расхождений, как писал тот же Сазонов, между «русской точкой зрения» и устоявшимися за долгие годы взглядами тех же французов на намерения и замыслы их восточного партнера по «браку по расчету»¹⁴. Опытный и умный дипломат дал в сущности всеобъемлющую формулу союзнических отношений (все равно – внутриблоковых или межгосударственных) в предвоенную эпоху – соперничество, обособление и взаимная подозрительность. Это означало, писал он, что «никто не допускал мысли, чтобы что-

¹² См.: *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века / Отв. ред. А.В.Игнатъев. М., 1997. С.451–463; Савваитова М.Д. Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А.Писарев, В.Л.Мальков. М., 1994. С.113–126.*

¹³ Сазонов С.Д. *Воспоминания. Минск, 2002. С.307.*

¹⁴ Там же. С.287.

нибудь могущее служить на пользу одной стороне этим самым не представляло опасности для другой»¹⁵. Сазонов ни слова не сказал о конфликте идеологий (хотя имел на это основания), объяснив политическим суеверием природу сохраняющейся, несмотря на военное сотрудничество (к примеру, России и Англии), натянутости, нерасположения, недоверия и подозрительности¹⁶.

Этот емкий термин – политическое суеверие – отражает не идеологический (в нашем достаточно узком современном его понимании), а более широкий социокультурный субстрат проблемы, передавая, как нам кажется, всю гамму не проясненных до конца отличий в национальном самочувствии и самосознании народов, давших жизнь Сердечному Соглашению. Бывший министр иностранных дел России выражал недоумение по поводу искажения мотивов русской политики со стороны союзников, отсутствия должной солидарности с ней, но он был не вполне искренен: ему давно и хорошо были известны болевые точки, которые подтачивали союзнические узы между Россией и ее западными партнерами. О них постоянно писала российская пресса и периодика. П.Б.Струве в своей статье «Политика внутренняя и политика внешняя» (1910) констатировал, что российское государство политически изолировано в международном общении, что оно не способно выступать как «импонирующая вовне сила»¹⁷. Моральная поддержка Западом полного отторжения от России ее национальных окраин – Польши, Финляндии, Малороссии – стала центральной темой русской политической публицистики накануне и в годы Первой мировой войны¹⁸. Антанта и на пренатальной стадии страдала хроническим заболеванием, обострение которого неминуемо должно было сказаться на финальной стадии войны¹⁹.

Высшим проявлением неравноправного положения России в Сердечном Соглашении было неприглашение ее для участия в Парижской мирной конференции 1918–1919 годов. Самым поразительным явлением из всех, пишет Маргарет Макмиллан в своей новой, получившей высокую оценку на Западе книге о мирной конференции в Париже в

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С.279.

¹⁷ Струве П.Б. Указ. соч. С.75.

¹⁸ См.: *Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004.*

¹⁹ Алексеева И.В. *Агония Сердечного Соглашения. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914–1917. Л., 1990. С.64–76.*

1919 г., было отсутствие на ней России. Она продолжает: «Союзник в 1914 г., Россия, возможно, спасла Францию от поражения, когда атаковала Германию на Восточном фронте. Три года Россия сражалась с Центральными державами, не только неся огромные потери, но и приняв на себя бремя дополнительных несчастий»²⁰. Все это демонстративно не было принято во внимание. Мир в Брест-Литовске послужил лишь внешним предлогом. Собравшейся в режиме *ad hoc* в январе 1919 г. по инициативе видных деятелей русской антибольшевистской эмиграции – посла Временного правительства в Париже В.А.Маклакова (одного из лидеров кадетской партии) и посла в Вашингтоне Б.А.Бахметева – Русской политической конференции было отказано в признании, а ее инициаторам во главе с С.Д.Сазоновым в аккредитации²¹. Причина, как об этом писал известный американский исследователь проблемы, состояла в том, что «союзнники, памятуя о могущих вызвать замешательство требованиях России... не жаждали увидеть ее за столом мирных переговоров»²².

У А.И.Деникина, командовавшего Добровольческой армией, сражавшейся с большевиками на юге России, сложилось четкое впечатление, что многоходовая политика дальнего прицела, проводимая западными союзниками в русском вопросе, была нацелена на ослабление и расчленение России²³. Английский премьер Ллойд Джордж, по словам

²⁰ MacMillan M. *Paris 1919. Six Months That Changed the World*. N.Y., 2002. P.62. – Посол Англии в России Джордж Бьюкенен в своих мемуарах сделал важное замечание, которое, увы, осталось без внимания многих исследователей. Речь идет о сложившемся у него осенью 1917 г., еще до прихода к власти большевиков, убеждении, что, в случае созыва в Париже конференции союзников для обсуждения целей войны и условий мира, России суждено будет играть на ней «более нежели пассивную роль». Но даже Бьюкенен, наверное, не мог предвидеть, что эта роль будет вообще никакой (См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Минск, 2001. С.351).

²¹ Thompson J.M. *Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace*. Princeton, N.J., 1966. P.66–78.

²² *Ibid.* P.75.

²³ Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920*. Минск, 2002. С.148–158, 175. – Исполняющий обязанности начальника Генерального штаба США генерал Томас Блисс, как бы подтверждая слова Деникина, заявлял, что лучшим решением для Запада был бы управляемый хаос в России. Секретарь американской делегации в Версале Джозеф Грю записал в своем дневнике его красноречивое высказывание относительно оптимального курса союзников в русском вопросе: «Его мнение в отношении русской политики состоит в

Деникина, был прямо-таки одержим идеей воспользоваться внутренней смутой в России с тем, чтобы раз и навсегда лишить ее военно-стратегического значения. Дабы не страдала суть высказываний английского премьера о России, устраивающих Запад, Деникин приводит слова Ллойд Джорджа по стенограмме заседаний английского парламента 8 и 17 ноября 1919 г. «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они "борются за единую Россию..." Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Один из наших великих людей, лорд Биконсфильд, видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи...»²⁴. В Англии чаще, чем в любой другой стране Запада, поминали подзабытый призыв старца Филофея «Москва – третий Рим» и византизм российской политической элиты. Справедливости ради нужно сказать, что русская публицистика начала XX в. давала повод для подобных ассоциаций²⁵.

Для понимания природы отношений Россия–Запад на переломе от мира к войне 1914–1918 гг. и от войны к послеверсальскому миру приводимый выше фрагмент из «Очерков русской смуты» А.И.Деникина имеет ключевое значение. Они не могли стать безоблачно-благополучными, благопристойно-мирными при любых условиях – останься Россия после революции 1917 года авторитарно управляемой или явив себя миру в любом другом виде. Ведущие игроки послеверсальского мира стремились не позволить стране (России), располагавшей пассионарным поколением революционных лидеров-максималистов, уникальными естественными и территориальными ресурсами, восстановившись, развиваться опережающими темпами, беспрепятствен-

следующем – держаться от России подальше и позволить им грызть друг друга как своре бешеных котов. Пожалуй, это самое умное, что можно придумать». Страница дневника Грю была помечена 8 октября 1919 г. (Harvard University. Houghton Library. The Papers of Joseph Clark Grew. October 8, 1919).

²⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С.156. – Примерно в тех же выражениях писал о «двуличности» политики англичан в русском вопросе в своих имеющих неординарную документальную ценность «Записках» Г.Н.Михайловский (Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Кн.2. М., 1993. С.207–209).

²⁵ Брюсов В. Мировое состязание. М., 2003. С.80, 91.

но наращивать мускульную силу в обострившейся конкурентной борьбе. Победившие германский блок страны Запада были намерены отстаивать свою монополию в европейской политике без участия России. Постоянный прессинг в сочетании с торгово-экономическими санкциями должен был расширить внутреннюю оппозицию большевизму и содействовать его устранению путем доведения до суицида. Об этом курсе английской политики как императиве четко было сказано еще в знаменитой работе Бертрانا Рассела «Практика и теория большевизма», опубликованной осенью 1920 г. Оставив в стороне чисто идеологические соображения и акцентируя внимание на геополитике, он заявлял тогда об абсолютной неприемлемости продвижения советского влияния за пределы того мысленного «осевого района» (если воспользоваться термином английского геополитика Х.Дж.Макиндера), за границами которого (будь то в Европе или Азии) европейцы сразу же могли говорить об экспансии и агрессии России. Он писал: «Подобные мечты (советских политиков. – В.М.) ведут к нежеланию отказаться от восточной политики, хотя ясно, что при этом мир с капиталистической Англией становится невозможным»²⁶.

Планы сторонников российского всеединства Колчака и Деникина, не вызывавшие сочувствия в европейских правящих кругах и в Вашингтоне, не были исполнены, но это не изменило ситуацию в глазах Запада²⁷. Напротив, с приходом к власти большевиков осуществилось, если воспользоваться словами Н.А.Бердяева, пришествие третьего явления русской великодержавности после московского царства и петровской империи. Большевизм, писал он, вошел в русскую жизнь как в высшей степени милитаризованная сила²⁸. И сфера ее приложения – быть щитом от посягательств извне и добиваться воссоединения России – определи-

²⁶ Рассел Б. *Практика и теория большевизма* // Рассел Б. *Практика и теория большевизма*. Уинстон Ч. *Вторая мировая война*. Пер. с англ. М., 1998. С.72.

²⁷ Характерно, что сохранявший доверие американских властей посол Временного правительства в США Б.А.Бахметев (1880–1951) стремился держаться на расстоянии от таких вождей «белого движения», как Колчак и Деникин, бескомпромиссно отвергавших идею федерализации России и признания автономии национальных окраин (См.: Будницкий О.В. *Б.А.Бахметев – посол в США несуществующего правительства России* // *Новая и новейшая история*. 2000. № 1. С.151, 152). Бахметев был аккредитован в качестве посла России в США в июне 1917 г., каковым и признавался правительством США до 1922 г.

²⁸ Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С.99.

лась вполне. Еще раньше, в присущем ему эмоциональном стиле, как возрождение духа сопротивления развалу России оценил большевизм В.В.Шульгин, один из столпов русского зарубежья. В последней части своей трилогии «Годы» – «Дни» – «1920 год» он писал: «Наш главный, наш действенный лозунг – Единая Россия... Когда ушел Деникин... мы свернули знамя... А кто поднял его, кто развернул знамя? Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить "Интернационал". И будто бы "коммунистическая" армия сражалась за насаждение "советских республик". Но это только так, сверху... На самом деле их армия была поляков как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области»²⁹.

Соединенные Штаты, выступившие уже в ранге великой державы и самочинно возложившие на себя бремя приобщения остального мира к американским ценностям, были решительнее других настроены помещать новой России, готовой играть самостоятельную роль в мировой политике, покончив с сепаратизмом и зависимым положением маргинала, молящего о чьей-то помощи. При этом конкретный анализ новых материалов показывает преобладание в Вашингтоне, Лондоне и Париже стремительно нараставших настроений в пользу невозвращения России к тому состоянию, которое В.В.Розанов называл очень точно «солнечной системой»³⁰ – единым государственным объединением в унаследованных им исторических границах с ядром и тяготеющими к нему небесными телами. В этом смысле никакого различия между сторонниками возрождения монархии и большевиками в подходе к русским делам не делалось. Двойкость и двуликость – самые подходящие слова для характеристики этого подхода. В нем две стороны. Первая (открытый план) – публичные заявления о невмешательстве в дела России – и вто-

²⁹ Шульгин В.В. 1920. Л., 1927. С.795. – Сказанное в воспоминаниях В.В.Шульгина почти дословно совпадает с предостережениями великого князя Николая Николаевича генералу Врангелю, высказанными в письме из Генуи по поводу «кавалерийско-легкомысленной» внешней политики генерала, готового идти на уступки Антанте в обмен на знаки внимания со стороны Запада. «Не делайте дело большевизма общенациональным, русским делом», – заканчивал свое письмо великий князь (Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т.1. Кн.1 / Сост. И.И.Басик, В.А.Авдеев и др. М., 1998. С.158).

³⁰ Розанов В.В. Центробежные силы в России // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С.135.

рая (скрытый план) – финансовая, политическая и военная поддержка центробежных тенденций, национального сепаратизма, регионализма, областничества. Эта концепция, сформулированная поначалу в секретном меморандуме лордов Милнера и Сесила, военного министра и заместителя министра иностранных дел Англии, и принятая на Парижской конференции стран Антанты в конце декабря 1917 г., вскоре была рассмотрена и **одобрена** В.Вильсоном³¹. Согласно этой секретной директиве союзники (и США в том числе) должны были выстраивать свои отношения с Украиной, Арменией, Грузией, Финляндией, с северокавказскими областями, Сибирью и другими «провинциальными правительствами» как с самостоятельными государственными образованиями. Россия выделась уже отдельным субъектом международной политики наряду и рядом с ними.

В нарочито декларативной форме «двухколейный» принцип в «русской политике» (пункт VI) был изложен в «14 пунктах» В.Вильсона – центральной части его речи перед объединенной сессией Конгресса США 8 января 1918 г. В том числе и поэтому совершенно необоснованно, как это делают некоторые авторы, считать договор в Брест-Литовске, заключенный в марте 1918 г., «первоосновой» процессов в Прибалтике и создания самостоятельных государств Литвы, Латвии и Эстонии. Большевики боролись против их отсоединения, противостоя Антанте, немцам и местным националистам³². Части латышских стрелков были созданы именно для этой цели. Знаменитый Комментарий Э.Хауза от 29 октября 1918 г., истолковывающий намерения Вильсона «в направлении признания де-факто правительств малых государств, отколовшихся от собственно России»³³, и по духу, и по букве должен был пресечь поползновения большевиков в Прибалтике подчинить себе энергию разброда и расползания России по швам³⁴. Когда же в самом

³¹ См.: Foglesong D.S. *America's Secret War Against Bolshevism. U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill; L., 1995. P.97–99, 151, 153, 154; *The Papers of Woodrow Wilson*. 69 vols. / Ed. by A.Link et al. Vol.45. Princeton; N.J., 1984. P.417–419.

³² Фоглесонг Д.С. *Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л.Мальков. М., 1998. С.602–626; MacMillan M. Op. cit. P.222, 223.*

³³ *Архив полковника Хауза. Т.IV / Пер. с англ. М., 1944. С.122.*

³⁴ См.: Foglesong D.S. *Op. cit.* P.259–261. – Ближайший и влиятельнейший советник президента США Эдвард Манделл Хауз (1858–1938) фактически курировал русскую политику США. Его роль на Парижской мирной конференции была столь же велика, как и любого

начале мая 1919 г. министры иностранных дел союзников на Парижской мирной конференции признали независимость Финляндии *de jure*, президент Вильсон посчитал, что он вправе согласиться с этим «исправлением» границ России на Северо-Западе, поскольку «случай с Финляндией» должен рассматриваться «отдельно»³⁵.

Дебаты по вопросу о признании странами-победительницами правительства Колчака, проходившие в ходе работы Парижской мирной конференции, сделанное Англией, Францией, Италией и США 23 мая 1919 г. по этому поводу заявление и фактическая экономическая, политическая и военная поддержка ими самопровозглашенных государств Балтии подтверждали нежелание союзников видеть Россию территориально в прежнем, довоенном виде. Взяв на себя функции заслона против большевизма, прибалты таким путем заплатили за свой независимый статус, избавив Францию и США от признания сохранения исторически сложившихся границ России на Западе³⁶. А отказ союзников допустить российских представителей (как белых, так и красных) для участия в Вашингтонской конференции (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.) означал еще и перевод в разряд «неурегулированных» вопроса о территориальных правах России на Дальнем Востоке. Дипломатия США, поддержав инициативу Англии и Франции, была причастна и к решениям конференции в Локарно (1925), которые оставляли Советскую Россию вне проекта о гарантированных границах, дававшего Франции иллюзию безопасности и отводившего энергию германского реваншизма в восточное русло³⁷.

члена «Большой четверки».

³⁵ Thomson J.M. *Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace*. P.331. – США не сразу пришли к пересмотру своей позиции по вопросу о Финляндии. Еще летом 1918 года в Вашингтоне рассматривали эту страну, как выразился Джозеф Грю (тогда глава западноевропейского отдела госдепа и видный член американской «команды», готовившей условия Парижского мира), «технически частью России» (Harvard University. Houghton Library. *The Papers of Joseph Clark Grew*. Grew to F.G.Allinson. August 8, 1918).

³⁶ Будницкий О.В. Указ соч. С.151; Фоглесонг Д.С. Указ. соч. С.611, 612; MacMillan M. *Op. cit.* P.82; Thomson J.M. *Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace*. Princeton. P.337–343.

³⁷ Jacobson J. *Locarno Diplomacy. Germany and the West 1925–1929*. Princeton, N.J., 1972. P.128–139, 374. – Джон Льюис Гэддис в своей книге «США и конец холодной войны» посчитал необходимым высказаться по поводу переоценки Вильсоном «идеологической ориентации нового большевистского режима». Американцы, писал он, в большей степени, чем русские, оказавшись «пленниками идеологии», проглядели тот факт, что Ленин

В первую очередь проблемы разрушения территориальной целостности, кромсания России силами внешними и внутренними, а не конфликт по линии идеологического разлома – быть ей социалистической республикой или страной буржуазных ценностей – сразу же осложнили отношения Советской России с Западом. На уровне подсознания или предчувствия (большевистская пропаганда умело подогривала эти подозрения) в толще народа быстро выросло убеждение, что страна оказалась в окружении соседей и вчерашних союзников, в политике которых четко просматривался огульно негативный подход к новой русской государственности, стремление воспользоваться слабостью народа, временно, как выразился Н.А.Бердяев в работе 1918 г., потерявшего свою идею³⁸, но самоотверженно ее ищущего. Те же, в сущности, объяснимые горечью поражения России в войне и на международной сцене, чувства принудили даже часть русской антибольшевистской эмиграции осудить Запад. Многие увидели в его линии на раскручивание идеи российской раздробленности и этносепаратизма под флагом «борьбы с Советами» подкоп под историческое призвание России, ее мировую роль. Представлявший эту часть русский писатель и мыслитель Ф.А.Степун, в частности, писал: «В нашу задачу вошли: защита России от большевизма, но и признание большевизма как русского начала и русской вины; раскрытие Европе глаз на то, что своим стремлением политически нажать на русской трагедии она ввергла и себя в таковую же, но только более бессмысленную, имя которой гитлеризм»³⁹. **Бессилию** «демократического плюрализма» по-европейски, который «защищало Временное правительство» и который не мог справиться с «восставшей против самой себя Россией», Степун противопоставлял «русское начало». По-другому – поддержанный Западом либерально-

никогда не подчинял государственные интересы идеологии, а вместе с этим упустили и возможность объединения усилий США и Советской России в «сдерживании Германии». Разумеется, остается открытым вопрос, захотели бы США в реальной жизни пойти на сотрудничество с Россией для предотвращения германского реванша (Gaddis J.L. Op. cit. P.12).

³⁸ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 5. – Говоря о потере русским народом «своей идеи», Бердяев преувеличивал. Горечь Брест-Литовского мира не уничтожила веру в необходимость во что бы то ни стало добиваться восстановления «единой свободной Российской республики» (См.: Рабочее оппозиционное движение в большевистской России, 1918 г. / Сост. Д.П.Павлов. М., 2006. С. 208–213).

³⁹ Степун Ф.А. Встречи. М., 1998. С. 241.

социалистический режим Львова–Керенского вел напрямую к разделу России, большевизм же (как бы нетерпим он ни был) его предотвратил в экстремальных условиях послевоенной разрухи и внешнеполитической изоляции.

Евразийцы или сменовеховцы, может быть, были первыми, кто обратил внимание на бессрочный, неизбывный характер борения интересов и воль в жизненно важной зоне, которую они называли «срединным материком» на пространстве, объединяющем Европу и Азию. Эту зону или особый субконтинент занимала старая Россия в границах 1914 г., наполняя ее соответствующим культурно-историческим содержанием, причем значение этой зоны в условиях бурного индустриального развития с его культом «воинственного экономизма» стремительно возрастало⁴⁰. Вместе с соперничеством претендентов на наследие российской империи. Именно по этой причине Н.С.Трубецкой вслед за Ф.А.Степуном констатировал «геологический» факт планомерного собирания Советской Россией (при всех издержках большевизма) территорий, отложившихся в годы крушения «антинациональной монархии». В деятельности новой власти с учетом даже ее «глубокой двойственности» он видел преобладание стремления к созиданию над стремлением к разрушению. В национальной политике советской власти, писал Трубецкой не без удовлетворения, сочетается принцип равноправия всех народов при «сохранении единства государственного целого», что соответствует «правильному взгляду на историческую сущность русской государственности»⁴¹. Этому способствовал курс большевиков на европеизацию России («перенимание западничества», как говорил Ленин)⁴², продолжение петровских реформ, в чем, впрочем, Трубецкой в отличие от Бердяева видел зло, измену русской самобытности⁴³.

⁴⁰ Вандалковская М.Г. *Историческая наука российской эмиграции. «Евразийский соблазн»*. М., 1997; Дьяков В.А. *О научном содержании и политических интерпретациях историсофии евразийства* // *Славяноведение*. 1993. № 5. С.101–115; Омельченко Н.А. *В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах русской государственности*. СПб., 1996.

⁴¹ Трубецкой Н.С. *Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока* // *Классика геополитики. XX век*. М., 2003. С.207.

⁴² Ленин В.И. *Очередные задачи советской власти* // *Полн. собр. соч.* Т.36. С.301.

⁴³ Трубецкой Н.С. *Указ. соч.* С.95, 106–125, 208, 211 и др.

Примерно в тех же терминах дал оценку строительной работе большевизма выдающийся русский историк Л.П.Карсавин: с брутальной непреклонностью и безжалостностью большевиков, полагал он, у России сохранялся последний шанс оставаться не расхватанной по кускам как союзниками, так и врагами⁴⁴. Лидер партии социалистов-революционеров и непримиримый критик большевиков В.М.Чернов писал в своих воспоминаниях, что в дни революции сторонники Ленина и Троцкого показали себя крайними националистами, что, с его точки зрения, было достойно признания (если не похвалы)⁴⁵. Было заметно каждому, что в борьбе с интервенцией и в особенности в ходе советско-польского военного конфликта 1919–1920 гг. большевики ухитрялись совмещать интернационалистские лозунги с игрой на струнах уязвленного патриотизма⁴⁶. Сочетать и то и другое им сильно помогала политика, названная Ж.Клемансо «барьером из колючей проволоки», т.е. политика военной блокады России, к которой присоединились США и Англия⁴⁷.

Проект «советизации» Европы в ходе мировой революции, пройдя стадию «горячих голов» и революционных «вылазок», уже с начала 20-х годов отходил все дальше на второй план, хотя в пропагандистско-агитационных целях лозунги романтической поры революции не были свернуты и время от времени активизировались. В противном случае стало бы очевидно, что партия, взявшая власть в октябре 1917 г., изменила своему первородству и уже не соответствует своему предназначению быть знаменосцем в решающей битве за планетарные цели. «Революция запаздывала», и на первый план уже выходили не помыслы о ее «распылении», а защита «всемирного отечества трудящихся» от нападения извне путем подрыва тылов капиталистического окружения силами внутренней левой оппозиции, дружественной Советской России. Материалы обнародованных в последнее время архивных материалов говорят, думается, именно об этом⁴⁸. Тезис «ускорять революцию, не

⁴⁴ См.: Гессен И.В. В двух веках // Литература русского зарубежья. Антология. Т.4. 1936–1940. М., 1998. С.259.

⁴⁵ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания, мемуары. Минск, 2004. С.363.

⁴⁶ См.: Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.

⁴⁷ Thompson J.M. Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace. P.178–221, 395.

⁴⁸ История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки / Отв. ред. А.О.Чубарьян. М., 2002; Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. редактор и автор вступительной статьи Я.С.Драбкин. М., 1998 и др.

вызывая ее искусственно», был принят уже на II конгрессе Коминтерна. Стремлению внешнеполитического ведомства Советской России не «форсировать» ход истории отдал должное даже лидер меньшевиков Ю.О.Мартов и в целом руководство РСДРП.

Уже в июне 1920 г. Мартов в письме К.Каутскому говорил о внутреннем противоречии между «миссией III Интернационала и тенденциями "реальной политики" – особенно в области внешней политики, – к которой большевистское правительство подталкивает логика фактов». Мартов резюмировал: «Raison d'être III Интернационала – вызвать к жизни "перманентную революцию", удерживая Россию, таким образом, в состоянии непрерывной войны со всем капиталистическим миром; а реальная политика понуждает государство заключать мир с капиталистическими странами...»⁴⁹.

Экспорт революции, разжигание «мирового пожара» не играли, как полагал Мартов, самодовлеющей роли (вопреки поднятой на Западе шумихе) в политике большевизма, оказавшегося в состоянии «над бездной» после всех побед в гражданской войне и в борьбе с интервенцией. Приоритеты менялись, желание «договариваться» с внешним миром заставляло снижать зависимость от ультрареволюционной риторики, уравнивало шансы «интернационалистов» и «националистов», усиливало не чисто агитационно-пропагандистский, а геостратегический характер международной деятельности советского государства, его дипломатии⁵⁰. «Мировая революция, – разъяснял Мартов в цитируемом нами письме Каутскому суть наметившегося переосмысления в политике большевизма, – которая, как *dues ex machine* (бог из машины. – В.М.), еще год назад должна была разрешить все трудности, рассматривается теперь всеми ответственными представителями большевизма как относительно длительный процесс, а не как скорая всеобщая катастрофа, – и Радек в статье, симптоматическое значение которой товарищ А.Штейн оценил в своем очерке (№5 Sozialist), сделал совершенно справедливые выводы, когда он призывал проводить политику широких компромиссов Советской России в отношениях с английским капитализмом и оборонительную мирную политику вместо агрессивной революционной как

⁴⁹ *Меньшевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков. М., 2000. С.555, 556.*

⁵⁰ *Для понимания различия этих двух подходов существенное значение имеют письма А.А.Иоффе в Политбюро ЦК РКП (б) 3 марта 1922 г. и В.И.Ленину 28 октября 1922 г. (См.: Иоффе Н. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. Воспоминания, документы и материалы. М., 1997. С.80–93).*

требование момента. И Ленин несколько раз очень энергично высказался в том же духе и со схожей мотивировкой. Но для чего в таком случае III Интернационал как эманация русского революционного мессианства вызывает бунты и революции против всевозможных государственных порядков на всех меридианах и каждый час?»⁵¹

ОСЕВОЕ ВРЕМЯ И ОСЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Коллизия, о которой писал Мартов и которая была зафиксирована в тезисах ЦК РСДРП к Всероссийской конференции партии (несостоявшейся) от 5 сентября 1920 г.⁵², коренилась не только в головах большевиков, но и в противоречивости меняющейся картины мира. Она

сохранялась продолжительное время. В частности, тому способствовали особое геополитическое положение Советской России и ее отношения как с творцами Версаля, так и с целой группой стран, имеющих разного рода причины быть недовольными Версальским миром. Теоретик геополитики Карл Хаусхофер в своем знаменитом труде «Границы в их географическом и политическом значении», посвященном во многом непосредственным итогам Версаля, писал об этом так: «...многие люди фактически связывают свои надежды на светлое будущее в огромной мере с разрушением границ, установленных несправедливым насилием. И отсюда в условиях общей угнетенности рано или поздно между Советским Союзом, Китаем и паназиатами, а также между другими угнетенными, униженными, эксплуатируемыми и каждодневно оскорбляемыми народами возникает чувство единения и как следствие возможность совместных действий»⁵³. Среди «униженных и оскорбленных» Хаусхофер, конечно же, видел, прежде всего, Германию.

В том же геополитическом контексте, но несколько под иным углом зрения рассматривал характер отношений Россия–Европа в постверсальский период Н.В.Устрялов. Он писал в 1925 г. в статье «В борьбе за Россию» об абсолютной неизбежности сохранения общей напряженности на этом пространстве с эпизодически повторяющимися вспышками

⁵¹ *Меньшевики в 1919–1920 гг. С.556.*

⁵² *Там же. С.640–645.*

⁵³ *Цит. по: Хаусхофер Л. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики. XX век. М., 2003. С.496, 497.*

дипломатических стычек и перебранок. Устрялов утверждал здесь же и как само собой разумеющееся, что Россия и «не заслужила еще действительного мира»⁵⁴. Он понимал под этим преимущественно далеко еще не завершенную и не переставшую быть насущной задачу воссоздания России в «ее великодержавных правах», что предполагало, в частности, радикальное уничтожение «колючей проволоки» г-на Клемансо («санитарного кордона») в качестве первоочередного шага. Он завершал свой примечательный анализ призывом в стиле позднего Дантона: «Революция вступает в новый фазис своего развития, который не может не отразиться на общем ее облике. С точки зрения большевиков русский патриотизм, явно разгорающийся за последнее время под влиянием всевозможных "интервенций" и "дружеских услуг" союзников, есть полезный для данного периода фактор в поступательном шествии мировой революции... Я не могу не повторить еще раз, что крушение вооруженного противобольшевистского движения отнюдь не подрывает во мне уверенности в близости нашего национального возрождения, но только заставляет признать, что оно грядет – иною тропой...»⁵⁵.

Капиталистическая стабилизация 20-х годов, крах надежд на скорую европейскую революцию, вызвавшие серьезный кризис большевизма, привели его к интенсивным поискам внешних союзников в «мировой деревне». Встречное движение – поднимающиеся на борьбу за независимость и суверенитет народы колониального мира – поддерживало революционный тонус, давало выход энергии во имя созидания нового, справедливого миропорядка при как бы вновь обретенной и все возрастающей интегрирующей роли Советского Союза. При этом неизбежно Россия входила в противостояние с Западом, со старыми колониальными державами, США и Японией. Проблематично, видели ли вожди большевиков после неудач и заминок в реализации «восточного маршрута» мировой революции⁵⁶ в 20-х годах особенный резон в поддержке

⁵⁴ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию // Литература русского зарубежья. Антология. Т.1. Кн.1. 1920–1925. М., 1990. С.401.

⁵⁵ Там же. С.404.

⁵⁶ О тернистом пути революционного движения в Азии и о сложностях, испытываемых Москвой в процессе оказания ему помощи, см.: Григорьев А.М. Китайская политика ВКП (б) и Коминтерна 1920–1937 // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002. С.293–333; Ледовский А.М. Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954. М., 1985. С.10–12, 241 и др.

процесса деколонизации. Однако и для русских «державников» зарубежья становилось уже очевидно, что именно так проявлялась внешняя форма национального русского возрождения, которую избрала, по словам Устрялова, «прихотливая» история⁵⁷. Продолжая ту же мысль (не новую, но основательно подзабытую в полемике по вопросу о деидеологизации внешней политики постсоветской России), следовало бы сказать, что в данном случае имело место еще одно проявление экзистенциального пробуждения народа (Л.Н.Гумилев говорил о политической пассионарности), вчера еще униженного «союзниками», утратившего с их благословения и при их непосредственном участии огромные искони принадлежащие ему территории, потерявшего веру в будущее. Изменение вектора внешнеполитической активности большевизма, переключение внимания на «восточное направление», на «колониальную окраину» стали неприятным сюрпризом для Запада после тех потрясений, которые ему пришлось перенести в Центральной и Восточной Европе (Германия, Италия, Венгрия, Польша). Оправдывались опасения Ллойд Джорджа: Россия обозначила свое присутствие на взрывоопасном ближневосточном и индийском направлениях. К ним вскоре же присоединились Юго-Восточная Азия и Африка. В эмигрантских кругах уже в начале 30-х годов принято было говорить, что Сталин проводит политику «сильной России»⁵⁸.

К этой новой комбинации – сочетанию традиционной заинтересованности Советской России в поддержании контактов с леворадикальными движениями в развитых странах Европы и Америки (несмотря на все появившиеся сомнения в их долгожданном успехе и нежелание предвещать революцию в других странах)⁵⁹ с вышедшим на первый план тактическим приоритетом антиколониализма – особенно чувствительными оказались Соединенные Штаты, «всемирный выразитель либерализма», как сыронизировал в одной из своих работ Иммануэль Валлерстайн⁶⁰. И если Советская Россия с ее уникальным положением на гигантском Евразийском континенте оказалась объединяющим цен-

⁵⁷ См., например: Устрялов Н.В. Указ. соч. С.399.

⁵⁸ Сироткин В. Почему Троцкий проиграл Сталину. М., 2004. С.38–40; Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сборник документов в двух книгах. Кн.1. 1934–1937. М., 1998. С.464.

⁵⁹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888–1938. М., 1988. С.283, 314, 315; Tucker R.C. Stalin as Revolutionary 1879–1929. N.Y., 1973. P.398.

⁶⁰ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С.151.

тром для колониальных и полуколониальных народов, то уже никакой изоляционизм не мог помешать Соединенным Штатам под флагом «открытых дверей» принимать контрмеры и усиливать давление на СССР путем перемещения силы в азиатско-тихоокеанском регионе. Итоги Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. по морским вооружениям, азиатским и тихоокеанским вопросам создавали благоприятные предпосылки для выполнения геополитических наказов адмирала А.Мэхэна (1840–1914), в своих трудах пропагандировавшего идею о предназначении США стать господствующей державой на морях. Но не только. Для себя США обнаружили еще одну задачу столь же крупного масштаба: оставаясь вне прямого дипломатического контакта с Москвой, стремиться перекрыть точки роста и приложения сил, которые явно обозначились в политике большевиков по укреплению безопасности в соответствии с исторически сложившейся топографией страны, особенностями ее «месторазвития». Советское влияние в тихоокеанско-азиатском регионе – главный повод для беспокойства, а положение созданных Версалем буферных государств по линии разграничения Восток–Запад – другой повод.

В целом же для планировщиков новой постверсальской внешнеполитической стратегии США «русская ситуация» становилась частью американской проблемы – проблемы новой роли Америки в миропорядке, сложившемся после Великой войны. Один из идеологических вдохновителей политики непризнания Советской России Джон Спарго, поздравляя демократа Бейнбриджа Колби с вступлением в должность госсекретаря США 26 февраля 1920 г., писал: «Ваше назначение (президентом Вильсоном. – В.М.) считаю крайне удачным, принимая во внимание критическое положение, возникшее в связи с русской ситуацией. От того, как мы будем решать эту проблему, будет зависеть и в значительно большей мере, чем мы сознаем, существование цивилизации на много лет вперед... Величайшая по масштабам задача, стоящая перед нашей страной, – это привязать Россию к нам посредством сильных и прочных уз и предотвращение подчинения ее экономической жизни любой другой страной, будь то Германия, Япония или Англия»⁶¹.

В этой сентенции Спарго была одна центральная и традиционная для американских либералов мысль: Россия и после своей революции обречена на отсталость и несвободу и может существовать только волочась

⁶¹ *Library of Congress (далее – LC). Bainbridge Colby Papers. Correspondence, 1888–1920. Box 2. John Spargo to Colby. February 26, 1920.*

на буксире у передовых стран⁶². США – «колыбель демократии» – способны и должны осуществить такую пасторскую роль спасителя от одичалости и воинствующего безбожия почти одной шестой земной суши, которая управляется представляющим ничтожное меньшинство народа правительством, поправшим права человека и законы международного общения⁶³. Какие «практические» способы и шаги при этом могли бы возобладать после победы большевиков в гражданской войне и отражения интервенции, должно было показать время, но международно-правовая поддержка национального сепаратизма и ослабление позиций советского режима как на Западе, так и на Востоке, его непризнание рассматривались в качестве опорных составляющих «русской политики» госдепартамента в 20-х годах⁶⁴. Любые разговоры о территориальной целостности России, как считали, следовало вести в зависимости от успеха или не успеха стратегии, имеющей целью «потопление» большевизма, лишение его поддержки как внутри страны, так и за рубежом⁶⁵. Таков был лейтмотив инструкций госдепартамента США американским дипломатам, работавшим за рубежом, в европейских столицах. Наиболее последовательно их соблюдали эксперты по России, составившие костяк американского посольства в Риге (Латвия) – форпосте антибольшевистской деятельности и пропаганды. Эти эксперты, нашедшие друг друга, видели Советский Союз и советско-американские отношения исключительно в мрачных тонах. Их мониторинг положения в СССР и неблагоприятный прогноз его подключения к мировым делам, получивший название «Рижской аксиомы»⁶⁶, должен был служить оправданием затягивания на возможно длительный срок дипломатических

⁶² См.: Фоглсонг Д.С. Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию». Торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // *Россия XXI*. 2002. № 5. С.100–133.

⁶³ LC. Bainbridge Colby Papers. Correspondence, 1888–1920. Box 70. Colby to Samuel Gompers. June 11, 1920.

⁶⁴ Ibid. Box 3 A. Colby to Woodrow Wilson. April 23, 1920; Norman Davis to Colby. August 7, 1920.

⁶⁵ LC. Charles Evans Hughes Papers. Box 160. «Russia». Hughes to Samuel Gompers. July 19, 1923. – Летом 1922 г. республиканская администрация признала Эстонию, Латвию и Литву как самостоятельные государства, дав понять, что возврата к прошлому не будет, даже если советский режим падет, а на смену ему придут антикоммунисты.

⁶⁶ См.: Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана / Пер. с англ. М., 2002. С.42, 43.

контактов с Москвой. Америке следовало научиться видеть на месте одной шестой суши белое пятно.

«Рижская аксиома» своим происхождением во многом обязана была ставшей модной в Новом Свете разновидности генетической теории – евгеники, подпиравшей элитистский взгляд на неравенство культур, цивилизаций, социумов, этносов, рас. Ее сторонники (и среди них будущие послы США в СССР Л.Томпсон, Ч.Болен, Ф.Колер и Джордж Фрост Кеннан⁶⁷) в Восточно-европейском («русском») отделе государственного департамента, руководимого Робертом Келли, впитали в себя дух нейтивистской атмосферы 20-х годов в Америке – засилье религиозного фундаментализма и непризнание рационально-творческого начала за обществом, возникшим не по канонам легалистско-правовой теории, а по прихоти «темного люда». «Нейтивистский взрыв... – писал известный американский исследователь внешней политики и дипломатии США Роберт Даллек, – был главной движущей силой за изоляционистским креном во внешней политике страны в межвоенный период... Нейтивизм-изоляционизм проявил себя в двух видах практического действия – отказе от признания Советского правительства в России в 20-х годах и уклонении Америки от многих политических контактов с Лигой наций»⁶⁸.

За наглухо перекрытыми дипломатическими каналами стояло выдавливание Советской России в категорию ущербных, недостойных доверия государств, общение с которыми должно быть ограничено по максимуму во благо самого русского народа и ради сохранения здоровья американской нации. Так в недрах «русского стола» госдепа форми-

⁶⁷ Суть «Рижской аксиомы» – позиции, отражавшей взгляд на большевистскую Россию, как он сформировался у молодых дипломатов, пришедших на службу в русский отдел госдепартамента в 20-е годы, Кеннан выразил много позднее, в 70-х годах, в своей книге «Маркиз де Кюстин и его "Россия в 1839 году"». По его собственным словам, эта книга «была вновь открыта, и отрывки из нее с величайшим удовольствием читались иностранными дипломатами в Москве, в том числе и автором этих строк». Благодаря ей феномен сталинизма, по утверждению Кеннана, становился узнаваемым. Все предельно ясно: Советский Союз – зеркальное отражение николаевской России, жизнь в нем примитивна, лишена внутренних стимулов и красок (Кеннан Дж.Ф. Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году». М., 2006. С.122, 123).

⁶⁸ Dallek R. *The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs.* N.Y., 1983. P.109.

ровали руководящий принцип ведения дел с «красным режимом»⁶⁹. «Политика непризнания Советов, – поясняет Р. Даллек, подводя итог целой полосе в международных отношениях обеих стран, – опиралась на убеждение, что Россия не являлась цивилизованной нацией, – это означало, что она не платит долги, не соблюдает свои обязательства по заключенным соглашениям и не отрекается от идеи мировой революции. Историк Кристофер Лэш писал, что широкое распространение получил взгляд, согласно которому Соединенные Штаты "могут иметь нормальные отношения только с режимом, разделяющим их (Соединенных Штатов. – В.М.) принципиальный подход к мировым делам"⁷⁰.

Однако вместе с Великой депрессией 1929–1938 годов в США, а параллельно с индустриализацией и сталинской революцией «сверху» в Советском Союзе произошло определенное уравнивание базовых элементов в темпах развития обеих стран. В мировой политике возникли новые центры силы, которые заняли крайнее положение (на Западе и Востоке) по отношению к «осевому» государству – России, либо угрожая самому его существованию, либо предлагая ему присоединиться к союзу «непокоренных» для нанесения ударов по вчерашним державам-победительницам – Франции, Англии, США и их младшим партнерам. Геополитика вновь выходила на первый план, оттесняя соображения морали, духовной близости или идеологические антипатии, а также воспоминания о понесенных жертвах мировой войны. Сотрудничество реваншистской Германии с Советской Россией или, скажем, разгром последней в войне с Японией нарушил бы сложившийся, но крайне непрочный баланс сил в мире после Версаля, напомнив уже Соединенным Штатам, что никакой изоляционизм не заслонит их от экспансии различных «жизненных форм» (если воспользоваться термином К. Хаусхофера)⁷¹ с большой плотностью населения (в первую очередь Японии и Германии) и сильным напором энергии эпохальных, разнонаправленных изменений. Какое влияние могли оказывать идеологические предрасположенности на этот процесс смены вех в межгосударственных отношениях,

⁶⁹ *Georgetown University Library. Robert F. Kelly Papers. Box 2. «Policy of the United States toward Soviet Russia».*

⁷⁰ *Dallek R. Op. cit. P. 109. – Схожие во многом мысли высказывает Хью Де Сантис в своей известной книге о дипломатической службе США и дипломатах, работавших на «русском направлении» (De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and Cold War, 1933–1947. Chicago; L., 1980).*

⁷¹ *Классика геополитики. XX век. С. 335.*

принявший планетарный характер? Значительное, но не первостепенное, решающее.

Сталинская внешняя политика, за исходный момент взявшая принцип «построения социализма в одной отдельно взятой стране», воплощенный, пишет Валлерстайн, в процессе догоняющей индустриализации⁷², а ргоіі изменила курсу на «перманентную революцию» и, как говорили ее наиболее радикальные критики слева, заняла «примиренческую» позицию по отношению к мировому капитализму. Она, вопреки известной линии «третьего периода», одобренной на VI конгрессе Коминтерна, отвергла катастрофическую перспективу⁷³. Политика Москвы в еще большей степени была сосредоточена на обеспечении безопасности СССР в долгосрочном измерении, поскольку этого требовали фундаментальные угрозы со стороны ее дальневосточных и западных соседей. Линия на мирное сосуществование отчетливо проявилась в обоюдной заинтересованности Москвы и Вашингтона развивать торгово-экономические отношения и в устранении анахронизма на дипломатическом фронте. В 1933 году по инициативе США между двумя странами в обстановке «откровенности и дружбы» были восстановлены дипломатические отношения. Политические руководители обеих стран, столкнувшись к тому времени с угрозой скоординированной агрессии на двух континентах, в Европе и Азии, обрели привычку думать «поверх барьеров».

Тяга к выравниванию отношений не перешла в стадию доверительности. Тому было много причин. О них ниже. Но, стремясь понравиться друг другу, обе страны пытались решить целый комплекс неотложных геостратегических задач. Москве хотелось, чтобы мир убедился: революционная Россия, прорвав изоляцию, давно вернулась в сообщество наций и видит в США силу, уравнивающую конфликтные интересы на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе. Совсем не случайно Сталин посчитал нужным отмежеваться от идеи мировой революции и в интервью американцам в 1929 и 1936 годах⁷⁴, а также в беседе с Г.Уэллсом, в самых лестных словах отозвавшись о Ф.Рузвельте и его

⁷² Валлерстайн И. Указ. соч. С.105.

⁷³ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. Т.1–4 / Под ред. Ю.Фельштинского. М., 1990; Radek K. *The Bases of Soviet Foreign Policy // Foreign Affairs. January 1932. P.192–206.*

⁷⁴ Tucker R.C. *Stalin in Power. The Revolution from Above 1928–1941. N.Y.; L., 1992. P.221, 224, 341.*

политике⁷⁵. США же стремились к тесному сближению с СССР не более, чем это позволяли дух и буква законодательства о нейтралитете, но и не слишком заботясь об идеологическом «соответствии». С этой целью Токио давали понять, что на стороне Америки в случае нежелательного обострения обстановки может оказаться новый игрок – коммунистический СССР, но одновременно крепили дружбу с империей микадо, расширяя торгово-экономические отношения. Америку больше устраивало сохранение рискованного соседства двух давних недругов – России и Японии – в опаснейшей переходной зоне, в которой находился тогда Китай. Когда в России поняли это, крах надежд на Тихоокеанский пакт между СССР и США стал первым, но очень сильным разочарованием и раздражителем для Москвы⁷⁶. Сталин и Литвинов нашли, что Россия так же, как и США, свободна в выборе способов, которые должны были обеспечить безопасность страны на участках границы, постоянно подвергающихся угрозе взлома, и в особенности на обоих ее порталах – западном и восточном.

**У.БУЛЛИТ:
«ОСЕЛ, МОРКОВКА
И ДУБИНА»**

Дуализм американской внешней политики на «советском направлении» в кризисное десятилетие 30-х годов отражал столкновение двух начал в американском общественном мнении, в массмедийном сообществе и правительственных кругах. Одно из них представлено было

всеми, кто считал: сталинизм только увеличил коммунистическую угрозу, укрепив советское государство и подняв военную мощь страны. Другое – теми, кто полагал, что своими мирными инициативами на международной арене Советский Союз убедительно доказал приверженность status quo, коллективной безопасности и уважению к нормам международного правопорядка, а своими экономическими достижения-

⁷⁵ См.: *My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed., with Commentary, by S. Butler. N. Haven; L., 2005. P. 23.*

⁷⁶ Американский историк Денис Данн, не расположенный оказывать снисхождение советской дипломатии, все же констатировал, что ожидаемое сближение двух стран, СССР и США, не произошло из-за отказа США «помогать (СССР. – В.М.) устранению японской угрозы» (См.: Данн Д. *Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 75.*)

ми и войной против культурной отсталости – погруженность во внутреннюю проблематику, в море нерешенных задач внутренней жизни⁷⁷. Этот дуализм ярче всего проявился в поведении первого посла США в СССР Уильяма Буллита. Один из могильщиков политики непризнания СССР и в какой-то период доверенное лицо президента Ф.Рузвельта, Буллит ухитрился в кратчайшие сроки преодолеть дистанцию от русофилии и симпатии к «социалистическому эксперименту» до безоговорочного неприятия любого сотрудничества с СССР, особенно в военной области. Кеннан, переместившийся из Риги в Москву и ставший для Буллита опорным сотрудником посольства, писал в воспоминаниях, что разногласия последнего с советским правительством в 1934–1935 гг. привели к его перевоплощению в «сторонника жесткой линии по отношению к Москве». Продолжая, Кеннан делает признание: «Все мы (сотрудники посольства, разделявшие идеи "Рижской аксиомы". – В.М.) поддерживали эту линию, однако она не отвечала общему направлению политики Рузвельта...»⁷⁸. Лучшим способом держать Советский Союз в управляемой зависимости Буллит считал применение формулы «кнута и пряника». Он гордился найденной им метафорой об «осле, морковке и дубине», лучше всего, по его мнению, отвечающей характеру отношений между погонщиком (США) и ослом (СССР).

В принципе прямой контакт Буллита и его сотрудников с «советской цивилизацией» неминуемо должен был привести к их конфликту со взглядами нью-дилеров и самого Рузвельта на происходившее в СССР и его внешнюю политику. Если большинство в окружении Рузвельта полагало, что сталинская диктатура, располагая в отличие от тоталитарных режимов Германии и Японии контролем над огромной территорией и огромными ресурсами, не нуждается в захватах и обострении международной ситуации, то его критики находили такой подход верхом наивности или недалёковидности⁷⁹. «Что поражает, если говорить о поли-

⁷⁷ Печатнов В.О. Любовь-горечь к Америке // *Международные процессы. Т.4. № 1. Январь–апрель 2006. С.30–40; Mark E. October or Thermidor? Interpretations of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927–1947 // The American Historical Review. Vol.94. № 4. October 1989. P. 943, 944; Muddux Th.R. Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee, Fla., 1980.*

⁷⁸ Кеннан Дж. Указ. соч. С.58; Gaddis J.L. *Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y., 1990. P.129–131.*

⁷⁹ См.: Kimball W.F. *The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, N.J., 1991. P.30, 31, 39, 87, 88.* – В интересной работе Э.Боргварт можно найти подтвержде-

тических взглядах Франклина Рузвельта, – пишет известный американский историк и политолог Джон Л. Харпер по поводу возникшей коллизии, – так это его хладнокровное, или можно сказать безразличное, отношение к большевизму и русской "угрозе". ФДР (Франклин Делано Рузвельт. – В.М.) так же, как и Вильсон, видел в большевизме продукт нищеты и неравенства и поэтому (как он считал) вполне устранимое явление посредством прогрессивных, а если необходимо, и радикальных реформ. Суть подхода Рузвельта: призраком большевизма манипулирует денежный интерес; скептицизм в отношении существования красной угрозы дома не прибавляет уверенности и в отношении русской угрозы за рубежом. Рузвельт никак не воспринимал некоторые геополитические постулаты, которые ассоциировались с взглядами ранних сторонников сдерживания России»⁸⁰.

В Белом доме охотно принимали советских визитеров, рассчитывая на продолжение сотрудничества⁸¹, Буллит же в своих секретных дипе-

ние неоднозначной оценки тоталитаризма Рузвельтом (Borgwardt E. A New Deal for the World. America's Vision for Human Rights. Cambridge, Mass., 2005. P.21).

⁸⁰ Harper J.L. *American Visions of Europe. Franklin D.Roosevelt, George F.Kennan, and Dean G.Acheson. Cambridge University Press, 1994. P.40.* – «Большая пресса» США, много писавшая о самотермидоризации большевиков, по данным контент-анализа, проведенного американским историком Эдвардом Марком, в 59 % случаев оценивала мотивы советского поведения на международной арене как подчиненные интересам безопасности, в 22% случаев как проявление «национального империализма» и только в 15 % случаев газеты писали об идеологии как о факторе (и чаще всего вторичном), играющем определенную роль во внешней политике Кремля. Даже присоединение Прибалтики к СССР в 1940 году во всех дипломатических комментариях объяснялось главным образом соображениями обороны. «...Очень редко поднимался, – пишет Марк, – вопрос о коммунизации, и то только в качестве второстепенной цели. Когда Гитлер напал на СССР в июне 1941 г., опрос службы Гэллага показал, что американцы в подавляющем своем большинстве поддерживают СССР, считая, что Советы в отличие от тех, кто напал на них, не были "империалистической" страной» (Mark E. Op. cit. P.945).

⁸¹ Весьма красноречиво об атмосфере в столице США говорит письмо советника советского посольства в США К.А.Уманского и.о. наркома иностранных дел В.П.Потемкину от 20 августа 1937 г. о серии приемов, устроенных Рузвельтом и Хэллом в честь советских летчиков экипажей В.П.Чкалова и М.М.Громова. Скупой на положительные отзывы об американских должностных лицах, Уманский в самых пафосных выражениях оценивал реакцию Рузвельта, Хэлла, прессы и военных кругов – «прекрасно», «дружественно», «непринужденно» и т.д. Уманский писал о подчеркнуто теплых отзывах Рузвельта о

шах говорил и писал лишь о «передышке», за которой рано или поздно последует очередной натиск восточного коммунизма на бастионы западного общества. В самом главном коммунистическая Россия ни на шаг не отклонилась от России имперской, самодержавной, с ее комплексом антизападничества, мессианского панславизма, идеологического фанатизма, недоверия к «враждебному окружению», воинствующим национализмом и самовозвеличиванием. Шокированный сталинскими жестокостями в отношении собственного народа, Буллит не мог отказать себе в удовольствии разыскать (с помощью Кеннана) и процитировать в депеше к Хэллу 4 марта 1936 г. отрывок из посланий политика из Теннесси Нейла С. Брауна, оказавшегося на посту американского посланника в царской России в 1850–1853 гг. и вслед за маркизом Астольфом де Кюстином увековечившего отталкивающий образ России. Забытые депеши Брауна, как это представлялось Буллиту, провидчески раскрывали природу сталинского режима, рисуя архетип советского деятеля, сформировавшегося в традициях русской культуры и русского менталитета. Им (этим традициям) приписывались живучесть и сила ксенофобии, скрытность, недоверчивость, угрюмость, ошеломляющая власть полиции и цензуры, неискренность и притворство, неповоротливость и ненадежность чиновничества, в том числе и дипломатов⁸². Ухудшенный ремейк зарисовок российских нравов вигом из Теннесси и сочинение французского путешественника, несомненно имеющее значение литературного памятника, но наделенного всеми противоречивыми и поверхностными чертами бытописательства середины XIX в., оказались положенными в основу внешнеполитического мышления советологических кадров США, укоренившегося в 30-х годах XX столетия.

В своих личных посланиях Рузвельту в государственный департамент Буллит попытался сформулировать стратегию дипломатического противодействия напору большевизма. Для чего в связи с обострением

Литвинове и о пожелании Хэлла «шаг за шагом» улучшить отношения между обеими странами (См.: Советско-американские отношения 1934–1939 / Научн. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2003. С.589–592).

⁸² См.: Курила И.И. Нейл Браун, Уильям Буллит и Джордж Кеннан: меняющиеся американцы, неизменная Россия? // Вестник Института Кеннана в России. М., 2006. Вып.10. С.63–69; Farnsworth B. William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington and L., 1967. P.158, 159; U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933–1939 (далее – FRUS. The Soviet Union, 1933–1939). P.289–290.

проблемы границ в Центральной Европе он предлагал навязать Франции изменение ее концепции безопасности, которая базировалась на идее «окружения» Германии, в пользу союзнических отношений Франции и Германии с условием, что последней разрешат облегчить бремя, наложенное Версальским договором. Первой и необходимой предпосылкой к тому он считал предоставление Гитлеру свободы рук в Восточной Европе и Прибалтике и затруднение франко-советского сближения, наметившегося в связи с подготовкой франко-советского пакта о взаимопомощи в апреле–мае 1935 г. Заявления Буллита (сделанные в том числе и открыто перед прессой) выглядели в уже достаточно накаленной атмосфере перехода Германии к открытой ревизии Версальского договора столь подстрекательски циничными, что заставили посла США в Берлине У.Додда сделать представление-протест в государственный департамент⁸³.

The New York Times Magazine, September 6, 1936.

BULLITT LOOKS AT THE EUROPEAN SCENE

The New Envoy to Paris Talks of Fanaticisms
And Affirms His Faith in Democratic Rule

By S. J. WOOLF

WILLIAM C. BULLITT, America's first Ambassador to Soviet Russia, will soon sail to France to head our embassy in Paris. He will take up his duties at a time when democratic France, ruled by a Socialist government, is distracted by the dramatic struggle between fascism and communism which has the whole of Europe as its stage. Mr. Bullitt has been a close observer of the European scene for the better part of his life. He visited Lenin on a secret mission just after the World War ended, and he has performed other important diplomatic duties, apart from three years of service as Ambassador in Moscow. An intimate knowledge not only of Russia but of Europe in general has convinced him that the democratic form of government is by far the best.

A Philadelphian of wealth and distinguished lineage, Mr. Bullitt, tall, lithe and debonair, embodies in his appearance all preconceived notions of what a diplomat should look like. It is not hard to imagine him poring over State documents or carrying important secret messages across well-guarded frontiers. Yet he is so outspoken that his candor is puzzling. Endowed with a sense of humor, he is saved by nothing; appreciative of the dramatic, he finds the theatre of statecraft appealing.

SEVENTEEN years ago Mr. Bullitt advocated the recognition of the Soviet

apostles of those fanaticisms to set up a universal reign of fear in order to solve our economic problems."

As Mr. Bullitt spoke it was evident that he had more than one country in mind. His words applied with equal force to Russia, to Italy and to Germany. One envisaged a seething Europe, racked by two opposing forces, each endeavoring to gain control, a Europe torn by a struggle between conflicting fanaticisms. One saw two antithetical ideas gripped in a life and death struggle, the victory of either meaning little but misery to the innocent but deluded individual citizens. Despite the images which Mr. Bullitt's attitude rather than his words called up, however, there is another side to the picture.

"DEMAND in Russia today," said the Ambassador, "is enormous and the standard of living is rising so that a few demands in living conditions are a concrete example of this was pointed out to me by one of the leaders of the Soviet Government just a short time before I left. He called my attention to the fact that a few years ago a good Communist insisted on wearing an old shirt and having his wife dressed in a shapeless garment. Today that same man demands white shirts and stiff collars, and he demands many of them. His wife wants fashionable clothes, rouge, perfume and powder.

"The Soviet Union is more than a coun-

Рисованный портрет Уильяма Христиана Буллита из журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» от 6 сентября 1936 г., опубликовавшего статью Буллита о положении в Европе.

⁸³ См.: Додд У. Дневник посла Додда. М., 2005. С.303, 315, 333.

Буллит трактовал «Большой террор» в СССР как предвестие и подготовку к осуществлению сталинских планов широкой внешней экспансии. В целях предупреждения и срыва такого оборота событий, Россию, по его мнению, следовало заблаговременно «оттеснить от Балтики» и «лишить доступа к Тихому океану»⁸⁴. Этим непосредственно, с одобрения Франции и Англии, должны были заняться Германия и Япония⁸⁵. И Соединенные Штаты не могли остаться в стороне, однако все, что от них требовалось, это сменить «мягкую» политику по отношению к Москве на «жесткую» и одновременно более решительно поддержать Францию и Англию в их политике умиротворения Германии⁸⁶. В решающие дни чехословацкого кризиса весной 1938 г., находясь уже на важном посту американского посла в Париже, Буллит неустанно ратовал за «трезвое понимание истинного положения дел» в Центральной (Срединной) Европе, которой в случае возникновения войны грозит не только утрата в очередной раз культурных ценностей, но и умерщвление всего живого под пятой «азиатского деспотизма»⁸⁷. Буллит утверждал: вторая Великая война, в которой большевизм заинтересован не меньше нацизма, может стать концом Атлантиды – Европы.

Рузвельт и Хэлл скептически отнеслись к вариациям Буллита на тему, как Европа должна объединиться перед лицом советской угрозы. Им, по-видимому, достойными внимания казались другие экспертные оценки, которые исходили из того, что международная политика СССР в условиях нараставшего мирового кризиса ничем не отличалась от дипломатии других государств, была не хуже и не лучше ее⁸⁸. А темпы

⁸⁴ Там же. С.303, 392. – О расчленении России «в пользу» Германии, Польши и Японии писала европейская пресса, вызывая негодование части русской эмиграции. Буллит не боялся испортить и с ней отношения (См.: Чему свидетели мы были... С. 53, 54, 100, 170).

⁸⁵ Додд У. Указ. соч. С.392.

⁸⁶ Данн Д. Указ. соч. С.94–96.

⁸⁷ Offner A.A. *American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany 1933–1938*. N.Y., 1969. P. 249, 250. Современный анализ дипломатии Рузвельта в период предвоенного кризиса изложен в монографии: Reynolds D. *From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War*. Chicago, 2001.

⁸⁸ Любопытно, что взгляд Рузвельта на то, куда сносят Советский Союз приливы и отливы мировой политики, совпали с позицией Н.А.Бердяева, наблюдавшего за дипломатическим маневрированием советского государства из своего убежища в Париже и убежденного, что советский этатизм есть «единственная власть», выполняющая «хоть

экономического роста, впечатляющие результаты индустриализации, возраставшая дипломатическая активность под флагом возродившейся русской национальной идеи (Бердяев это называл национализацией русского коммунизма)⁸⁹ подняли статус советского государства и заставляли считаться с ним, как с равным, все другие страны. Мании преследования, которая одолела Буллита, надлежало, как это представлялось Рузвельту, противопоставить трезвый взгляд на ситуацию и более глубокое понимание мотивов действий Кремля в критической обстановке. Для СССР безопасность границ, или, как поясняет уже в наше время Г.Городецкий, идеология осадного положения, подчиняла себе все остальное⁹⁰. Страна оказалась без союзников в двух шагах от войны.

Убедить в этом Америку, застрявшую в изоляционизме (который, впрочем, многие понимали как политику унилатерализма, сохранения свободы действий) и не желавшую ничего слышать об очередном европейском кризисе, было необычайно трудно. Еще труднее американцам было поверить, что сталинский Советский Союз не воспользуется случаем для того, чтобы в союзе с близкими по духу тоталитарными странами Европы, Германией и Италией, не превратить все пространство европейской суши от Ла-Манша и Па-де-Кале до Тихого океана в некую вотчину «кооператива» агрессоров по формуле «2+1». Призраки Брест-Литовска и Рапалло будоражили воображение многих аналитиков Белого дома и госдепартамента, а также международных обозревателей, предсказывавших разворот внешней политики Москвы именно в эту сторону. Существовало мнение, что печально знаменитые «чистки» и процессы 1937–1938 гг. также имели достаточно четко обозначенную внешнеполитическую проекцию и более всего антибританскую направленность. Протесты в английской Палате общин и указания на беспочвенность обвинений в адрес Лондона, последовавшие со стороны английского правительства⁹¹, были услышаны в США очень многими. Приступ шпиономании в СССР, сопровождаемый

как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей» (См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С.105, 120). Советский патриотизм, говорил он, есть просто русский патриотизм.

⁸⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С.118.

⁹⁰ См.: Городецкий Г. Миф «ледокола». Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995. С.68.

⁹¹ Tucker R.C. Stalin in Power. P.502, 503. Косвенное отражение беспокойства английской общественности содержится в дневниках И.М.Майского (Майский И.М. Дневник дипломата 1934–1943. Кн.1. М., 2006. С.188).

перетряхиванием дипломатических кадров Наркоминдела, также усилил серьезные сомнения в дипломатическом ведомстве США в отношении неизменности антифашистского литвиновского курса на заблокирование германской агрессии («жневский период»)⁹². После Мюнхена в «Туманном днище» (так массмедийное сообщество именовало здание госдепартамента) о контригре Сталина, о его нежелании втянуть себя в конфликт между западными демократиями и Германией и обезопасить СССР чем-то наподобие договора о намерениях с ней говорили уже как о ведущей тенденции.

Рузвельт полагал, что в сложившихся обстоятельствах следует усилить «разъяснительную работу» с Кремлем. Существовал и иной вариант решения, поддержанный дипломатами-профессионалами, не порывавшими с «Рижской аксиомой», и многочисленным прогерманским и прояпонским лобби в конгрессе, прессе, церковных кругах. Чтобы не допустить возвращения к Рапалло и берлинскому советско-германскому договору 5 ноября 1922 г., они предлагали, во-первых, изменить политику США в отношении Германии, сняв с нее идеологические обвинения и взяв примирительный тон⁹³, и, во-вторых, разыграть японскую карту и тем самым помочь Москве лучше оценить выгоды сохранения ориентации на США и западноевропейские демократии.

Исподволь в недрах дипломатической службы США приступили к осуществлению этого плана. Президент не испытывал особых симпатий к его авторам – сплоченной группе карьерных дипломатов, питомцев зажиточных семей и привилегированных университетов «Плющевой лиги». Рузвельт называл их «ископаемыми бюрократами» за нелюбовь к нестандартным шагам и консервативность убеждений⁹⁴. Но в условиях

⁹² FRUS. *The Soviet Union, 1933–1939*. P.515–517.

⁹³ Offner A.A. *Op. cit.* P.256.

⁹⁴ De Santis H. *The Diplomacy of Silence... P.25; My Dear Mr. Stalin... P.12.* – В тоне обиды на Рузвельта, посылавшего в Москву «циркулярные телеграммы в стиле нагорной проповеди о мире», сообщал об этом посол Уманский В.М.Молотову 13 декабря 1939 г. (*Советско-американские отношения 1939–1945*. С. 29). «"Несущая поверхность" наших отношений с США, – сетовал Уманский, – не выдерживала нагрузки новой расстановки сил в Европе, и все враждебные нам влияния с громадной силой прорвались наружу». Послышались требования «расследовать» деятельность советского посла и даже установить его «неотлучную» охрану (С.30, 31). Послания Уманского становились окрашенными повышенной раздражительностью и были отмечены болезненным реагированием на атмосферу «предельного холода» в обращении с ним официальных лиц американской админи-

усложнившейся для него самой внутренней обстановки в стране и поднятой в прессе и Конгрессе антисоветской кампании президент не оказывал серьезного противодействия инициативам аппаратной «мафии». Отставка У.Додда была первым шагом. После же захвата Германией Чехословакии весной 1939 г. «европейский вопрос» был подвергнут очередному пересмотру в пользу идеи «генерального урегулирования». В нем должны были участвовать страны «оси», а также Англия, Франция и Польша при активном посредничестве США⁹⁵. Советский Союз не предполагалось присоединить даже к последнему вагону этого длинного состава. И это больше всего настораживало Москву. План очередного территориального передела проходил свой инкубационный период под патронатом заместителя госсекретаря Самнера Уэллеса⁹⁶, но его вдохновителями были А.Бирл, помощник госсекретаря Дж.П.Моффат, заведующий Европейским отделом государственного департамента, и Булит, корректирующий весь замысел из Парижа.

За рабочую схему была принята вильсоновская формула «мир без победителей». И, можно было бы добавить, без Советской России. Надежды на вменяемость Гитлера и достижение с ним договоренности о ревизии версальских «несправедливостей» сплывали сторонников той точки зрения на «перемены в Европе», которая исходила из двуединой задачи – ликвидации коммунистической угрозы и преодоления под протекторатом Германии раздробленности континента. Такое согласие с «герром Гитлером» называлось проявлением «героического реализма» и возвращением к «естественному порядку вещей»⁹⁷. Рождалось успокаивающее понимание того, что, как писал Джордж Кеннан, «отношение Гитлера к чехам в период оккупации было для него важно не само по себе (sic! – В.М.), а в контексте всей его политики в Восточной Европе и по отношению к Советскому Союзу»⁹⁸. По-другому: объединенная Ев-

страции. В общении с чиновниками госдепа Уманский явно чувствовал себя неудобно, а порой даже объектом враждебных интриг. Они держат наши отношения, жаловался он, на «без – пяти – минут – разрыве».

⁹⁵ См.: Harper J.L. *American Visions of Europe*. P.58, 59; *The Moffat Papers / Hooker N.H., ed. Cambridge, Mass., 1956.*

⁹⁶ Harper J.L. *American Visions of Europe*. P.60.

⁹⁷ Кеннан Дж. *Дипломатия Второй мировой войны*. С.67, 68.

⁹⁸ Там же. С.70. – *Идея «генерального урегулирования» в Европе витала в воздухе вплоть до конца 1940 г., вызывая опасения всей «рузвельтовской партии». Ее непременный член, финансист и владелец очень популярной и влиятельной в то время газеты «Нью-Йорк*

ропа замышлялась как противовес угрозе с Востока, при этом нацистская Германия уравнивалась со всеми другими «цивилизованными» странами через восстановление европейского единства и свой вклад в строительство оборонительного вала против большевизма. В конце концов часть пути была уже пройдена. Чехословакия и Австрия были принесены в жертву Гитлеру.

Что-то об этом проекте было известно в Москве и, разумеется, в Берлине. Миссия С.Уэллеса в Европу на пике «странной войны» в феврале–марте 1940 г., его беседы о возможном замирении (при посредничестве США) Муссолини, Гитлера, Даладьё и Чемберлена являлись продолжением этого курса и никого не удивили в рейхсканцелярии. Было известно также, что Уэллес не собирался посещать Москву и консультироваться с Кремлем.⁹⁹

урлд» Герберт Суоп (H.B.Swope) в своем письме Гарри Гопкинсу, ближайшему помощнику президента, выражал опасение, что Вашингтон захочет оставить СССР сразу же после нападения на него Гитлера вне коалиции стран, выступающих против агрессии Гитлера. На такого рода мысли наводил сам факт оглашения 23 июня 1941 г. официального заявления от имени правительства США не президентом и не К.Хэллом, а исполняющим обязанности госсекретаря С.Уэллесом. Суоп считал это недостаточным и даже настораживающим. «Я полагаю, – писал он, – что президент должен вскоре высказаться о русской ситуации. Нам противостоит сплоченное меньшинство, которое поднимает вой о коммунизме. Его возглавляет руководствующая сомнительными намерениями католическая церковь. Я попытался даже заранее сформулировать ответ на эти выпады, который звучит так: ... за два года реализации его программы распространения рабства на земле Гитлер поставил под серьезную угрозу наше собственное существование. Мы не за коммунизм, мы против нацизма. Я полагаю, что эту мысль следует высказать на пресс-конференции. Не могли бы Вы ознакомить с моим предложением босса (президента. – В.М.)?» (Franklin D.Roosevelt Library. Hopkins Harry L. Papers. Sherwood Collection. Box 305. H.B.Swope to Hopkins. June 23, 1941).

⁹⁹ См.: Фон Риббентроп И. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С.231, 235. – В откровенно алармистском политическом письме К.А.Уманского Молотову от 13 декабря 1939 г. говорилось о пропаганде «идеи» Соединенных Штатов Европы в американской и английской прессе, о стремлении подчинить антисоветским целям «реорганизацию» Центральной и Юго-Восточной Европы, к которой должна была быть подключена и Германия (Советско-американские отношения 1939–1945. С.25). Миссию Уэллеса он рассматривал как попытку «вбить клин между нами (т.е. СССР. – В.М.) и немцами» и выяснить истинную меру враждебности Гитлера к СССР. Донесение Уманского в НКВД от 3 марта 1940 г. целиком было посвящено

Что помимо соображений «западной солидарности» могло подвигнуть сторонников «генерального урегулирования» на прямой контакт с Гитлером в момент приближения его самого большого военного успеха? Ответ: заинтересованность большого бизнеса, стремящегося к экономической интеграции Европы с участием Германии, Италии и подвластных им территорий. Своеобразный эскиз стратегии снятия окружения Германии и преодоления раскола Запада был набросан и в офисах ряда крупных корпораций и финансово-промышленных групп, тесно связанных с германской экономикой и со времен плана Дауэса рассчитывавших видеть Германию локомотивом продвижения американского влияния в Европе. Лидер республиканцев У.Уилки в откровенном разговоре с заместителем госсекретаря Дж. Мессерсмитом в начале января 1941 г. назвал одной из причин тяги крупного американского бизнеса к изоляционизму убежденность в том, что ему легче и выгоднее иметь дело с «объединенными нацистами Европой», чем с раздробленным на мелкие части континентом, погрязшим в междоусобицах¹⁰⁰. Прогерманская позиция назначенного в феврале 1938 г. послом в Лондоне видного представителя мира бизнеса Джозефа Кеннеди, его тайные контакты с германским послом Гербертом фон Дирксеном и открытые связи с «Клайвденской кликой» лорда и леди Астор¹⁰¹ указывали на то, что присоединение Соединенных Штатов к «германской стратегии» Н.Чемберлена может стать вполне вероятным делом.

(Окончание следует)

этому сюжету (Архив внешней политики СССР. Ф.48з. Оп.24 б. П.3. Д.8. Л.95). В своей переписке с Молотовым в этот период Уманский называл Рузвельта не иначе как бывшим «реформатором», а его позицию в целом как «последовательно враждебную» Советскому Союзу (Советско-американские отношения 1939–1945. С.54).

¹⁰⁰ LC. F.Frankfurter Papers. Box 83. George S. Messersmith's Memorandum. January 16, 1941.

¹⁰¹ Beschloss M.R. Kennedy and Roosevelt. The Uneasy Alliance. N.Y.; L., 1980. P.161–168. – Клуб консервативных прогермански настроенных политиков во главе с виконтессой и членом палаты общин Нэнси Уитчер Астор и ее мужем Уолдорфом Астором играл крайне деструктивную роль в политической жизни Великобритании того времени, препятствуя налаживанию контактов с Москвой и Парижем.

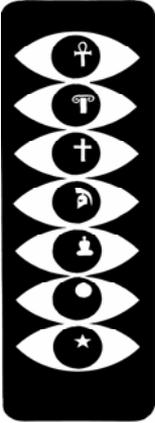
Историческое явление само по себе куда менее поддается отграничиванию от своего окружения, чем явление органическое. Так, Наполеон есть явление историческое, только если рассматривать его в том мире, в котором он жил. Этот мир никоим образом нельзя даже мысленно отделить от него...

История ничего не может предсказывать, кроме одного: ни один серьезный поворот в человеческих отношениях не происходит в той форме, в которой вообразало его себе предшествующее

поколение. Мы знаем наверняка, что события будут развиваться иначе, не так, как мы можем их себе представить. В конечном результате исторического периода всегда наличествует компонент, который впоследствии оценивается как *новое*, как нечто неожиданное, прежде еще немыслимое.

Йохан Хейзинга

Елена Мягкова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«ВАНДЕЯ»:
ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ
В РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АЛЛЕГОРИИ

In 1793 a great uprising in the West of France threatened the very life of Revolution. Country people in adjacent sections of Poitou, Anjou, and Brittany joined to attack the forces of the Republic. These events, known as a War of the Vendee or the Vendee counterrevolution, never stopped inspiring histories in great volume and variety. Many terms engendered by French Revolution are omnipresent today in any European language. Nevertheless theirs specific contents were shifted creating more wide signification. Thus, «the Right» and «the Left» are synonymous to Conservative and Democrat; the Thermidor represents the «end of the Revolution» etc. The Civil War in the Vendee (1793–1796) and its aftermath (up to 1832) were the origin of the fundamental division in subsequent French politics, the division between the «Patriot» East and the «Counterrevolutionary» West, strongly perceived up to the late XX-th century. As a result «the Vendee» played exclusively a symbolic role, allegorizing a Counterrevolution in general, devoid of real historical substance. The tradition of imaginary instead of reality created the most favourable conditions for successful international adoption of a new term. Thus, the widespread perception in Russia was that the Revolution of 1789 was an uncompleted October 1917. As it was no place to peasant counterrevolution in Leninist doctrine the «Russian Vendee» (as well as a French prototype) were lacking in historians interest.

**«Война нелепая и блистательная,
отвратительная и великолепная»**

Нельзя до конца понять Вандею, если не дополнить историю легендой; история помогает увидеть всю картину в целом, а легенда – подробности. Признаемся же, что Вандея стоит такого труда. Ибо Вандея – своего рода чудо.

В.Гюго. Девяносто третий год

Весной 1793 года Великая Французская революция вступила в полосу очередного политического кризиса. Раздираемая внутренними противоречиями, молодая Республика оказалась перед лицом возросшей внешней опасности; возникла первая антифранцузская коалиция. Ставка на чувства гражданского долга и патриотизма не оправдывалась. Полуголодные, плохо одетые добровольцы покидали фронт, и 24 февраля 1793 г. Конвент принял декрет о принудительном рекрутировании 300 тысяч человек. Этот декрет почти повсеместно вызвал глухое сопротивление, а на западе страны – мощный крестьянский протест. Вспыхнувшее в марте 1793 г. восстание охватило несколько департаментов вдоль нижнего течения Луары и к югу от него (на границах трех прежних провинций Анжу, Пуату, Бретань) и получило в истории известность под именем «Вандеи».

Многие понятия Французской революции прочно укрепились во всех европейских языках. При этом их смысловое значение, вначале достаточно узкое, сильно расширилось («правые» и «левые» как синонимы консерваторов и демократов, «Термидор» в смысле «откат революции» и т.д.). Беспрецедентная по жестокости и количеству жертв гражданская война стала не только прелюдией к экстраординарной внутривнутриполитической борьбе, но и отправной точкой формирования главного политического водораздела между «патриотическим» (республиканским) Востоком и «контрреволюционным» (консервативным) Западом, сохранявшего силу вплоть до конца XX века. Не удивительно, что драматические события 1793–1796 гг. стали излюбленным сюжетом художественной литературы. О.Бальзак, В.Гюго, А.Дюма, В.Скотт, Э.Троллоп посвятили Вандее не один десяток живописных страниц. Популяризированный в общих трудах по истории революции авторов XIX в. (Т.Карлейль, И.Тэн, Ж.Мишле, А.Тьер, Л.Блан) термин «Вандея» воспринимался впоследствии исключительно в качестве знакового понятия, обозначающего контрреволюцию.

Следует, впрочем, заметить, что оценка явления и вкладываемое в него содержание расходились по противоположным сторонам широкого спектра: мрак, насилие, варварство – «естественная» наивность, жертвенность, святая набожность; гражданская война, бунт, предательство – мученичество во имя идеала, борьба с тиранией, героизм¹. Популярность Вандеи на образно-эмоциональном уровне, как имени нарицательного, практически полностью лишила ее подлинного научного осмысления. Загадочность и притягательность феномена оформилась из диалектического пересечения (почти мистического совпадения) ряда причин – объективных и субъективных, закономерных и случайных.

Район восстания представлял собой неправильный четырехугольник, вытянутый с запада на восток; театр военных действий включал территорию четырех департаментов (Вандея, Дё Севр, Нижняя Луара, Мен и Луара)². Вандея при этом не являлась ни колыбелью мятежа (он начался повсюду почти одновременно), ни ареной его главных событий³. Не идентифицировали себя с ней и сами повстанцы. Их силы («Католическая и королевская армия») были разделены по «географическому» признаку, хорошо согласующемуся с местническим духом и клановыми, кровнородственными связями крестьянского воинства⁴. Описанный принцип гораздо более напоминал старую феодальную систему доменов, а потому не столько объединял усилия восставших, сколько порождал соперничество, зависть и даже вражду.

И все-таки на языке парижской улицы «Вандея» уже в 1793 году означала «непримиримый враг революции»⁵. Патриотическая администрация заявляла, что возникшее понятие оскорбляет чувства местных

¹ Petitfrère Cl. *Les causes de la Vendée et de la Chouannerie. Essai d'historiographie // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 1977. Т.84. №1. P.75–101.*

² Восточная часть бывшей провинции Пуату стала Военной, центральная – Дё-Севр, западная – Вандеей; на территории Анжу образовался департамент Мен и Луара, на территории Бретани – Финистер, Кот-дю-Нор, Иль и Вилен, Морбиан, Нижняя Луара (или Атлантическая Луара). Шуанерия (лесная, «партизанская» война), как форма протеста, была связана с Бретанью и не имела ничего общего с гражданской войной в Вандее.

³ Основные военные действия происходили на территории Мен и Луары, где находилась самая мощная повстанческая группировка – «Великая Армия» («Армия Анжу»).

⁴ Армия Анжу, или Великая армия (под командованием Ж.Кателино, М.-Ж. д'Эльбе, Ш.-М.Боншана и Ж.-Н.Стоффле), Армия Центра (Л.-Ш.Руаран, Ш.-А.Сапино), Армия Верхнего Пуату (Л.-М.Лескор и А.Ларошжаклен), Армия Нижнего Пуату (Ф.-А.Шаретт).

⁵ Летчфорд С.Е. «Вандея» – судьба одного понятия // *Новая и новейшая история. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2000. Вып.19. С.39–42.*

республиканцев; речь скорее должна идти о «фильберцах», по имени коммуны Сен-Фильбер-де-Гран-Лье (Нижняя Луара), где собрались первые банды крестьян. Член департаментской администрации А.-Ш. Мерсье дю Роше красноречиво писал: «Так называемая Вандейская война началась не в этом департаменте. Она была продолжением волнений в Морбиане»⁶.

Бретонец в карауле перед церковью. Картина Лойё.

Рождение нового понятия было тесно связано с механизмами функционирования массового сознания и формированием института общественного мнения. Имя мятежного края прозвучало в Париже из донесения командированного в Сент-Эрмин депутата Жозефа Ниу, датированного 15 марта 1793 г. Его рапорт вызвал оживленную дискуссию в Конвенте и был полностью воспроизведен на страницах официального «Монитёра» (№ 78 от 19 марта), тогда как депеши о беспорядках в других местах были получены позже. Вступление в действие регулярных

⁶ Chassin Ch.-L. *La préparation de la Guerre de Vendée. T.3. Paris, 1892. P.312.*

войск под командованием генерала Л. де Марсе считалось вполне достаточным для разгона «бунтовщиков», однако 19 марта республиканская армия была наголову разбита под Сен-Венсаном. В сгущавшейся атмосфере шпиономании событие немедленно обрело статус измены и предательства⁷. Этому способствовал и захват крестьянами 25 мая 1793 г. Фонтене⁸, ставшего первым департаментским центром, над которым взвилось белое знамя роялизма. Наконец, потеря столицы Вандеи крепко переплелась с последовавшим через несколько дней падением жирондистов, обвиненных в развязывании гражданской войны.

Сложнейшая ситуация 1793 г., во многом сделавшая возможным приход к власти якобинцев, поставила их лицом к лицу с многочисленными «врагами» (реальными и мнимыми), которых они облекали в яркие *образы*. Прежде всего Франции угрожала интервенция европейских монархов. Страшным символом *внешнего* врага выступала Англия, хотя она не вела военных действий и, как доказывают современные работы, вовсе не так страстно боролась с революцией на континенте⁹. Гораздо сложнее дело обстояло с олицетворением *внутреннего* врага, коим и стала Вандея.

Провозгласив нацию источником политического суверенитета, депутаты Учредительного собрания заимствовали просветительское представление о добродетельном от природы народе, сделав его одновременно символом и главным субъектом революции. Как носитель общего интереса, он являлся единственным источником легитимности революционных властей. Вместе с тем 1793 год стал временем наивысшего подъема многочисленных движений, оспаривавших систему новых законов. Возникшая коллизия отчасти уравновешивалась образом «заблуждения», оставляя, таким образом, надежду вернуть грешника на путь истинный. Дворяне и неприсягнувшие священники, якобы подогревавшие среди сельских жителей «мрачный фанатизм», объявлялись важнейшей причиной «помешательства».

⁷ Gérard A. *La Vendée. 1789–1793. Champ Vallon, 1992. P.117–122.*

⁸ *Сент-Эрмин, Сен-Венсан-Стерланж – населенные пункты на территории Вандеи; Фонтене – старейший культурный центр и «столица» департамента Вандея.*

⁹ Федин А.В. *Англо-русские отношения вокруг Великой Французской революции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001. См.: Hutt M. Chouannerie and Counter-revolution: Puisaye, the Princes and the British Government in the 1790s. Vol 1–2. Cambridge, 1983; Mitchell H. The Underground War Against Revolutionary France: the Missions of William Wickham (1794–1800). Oxford, 1965.*

Вандейские крестьяне. Гравюра XIX века.

Однако провал мер «гражданской педагогики» (агитация, пропаганда и шквал печатной продукции в целях популяризации и разъяснения основ «справедливейшего миропорядка») породил качественно иной дискурс. Нация, вышедшая из рабства, впервые получила полную свободу, а потому является, в сущности, ребенком, не умеющим ею разумно воспользоваться. Библейская метафора сменилась семейным патернализмом, смысловое поле которого соединяло в себе легкость ошибки с возможностью сурового наказания. Идеологическое «оправдание» репрессий происходило через разделение (до противоположности) понятий «человек» / «гражданин» и последующее лишение восставших человеческого облика. Мятежные крестьяне – не граждане и даже не люди, но «свинский сброд», негодная «раса разбойников», подлежащая физическому уничтожению¹⁰.

¹⁰ Muller Ch. *Du «peuple égaré» au «peuple enfant». Le discours politique révolutionnaire à l'épreuve de la révolte populaire en 1793 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2000. T.47. №1. P.93–112; Viguier J. de. La Vendée et les Lumières: les origines intellectuelles de l'extermination // La Vendée dans l'Histoire. Actes du Colloque de La Roche-sur-Yon. Paris,*

В июне мятежники захватили город Сомюр, открыв себе путь на Париж, но, рассчитывая на помощь англичан с атлантического побережья, повернули на запад и осадили Нант. Отчаянное сопротивление республиканского центра и крупнейшего порта, а также смертельное ранение генералиссимуса Ж.Кателино деморализовало крестьян, отряды которых значительно поредели в связи с сезоном полевых работ. Тем временем революционные власти приняли знаменитый декрет об «уничтожении расы разбойников» (1 августа 1793 г.), направив в непокорные департаменты армию под командованием Ж.-Б.Клебера, Ф.-С.Марсо, и 14–17 октября одержали свою первую крупную победу. Разгромленные части во главе с А.Ларошжакленом (увлекая за собой семьи и мирное население, которым грозил «синий террор») переправились через Луару и начали беспрецедентный поход в Нормандию (*Virée de Galerne*)¹¹, надеясь на поддержку бретонской шуанерии и английский десант. Достигнув Гранвиля (город на берегу Ла-Манша) и не получив ни того, ни другого, огромная 80-тысячная толпа двинулась обратно, пока в декабре близ Ле Мана не была окружена и перебита.

Монтаньяры поместили Вандею на беспрецедентном стыке внутренней (восстание марта 1793 г.) и внешней (Англия) угрозы, в философски абстрактный образ абсолютного врага, контрреволюции вообще¹². Действительно, бросается в глаза показательность действий Конвента, обративших регион в назидательную притчу для настоящих и будущих мятежников. Так, в ноябре 1793 г. департамент многозначительно переименовали в Отомщенный¹³. Обрушившийся же с востока поток «кадских колонн» генерала Л.Тюрро и тактика выжженной земли сделали из региона настоящее «кладбище нации»¹⁴. Согласно современным подсчетам, территория Ван-

1994. P.36–51.

¹¹ Непереводимая игра слов: *Virée* – поворот, прогулка; *Galerie* – на местном диалекте – название ветра, дующего с северо-запада (с берегов Атлантики). Однако отступающая армия потеряла здесь последнюю видимость военных соединений: вслед за ней двигалась несметная толпа стариков, женщин, детей; в общей сложности – 80 тыс. человек (См.: Jullien M.-A. *Sur le passage de la Loire par les Vendéens // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.317. Оп.1. Д.356*).

¹² Gérard A. *Par principe d'humanité: la Terreur et la Vendée. Paris, 1999.*

¹³ По-французски – игра слов: *Vendée* (Вандея) – *Vengé* (Отомщенный).

¹⁴ Fournier E. *La Terreur bleue: première phase de l'extermination des Vendéens, décrétée par le Pouvoir: 17 octobre – 23 décembre 1793. Paris, 1984; Idem. Turreau et des colonnes infernales: deuxième phase de l'extermination: 1-er janvier 1794 – 9 thermidor, 27 juillet 1794. Paris, 1986; Peret J. La Terreur et la Guerre. Poitevins, Charentais et Vendéens de l'An II.*

деи, Дё-Севр, Мен и Луары, Атлантической (или Нижней) Луары потеряла между 1793 и 1796 гг. от 140 до 190 тыс. человек, что составляло 1/4 – 1/5 населения, местами 1/3, а часто и половину¹⁵. Общие потери, включавшие «синих» и «белых» (жертвы сражений, репрессий, переправы через Луару) и дававшие себя знать вплоть до середины XIX столетия, закономерно оказались предметом более или менее фантастических оценок среди современников¹⁶.

Это событие имело принципиальное значение. Во-первых, уничтожено было не абстрактное понятие, но конкретный департамент; якобинская же аллегория исторически неверно и весьма несправедливо материализовалась в границах Вандеи. Во-вторых, «синий» террор имел обратные результаты. Жестокость, оставившая глубокий травмирующий след в психологии людей, дала удивительный шанс роялистской контрреволюции. Не имевшая опоры в «народе» и лишенная до 1793 г. поддержки, аристократия оказывала призрачное влияние. Восставшая и страдающая Вандея создавала уникальную возможность для использования ее в собственных целях (побережье, Англия, эмиграция). Яркий образ лондонского эмиссара, маркиза де Лантенака (прототипом которого был реальный персонаж – граф Ж.-Ж. де Пюизе), правдоподобно ожил под пером В.Гюго.

Лантенак не признавал ни бретонской войны, «ни приемов Ларош-жаклена, сражавшегося только в открытом поле, ни "лесной войны" Жана Шуана; он не хотел воевать ни по-вандейски, ни по-шуански; он намеревался вести настоящую войну – воспользоваться крестьянином, но подпереть его солдатом. Для стратегии ему требовались банды, а для тактики – полки. По его мнению, это мужицкое воинство было незаменимо для внезапных атак, засад и тому подобных сюрпризов; оно умело мгновенно собрать свои силы и тут же рассыпаться по кустам; но Лантенак понимал, что главная их беда – текучесть, они, словно вода, уходили сквозь пальцы; он стремился создать внутри этой подвижной и

Geste éditions, 1992; Secher R. Le génocide franco-français: La Vendée-Vengé. Paris, 1986.

¹⁵ См.: Hussenet J. *La guerre de Vendée: combien de morts? // Recherches vendéennes. №1. 1994 (Vendée). P.39–89; №2. 1995 (Maine-et-Loire). P.31–95; №3. 1996 (Loire-Atlantique). P.301–366. См. также: Arches P. Guerre de Vendée et sources démographiques pendant la Révolution et l'Empire. Essai critique sur les Deux-Sèvres // Ibid. №4. 1997. P.147–162; Hussenet J. Op. cit. // Ibid. P.163-218.*

¹⁶ *В то время как длительная традиция роялистской историографии колебалась между цифрой в 400–600 тыс. жертв, наследники «синих», напротив, недооценивали значимость этих утрат (См.: Martin J.-Cl. La Vendée et la France. Paris, 1987. P.306–317).*

рассеянной по всей округе армии прочное ядро; он хотел укрепить эту дикую лесную армию регулярными частями, которые явились бы стержнем операций. Мысль верная и чреватая страшными последствиями; удайся Лантенаку его план, Вандея стала бы непобедимой»¹⁷.

Термидорианский переворот приостановил противостояние двух стихий – «мужиков-рыцарей» и «босоногих героев»¹⁸. Новая власть настояла на переговорах, увенчавшихся подписанием перемирия в Ла Жоне 17 февраля 1795 г. С этого момента термин «Вандея» в его образно-символическом аспекте проникает на страницы республиканских изданий. Снятый с должности и посаженный в тюрьму за излишнюю жестокость генерал Л.Тюрро в качестве оправдания наполнил свою книгу рассказами о зверствах мятежников (их он намеренно называл «вандейцами»), среди которых якобы вообще не было мирных жителей (даже женщины и дети вели истребительную войну против Республики)¹⁹. Мемуары, вышедшие впервые в 1795 г., вызвали критику со стороны эмиграции. Осевший в Лондоне Б.Пуарье де Бовэ выдвинул свое видение проблемы и гордо именовал себя «генералом вандейской армии»²⁰, нимало не смущаясь тем, что таковой армии не существовало в природе. Так, заимствовав распространенную среди оппонентов терминологию, он открыл ей путь в роялистскую среду.

Став порождением обстоятельств, термин переключался на страницы научных трудов и художественных произведений, дав начало абсурдным алогизмам (географическим коллажам). Авторы по-разному пытались совместить конкретные факты и события с не соответствующим им именем региона. Третья часть знаменитого романа В.Гюго названа «В Вандее», а реальное действие происходит в Бретани²¹. «Если Вы хотите

¹⁷ Гюго В. *Девяносто третий год*. М., 1988. С.213.

¹⁸ «С одной стороны – беспорядочная толпа, с другой – фаланга. С одной стороны – шесть тысяч крестьян, в кожаных куртках с вышитым на груди Иисусовым сердцем, с белыми лентами на круглых шляпах с евангельскими изречениями на нарукавных повязках и с четками за поясом... С другой стороны – полторы тысячи солдат в треуголках, с трехцветной кокардой, в длиннополых мундирах с широкими отворотами и в портупеях...» (Гюго В. *Указ. соч.* С.210).

¹⁹ Turreau L.-M. *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de la Vendée*. Paris, 1824. Reéd. 1992.

²⁰ Poirier de Beauvais B. *Mémoires inédits de Bertrand Poirier de Beauvais, commandant général de l'artillerie des armées de la Vendée*. Paris, 1893. – Мемуары написаны в 1796–1797 гг., но опубликованы были лишь частично.

²¹ См.: Мяжкова Е.М. «Знаменитое, но черное имя»: история и легенда Вандеи в романе В.Гюго «93 год» // *Историк и художник*. М., 2005. №1. С.22–46.

понять *Вандею*, то представьте себе отчетливо двух антагонистов: с одной стороны – французскую революцию, с другой – *бретонского* крестьянина... В итоге *Вандея* послужила делу прогресса, доказав, что необходимо рассеять древний *бретонский* мрак...»²². Главное сочинение профессионального архивиста Мен и Луары озаглавлено как «Анжевинская Вандея»²³.

В спорах вокруг наследия Французской революции, ее завоеваний и памяти о ней происходила кристаллизация идеологических позиций. Вопрос о политическом строе на протяжении всего XIX столетия оставался важнейшим, и совершенно естественно, что нарождающиеся политические кланы олицетворяли собой разные ответы на него. Так, «левые» отождествлялись с республикой, правые – с монархией²⁴. Вандея, по мнению французского историка А. Бенджеббара, является «перевертышем». Она «посмертная дочь монархии и извращенный монстр революционного идеала. Любимое дитя роялистов родилось из недр Республики; оно получило имя в купели Конституанты и обязано славой комиссарам Конвента, не ведавшим, что Сен-Флоран и Шоле находились в Мен и Луаре. Монархия удочерила чужого ребенка, а Республика отрелась от существа, которому дала жизнь. Вандея – единственное событие нашей истории, для которого все еще необходимо установить законное происхождение»²⁵.

Неудивительно, что первые интерпретации Вандеи (с конца XVIII в.) «грешили» не только понятными субъективными переживаниями авторов (огромное количество мемуаров), но и жесточайшими политическими спорами. По сути дела, это была «война» за право истолкования мятежей, и если оставить в стороне эту экстраординарную борьбу, то предложенные варианты просуществовали практически неизменными более 100 лет: особенности ландшафта, создающие «предателей» (теория климатов) и потворствующие гражданской войне (леса и болота); подстрекательство дворян и священников; особо отсталый регион («медвежьи углы» Франции). Повсюду, впрочем, и в других департаментах присутствовали как неприсягнувшие, так и дворяне; не было недостатка в регионах со схо-

²² Гюго В. Указ. соч. С.186, 202 (*Курсив мой*. – Е.М.).

²³ Port C. *La Vendée angevine. Les origines – l'insurrection (janvier 1789 – 31 mars 1793). D'après des documents inédits et inconnus. T.1–2. Paris, 1888.*

²⁴ Сиринолли Ж.Ф. Деление на правых и левых во Франции: величина постоянная или переменная? // *Французский ежегодник 2003. М., 2003. С.3–9.*

²⁵ Bendjebbar A. *La Mythologie vendéenne. 1793–1914 // Vendée, Chouannerie, Littérature. Actes du Colloque d'Angers (12–15 décembre 1985). Angers, 1986. P.503.*

жими с бокажами²⁶ тактическими преимуществами; но, если там ничего не произошло, это означает, что их обстоятельствам недоставало самой сути.

Типичный вандейский пейзаж (фотография).

Доминировавшая на протяжении столетия «якобинская» традиция повлияла на определение роли и места Вандей в научной литературе (формирующим моментом здесь стало празднование 100-летнего юбилея Революции). Для радикально-демократического и марксистского течений восстание имело откровенно реакционный характер и, вновь подчиняясь политической конъюнктуре, по сути **не имело серьезной**

²⁶ *Бокажи – местности, покрытые густыми лесами, кустарниками (реже – болотами). Отсутствие хороших дорог не позволяло развернуть активные военные действия при помощи регулярных войск. Последние становились частыми жертвами засад и неожиданных нападений. Напротив, крестьяне, хорошо знавшие особенности ландшафта, вели эффективную в таких условиях партизанскую войну. См. пояснения В. Гюго (цитируются на стр. 16) в отношении планов маркиза де Лантенака.*

*истории*²⁷. При идеологизированном подходе игнорировался главный участник событий, и, действительно, до середины XX века не было предпринято ни единой попытки ответить на вопрос: чем было восстание именно для крестьян?

Не без влияния потрясшего французскую историческую науку ревизионизма, были сформулированы концепции, выводившие его либо из столкновения материальных интересов («восстание нищеты»)²⁸, либо из антагонизма город – деревня («культурный дуализм»)²⁹. Однако используемые авторами факты свидетельствуют о различиях в социальной базе восставших (бедные или богатые в зависимости от региона), с одной стороны; о слабой дифференциации между горожанами и сельчанами, – с другой³⁰. Увлечение религиозной проблематикой в 80-е годы прошлого века способствовало складыванию альтернативного подхода: война на Западе Франции стала рассматриваться как отрицание гражданского законодательства новых властей. Слабая дехристианизация, культурное отставание, недостаточный процент урбанизации и отсутствие крупной промышленности, с этой точки зрения, благоприятствовали климату религиозного традиционализма³¹. Вместе с тем удельный вес монастырей и монашеских орденов по департаментам и коммунам никак не соотносится с очагами мятежа, а антиреспубликанские настроения парадоксальным образом совпадают с зонами длительного «низового» противодействия по отношению к епископам и каноникам.

Так, экономические, социальные, политические, идеологические факторы, взятые изолированно друг от друга, не позволяют ответить на главный вопрос: почему кровавые события развернулись именно в этих областях Франции? Напротив, все становится логичным и согласованным, если

²⁷ См.: Жорес Ж. *История Конвента*. М., 1920. С.86; Матьез А. *Французская революция*. Ростов-на-Дону, 1995. С.357; Собыль А. *Первая республика 1792–1804*. М., 1974. С.51.

²⁸ Fauchoux M. *L'insurrection vendéenne de 1793: Aspects économiques et sociaux*. Paris, 1964.

²⁹ Bois P. *Les paysans de l'Ouest: Des structures économiques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire dans la Sarthe*. Le Mans, 1960; Tilly Ch. *The Vendée: A Sociological Analysis of the Counter-Revolution of 1793*. Cambridge. Mass., 1964.

³⁰ Petitfère Cl. *Les Vendéens d'Anjou 1793: Analyse des structures militaires, sociales et mentales*. Paris, 1981.

³¹ Fauchoux Y. *Religion et la France révolutionnaire*. Paris, 1989; Pierrard P. *L'Eglise et la révolution 1789–1889*. Paris, 1988; Tackett T. *La Révolution, l'Eglise, la France. Le serment de 1791*. Paris, 1986; Viguier J. de. *Christianisme et la Révolution. 5 leçons d'Histoire de la Révolution*. Paris, 1986; Vovelle M. *La Révolution contre l'Eglise. De la Raison à l'Être Suprême 1793*. Bruxelles, 1988.

допустить, что условия жизни создали здесь специфическую коллективную психологию, тип общества, наделенного когерентным самосознанием. Острая потребность в пересмотре методологии и теоретических подходов (к совершенно другим, впрочем, проблемам, но весьма кстати) привела к возникновению в середине 1960-х годов междисциплинарного исследовательского комплекса, получившего красноречивое название *peasant studies*³². Переосмысление вандейского сюжета, расположенного на пересечении исторической антропологии (к чему подводила логика историографического спора) и крестьяноведения (предопределенного самим объектом внимания), напрашивалось само собой, но в результате обернулось парадоксальным, на первый взгляд, отсутствием интереса к нему.

Во-первых, значительную роль здесь сыграли споры вокруг истории ментальностей, породившие больше вопросов, чем ответов на них (проблема «народа»; взаимодействие «народной» и «официальной» культур; недостаток источников; механизм смены системы взглядов). Вторая сложность связана с общей парадигмой современного историописания: чрезвычайное расширение предметного поля работ создало питательную почву для множества разных течений, дискредитировав идею «тотальной истории». Напротив, историческая антропология и крестьяноведение ориентированы на комплексный, междисциплинарный подход³³.

В-третьих, на истолковании мятежей на Западе Франции заметно сказывается смещение исследовательских акцентов в изучении Революции в целом. Так, в преддверии 200-летнего юбилея активизировалось консервативное крыло: в русле тотального «развенчания» «якобиноцентризма» предпочтение здесь отдается проявлениям крайностей, жестокости, террора. Тема Вандеи особенно привлекательна, поскольку речь идет об огромных жертвах, беспощадных репрессиях. Однако ее «загадка» полностью растворяется: причины мятежа лишь отчасти находятся в департаменте, гораздо более важные – произошли извне. Несмотря на все свое неприятие, другие регионы Франции остались пассивными, ибо восстание во многом было создано самим правительством³⁴.

³² Шанин Т. Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм (1989) // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник*. М., 1996. С.8–25.

³³ См.: Мяжкова Е.М. *Крестьянство на Западе Франции при Старом порядке: проблемы теории и методологии* // *Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов*. Брянск, 2004. Вып.13. С.30–39.

³⁴ См.: Мяжкова Е.М. А.Жерар. «Из принципа гуманности...» *Террор и Вандея (рецензия)* // *Новая и новейшая история*. 2003. №5. С.235–237.

Наконец, 1989 год способствовал искусственному росту самосознания региона (*намеренное* конструирование прошлого). Под влиянием юбилея, распяемая всеми силами местной политической элиты, апеллирующей к феномену исторической памяти, Вандея «присвоила» себе события гражданской войны, сделав их достоянием сугубо этого департамента. Осмысление ее истории переместилось с национального на локальный (краеведческий) уровень. Если раньше споры велись между ведущими университетскими школами, то теперь она стала «частной собственностью» местных ученых. «Горе тем, кто вознамерится коснуться вандейского пантеона! – восклицает А.Бенджеббар. – С какой бы стороны они ни приблизились к нему, они видят ангелов-мстителей, поднимающихся для уничтожения святотатцев. Невозможно касаться икон, ибо миф сильнее правды. Память, традиция, слезы здесь противопоставляются правде, а потому горе тем, кости чьих предков не покоятся на вандейской земле. Так пусть же замолчат те, кто не имеет отношения к жертвам, обгабившим святую землю»³⁵.

«...Вандея – к нашей духовной гордости была и у нас»

*Старого мира последний сон
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.*

М.Цветаева

Французской революции и ее влиянию на русское общество посвящено немало трудов³⁶, однако переход от простого сбора и систематизации материала к этапу обобщения и синтеза отнюдь не завершился (все еще остается недостижимой целью). Исследователи, как правило, лишь регистрировали отклики на события конца XVIII в., акцентируя «отражающую» способность мысли, и только в последнее время намечился интерес к ее «выразительным» возможностям³⁷. Иными словами, современный историк приглашен «задуматься о

³⁵ Bendjebbar A. *Op. cit.* P.508.

³⁶ Великая Французская революция и Россия. М., 1989; Великая Французская революция и русская литература. Сб. статей. М., 1990; Джеджула К.Е. Россия и Великая Французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972; Итенберг Б.С. Россия и Великая Французская революция. М., 1988; Кондратьева Т.С. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986; Штранге М.М. Русское общество и Французская революция 1789–1794 гг. М., 1956.

³⁷ Гордон А.В. Великая Французская революция в ретроспективе 1917 года. Становление

том, как в этих оценках характеризовало себя российское общество, как оно себя выражало размышлениями, в которых исторические судьбы России поверялись историческим опытом революции»³⁸.

Национальная культура удивительным образом впитала в себя явление «чужеземной политической истории» (А.В.Гордон): идеи и принципы, события и персонажи Французской революции становились частью духовного опыта страны. В течение многих десятилетий *эта революция* служила наглядным учебным пособием по осуществлению общественных преобразований, государственных переворотов, предотвращению социальных потрясений, а также могущественным фактором развития самосознания. Подобно Священному писанию для одних, «сатанинской книге» для других, революционное наследие Франции образovalo идейный дискурс, в контексте которого выкристаллизовывались важнейшие общественно-политические направления (радикальное, либеральное, консервативное) в дореформенной и пореформенной России. Так, на почве «адаптации» и выработки собственного представления о будущем просвещенная элита переходила от рецепции к *интериоризации* западной модели «прогресса».

Под давлением обнажившихся в XIX столетии «опасностей» республиканского правления, всеобщего разочарования поисками царства Разума подозрительность (и даже нигилизм) в отношении конституционных прав и свобод оказалась общим местом в мировосприятии русской интеллигенции. Неудивительно, что ведущей формой синтеза в отечественной культуре выступало «отрицательное» (имплицитное) заимствование³⁹: с постепенным укоренением начал цивилизации Нового времени нарастало и критическое отношение к ней как буржуазной⁴⁰. Первая линия «протеста» выражала себя идеалом православно-монархической империи; вторая представляла сплав классического

советской историографии // Одиссей 2004. М., 2004. С.253–280; Он же. Великая Французская революция как явление русской культуры (к постановке вопроса) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М.Далина. М., 1998. С.219–245; Он же. Великая Французская революция, преломленная советской эпохой // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С.311–336.

³⁸ Гордон А.В. Великая Французская революция как явление русской культуры... С.221.

³⁹ Понятие «заимствование через отрицание» введено А.В.Гордоном (См.: *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С.450–459.*)

⁴⁰ *Обоснование понятия «цивилизация Нового времени» см.: Гордон А.В. Новое время как тип цивилизации. М., 1996; Он же. Новое время: эпоха и цивилизация // Одиссей 1998. М., 1999. С.270–277.*

социализма с традициями общинности. Оба подхода сходились на той или иной разновидности «русской идеи» (патриархальный уклад деревни), противопоставлявшейся теории и практике европейского развития (индустриальный город). Однако если консерваторы сохраняли установку на нравственное самоусовершенствование, то для радикалов главным средством был социальный переворот, миссионерская деятельность, сближавшаяся с прямым и широким насилием. Критическое переосмысление французского опыта, следовательно, вело к его «уценке», и революция начинала восприниматься «технически», с точки зрения пригодности и эффективности, уроком захвата власти⁴¹.

Отношение к Французской революции в советский период строилось по уже сложившимся направлениям и отмечено целым рядом резких поворотов в своей эволюции. Идеиная преемственность между периодами воспроизводилась в «революционном культе» (демократическая традиция середины XIX в.) и методологической монополии классового подхода.

Прежде всего историческая наука молодого государства искала в глубине ушедших эпох образцово-поучительные примеры социального переустройства: отринув монархический и православный порядок, она крайне нуждалась в ретроспективной легитимации. В силу объективных (радикализм, мировое значение, размах народного движения) и субъективных (особенности национального восприятия, отождествление с «моделью») причин выбор пал на события 1789–1794 годов, положив начало концепции «революции-прототипа». По описаниям конца XVIII в. одни пытались предугадать судьбу России⁴², а другие рассматривали их как своеобразный эскиз к картине, явленной в Октябре 1917-го⁴³. Другими словами, ведущим импульсом в формирова-

⁴¹ Гордон А.В. Великая Французская революция как явление русской культуры. С.232–239; Утопический социализм в России. Хрестоматия. М., 1985.

⁴² Так, столкнувшись с драматическим развитием революции 1917 года, П.А.Кропоткин черпал уверенность в своем профессиональном знании революции 1789 года: «То, что я уже пережил не раз такую же разруху, когда писал историю французской революции... спасает меня от пессимизма» (Цит. по: Великая Французская революция и Россия. С.165).

⁴³ Представление о 1917 годе как завершении революции XVIII века, ее последнем этапе было в Советской России глубоко укорененным, уходя основанием в тот «революционный культ», который во второй половине XIX в. трансформировался в решимость «превзойти» Французскую революцию, «исправить» ее недостатки, обратить всецело на «благо народа» (См.: Кондратьева Т.С. Указ. соч. С.9; Покровский М.Н. Буржуазная концепция

нии обновленной интерпретации стала потребность в политико-идеологическом, а затем и научно-теоретическом обеспечении победы большевиков.

Решающую роль в осуществлении этой функции сыграли понятия, символы, персоналии якобинской диктатуры. Из последней, в частности, черпался конкретный материал для обоснования специфики русской революции и строительства социализма в одной стране, настойчиво отыскивались параллели для разоблачения внешних и внутренних врагов⁴⁴. В опаснейшие для судеб советской власти моменты (гражданская война) профессиональные знания служили мобилизации и призывались внушать надежду, преодолевать отчаяние⁴⁵. Собирательный образ французской контрреволюции среди прочего занимал одно из ведущих мест и активно использовался В.И. Лениным в реализации отдельных мер правительства.

Социально-экономической основой русской Вандеи он считал «слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев... сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта»⁴⁶. Ими руководит «армия озверелых полицейских, забытых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подпоенных отбросов капиталистического общества»⁴⁷. Эта инертная масса «соединяет в себе всю дикость азиатчины со всеми омерзительными сторонами утонченных примеров эксплуатации и одурачения всех тех., кто доведен до положения хуже зверя»⁴⁸. Закономерно, что часть «народной силы» противоположна прогрессу вообще⁴⁹, а в эпоху пролетарской революции открыто переходит на сторону «реакции, монархии, Кавеньяков»⁵⁰. «Ни-

пролетарской революции // Историк-марксист. 1927. №3. С.57).

⁴⁴ *Анализируя творчество В.И.Ленина разных периодов, Н.М.Лукин констатировал «крупнейшее значение» опыта Французской революции и особенно якобинской диктатуры для выработки вождем партии «стратегии и тактики революционного пролетариата», «принципов большевизма» (См.: Лукин Н.М. Избранные труды. Т.1. М., 1960. С.322, 325).*

⁴⁵ *Характерны в этом отношении статьи Н.М.Лукина «Буржуазное отечество в опасности (из опыта Великой Французской революции)» и «Новая Шарлотта Корде» в «Правде» 28 августа и 3 сентября 1918 г. (См.: Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Николай Михайлович Лукин. М., 1987).*

⁴⁶ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.219.*

⁴⁷ *Там же. Т.12. С.56.*

⁴⁸ *Там же. С.57.*

⁴⁹ *Там же. Т.10. С.138.*

⁵⁰ *Там же. Т.39. С.189. – Не случайно в передовой статье «Известий» (1918. 21 апреля.*

когда не бывало в истории и не может быть в классовом обществе гражданской войны эксплуатируемой массы с эксплуататорским меньшинством без того, чтобы часть эксплуатируемых не шла за эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев»⁵¹. Стоячее ванзейское болото отнюдь не исчезнет от половинчатых реформ «сверху»; его может осушить «только сила организованного и просвещенного пролетариата, ибо он, эксплуатируемый сам, в состоянии поднять всех стоящих ниже него, пробудить в них людей и граждан, показать им дорогу к избавлению от всякой эксплуатации»⁵² (вспомним здесь о диктатуре пролетариата в союзе с крестьянством).

Нарисованный В.И. Лениным яркий образ, впрочем, далек от оригинальности и лишь соединяет в стройную политическую концепцию ранее уже существовавшие элементы. Миф о зажиточном крестьянстве, сохранившем в силу своей изоляции черты патриархальной идиллии (гармоничность отношений с дворянами и священниками), был весьма популярен во Франции и без изменений перекочевал в единственную (!) до недавнего времени русскую компилятивно-популяризаторскую брошюру по гражданской войне конца XVIII в.⁵³ Органическое неприятие радикальных реформ очень точно зафиксировал В.Гюго: «Развертываются небывалые события; благодетельные перемены, происходящие одновременно, оборачиваются угрозой; цивилизация совершает гневный рывок: прогресс буйствует, забыв меру, несет с собой неслыханные и непонятные улучшения, и представьте, что на все это с невозмутимой важностью взирает дикарь, странный светлоглазый, длинноволосый человек, вся пища которого – молоко да каштаны, весь горизонт – стены его хижины, живая изгородь да межа его поля... Способен ли такой слепец принять благословенный свет?»⁵⁴ Тезис же о необходимом и даже неизбежном руководстве со стороны пролетариата почти дословно воспроизводил народнический идеал «революции сверху» (во имя народа и вместо него)⁵⁵. Классическая коллизия ясно прозвучала в словах

№79) Л.Г. Корнилов одновременно именовался и «ванзейцем», и «Кавеньяком», и «генералом-бонапартистом».

⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С.143.

⁵² Там же. Т.12. С.57.

⁵³ Михеева К.И. Ванзейские войны (восстание крестьян во Франции). СПб., 1907. С.3–10. – Первое научное исследование вышло в свет лишь в 2006 году (См.: Мяжкова Е.М. «Необъяснимая Вандея». Сельский мир на Западе Франции в XVII–XVIII веках. М., 2006).

⁵⁴ Гюго В. Указ. соч. С.186–187.

⁵⁵ Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Указ. соч. С.120. – Подобная особенность рево-

В.Г.Белинского: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью»⁵⁶.

Крушение идеи всемирной пролетарской революции неизбежно замыкало исследовательский горизонт на концепции построения социализма в отдельно взятой стране. Последовавшая в 30-е годы культурная и политическая изоляция СССР знаменовала начало очередного этапа в осмыслении французского исторического опыта. Общество, отгородившееся «железным занавесом», претендовало стать эталоном всей цивилизации и провозгласило об абсолютном превосходстве «единственно верного учения», дарованного правившей партией отечественной науке. Здесь сталинизм парадоксальным образом актуализировал архаические рецепты «самоустранения» – бытовавшие, например, в Московском царстве стереотипы тлетворности и опасности Запада, с одной стороны, самодостаточности русского социума, – с другой⁵⁷. Повлияла и философская традиция XIX в., активно развивавшая тему избранничества России в спасении человечества от капиталистического монстра⁵⁸. Апология особого пути логически вела к особой «истории». Вошедший к тому времени в употребление термин

люционного сознания была тонко подмечена Б.Л.Пастернаком: «Всюду непрекращающиеся крестьянские восстания. Против кого, спросите вы? Против белых и против красных, смотря по тому, чья власть утвердилась. Вы скажете, ага, мужик враг всякого порядка, он сам не знает, чего хочет. Извините, погодите торжествовать. Он знает это лучше вас, но хочет он совсем не того, что мы с вами. ... Властители ваших дум грешат поговорками, а главную забыли, что насильно мил не будешь, и укоренились в привычке освобождать и осчастливливать особенно тех, кто об этом не просит...» (Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М., 1989. С.174, 257).

⁵⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.12. М., 1957. С.71. – Русский мыслитель здесь почти дословно воспроизводит убеждение французских якобинцев (См.: Гордон А.В. Великая Французская революция как явление русской культуры. С.230–233; Чудинов А.В. Утопии века Просвещения. М., 2000. С.5–18, 65–78.

⁵⁷ Кондаков В.В. Введение в историю русской культуры. М., 1994. С.64–99; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. М., 1994. С.242; Успенский Б.А. Раскол и культурный конфликт XVII века // Там же. С.362–363.

⁵⁸ Гордон А.В. Великая Французская революция как явление русской культуры. С.230–239; Кондаков В.В. Указ. соч. С.99–126.

«Великая Французская революция» подлежал искоренению, поскольку подлинно «великой» отныне признавалась лишь Октябрьская⁵⁹.

Вместе с тем яростные партийные дискуссии, курс на ликвидацию экономических свобод и идеологических послаблений нэпа, воссоздание сильной центральной власти (современного государства с производным от него гражданским обществом) препятствовали полному замещению образа «революции-прототипа» «революцией-антиподом». Действительно, «оправдания» различных репрессий (раскулачивание, преследование «бывших», уничтожение «генералов-изменников» и т.д.) нуждались в ярких ретроспективных параллелях. Своеобразный культ насилия замыкал Французскую революцию на якобинском периоде и «большом терроре»⁶⁰, а первоначальное сближение (даже уравнивание) 1789 и 1917 годов (духовно-эмоциональный стержень предшествующего этапа) превратилось в целенаправленное обоснование «той» диктатурой необходимости «этой» советской. Так, вопреки заявлениям о «коренной противоположности», подспудно осознавалось, что развенчание Французской революции бросает тень на Октябрьскую, и потому интерпретация событий конца XVIII в. сохраняла черты неискоренимой двойственности вплоть до начала 90-х годов: «буржуазная» и народная, ограниченная и всемирно-историческая. Установилось, скорее, внешнее единообразие, чем внутреннее единство: реальным было обобщение, суммирование подходов, хотя попытки синтеза, несомненно, предпринимались⁶¹.

⁵⁹ По методологическому указанию И.В.Сталина, в середине 30-х годов революция конца XVIII века получила официальный титул «Французской буржуазной революции 1789–1794 гг.» (См.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С.196).

⁶⁰ Нередко советская историография оценивается термином «якобиноцентризм» (См.: Адо А.В. Французская революция в советской историографии // Исторические этюды о Французской революции. С.312; Якобинство в исторических итогах Великой Французской революции. Материалы «круглого стола» // Новая и новейшая история. 1996. №5).

⁶¹ Не случайно в 60-е годы развернулась резкая полемика В.Г.Ревуненкова со «школой Лукина-Манфреда» относительно социальной природы якобинской диктатуры (См.: Летчфорд С.Е. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // Французский ежегодник 2002. М., 2002. С.207–222). Сохранялись противоречия в оценке «бешеных» и левых группировок якобинского блока (См.: Гордон А.В. Великая Французская революция в ретроспективе 1917 года...), двойственность в характеристике термидорианского переворота и его ближайших политических последствий (См.: Бовыкин Д.Ю. Термидор или миф о конце революции // Вопросы истории. 1999. №3. С.149–161), наконец, самих итогов революции для народных масс (См.: Адо А.В. Крестьяне и Великая

Размышляя о типических чертах советской историографии в целом, А.В.Адо выделил два направления, приведшие, с его точки зрения, к односторонности общей картины: изучение Французской революции «снизу» (положение и борьба крестьян / санкюлотов) и «с крайне левого фланга»⁶². Этот «социальный заказ» заключался не столько в изучении положения, настроений и требований масс, сколько в обосновании необходимости руководства ими. Работы П.А.Кропоткина, Я.М.Захера, Ж.Лефевра, А.Собуля, Дж.Рюде и Р.Кобба⁶³ были беспощадно раскритикованы, ибо отстаивали способность простолудинов к политической «самостоятельности». Напротив, согласно официальной доктрине, организацию и сознание в народное движение (даже по ленинской работе «Что делать?») надлежало внести⁶⁴.

Официальное указание на исключительность революции в России и, в частности, ее «коренную противоположность» Французской революции требовало от ученых сосредоточиться на раскрытии «ограниченности» последней, ее образцово-буржуазного характера⁶⁵. Любопытно, что советская доктрина при всей своей непримиримости в фундаментальном вопросе относительно причин и сущности вобрала в себя «классическую концепцию» (принятую, начиная с Ж.Жореса), краеугольным положением которой было признание абсолютной прогрессивности капитализма для XVIII в.⁶⁶ В результате поле зрения при анализе «сни-

Французская революция. Крестьянские движения в 1789–1794 гг. М., 1987. С.354–375).

⁶² Адо А.В. Письмо профессору Шен Ченсию // *Вестник МГУ. Серия 8. История.* 1996. №5. С.31.

⁶³ Захер Я.М. «Бешеные». Л., 1930; Кропоткин П.А. Великая Французская революция. 1789–1793. М., 1979; Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848. М., 1984; Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. М., 1966; Cobb R. *Les armées révolutionnaires. Instrument de la terreur dans les départements. Vol 1–2. Paris, 1960–1963*; Lefebvre G. *La Révolution française et les paysans // Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954. P.246–268.*

⁶⁴ «Социалистический город, – писал, например, И.В.Сталин, – должен вести за собой мелкобуржуазную деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы...» (Сталин И.В. *Указ. соч.* С.281).

⁶⁵ Наиболее значительный коллективный труд «Французская буржуазная революция 1789–1794 гг.» (М.; Л., 1941) начинается и заканчивается ссылкой на «указание тов. Сталина» о том, что «Октябрьская революция как социалистическая в корне отличается от французской революции XVIII в. как буржуазной» (С.734).

⁶⁶ Признание Французской революции «народной», таким образом, низводилось до опреде-

зу» существенно ограничивалось. Резко выпячивались антифеодалные черты крестьянских выступлений, оставлялись без внимания другие типы классовой борьбы низов и наиболее распространенные из них продовольственные бунты (отчетливо сохранявшие традиционалистские черты)⁶⁷. С другой стороны, под непосредственным влиянием ленинского тезиса (только вмешательство крестьянства и пролетариата «способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию»⁶⁸) оформилась и вторая компонента идеологемы: в центре внимания оказывались народные движения, дававшие импульс исключительно «восходящей линии»⁶⁹.

По сути дела, именно спор о природе «революционности» масс стал важным пунктом размежевания с программой и тактикой меньшевиков, убежденных в коренной противоположности интересов пролетариата и крестьянства. Именно «недооценка роли» последнего была поставлена в вину «троцкизму», логически завершившему этот тезис признанием невозможности построения социализма в одной стране⁷⁰. «Контрреволюционность восстания части крестьянства провинции Вандеи, – заключает, например, советская исследовательница С.А.Лотте, – троцкисты перенесли как типичный признак на все крестьянство в целом, да еще на крестьянство всех эпох и формаций, без учета уровня развития

ленного уровня: «Народ только расчистил дорогу для развития капитализма». Все остальное в конце XVIII в. было «только утопией», ибо смыслом революции была лишь историческая необходимость сбросить «цепи феодализма» (См.: Французская буржуазная революция 1789–1794. С.VI–VII).

⁶⁷ Критику низведения революционных масс до действия «толпы» см.: Ковлер А.И. Великая Французская революция и «демократия XXI века» // История политической мысли и современность. М., 1988.

⁶⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17. С.44, 46–47.

⁶⁹ Центральное звено ленинской теории революции в России – проблема гегемонии – сделала коллизии между буржуазным характером Французской революции и небуржуазным характером ее движущих сил краеугольным пунктом советской историографии. «Основное классовое противоречие Французской революции, – писал Я.В.Старосельский, – движение, народное по субъекту и буржуазное по объекту» (Старосельский В.Я. Проблема якобинской диктатуры. М., 1930. С.9).

⁷⁰ Об «Уроках Октября» Л.Д.Троцкого. Критические материалы 1924 г. // Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 г.). Л., 1991. С.206–212, 226–236, 253–255, 317–318.

пролетариата и его роли как руководителя крестьянства, без учета характера революции»⁷¹.

Так, постулат нормативной «антифеодалности» и «прогрессивности» народного движения фактически заблокировал изучение массовых протестных выступлений (Вандея-шуанерия). В наиболее значительном коллективном труде (1941), изданном по случаю 150-летнего юбилея Французской революции, их участники объявлялись «темными, невежественными, фанатично настроенными», преувеличивалась роль роялистской пропаганды, происки «бывших» дворян и неприсягнувших священников, «диверсионная деятельность английских агентов». Социальная характеристика подобных выступлений обычно включала упоминание о «кулацком элементе»⁷². Фундаментальная монография расценивалась началом программной для советской историографии 12-томной серии «Всемирной истории» и потому – эталонной для последующих учебников и справочников⁷³. Предписанный образ мышления, несомненно, стимулировал изучение положения народных масс и их выступлений, но накладывал жесткие ограничения: не всякие и далеко не все их выступления «нужны». В конце концов, «Вандея» в Советской России являлась жупелом не менее популярным, чем «Термидор», лишенным, впрочем, какой бы то ни было исследовательской практики.

С середины 50-х годов (после критики культа Сталина) ранняя традиция «революции-прототипа» стала возрождаться как реминисценция подлинного, истинно коммунистического, ленинского периода истории партии, что создало благоприятный климат и для общего оживления исследований, и для появления капитальных трудов. Тенденция была подхвачена «новым мышлением» перестройки, провозгласившим обращение к *гуманистическим* ценностям цивилизации нового времени. Вновь эмоционально зазвучавшая французская фразеология XVIII в. опиралась отныне не на зловещий ряд «диктатура – террор», а на «права человека – свобода, равенство, братство». Вместе с тем знаменательная и благотворная смена приоритетов практически не сказалась на образе Вандеи в научной литературе: классические труды А.З.Манфреда, В.Г.Ревуненкова полны поразительным «молчанием» о выпадавшем из

⁷¹ Лотте С.А. *Великая Французская революция. М.; Л., 1933. С.12.*

⁷² *Французская буржуазная революция 1789–1794. С.319–327.*

⁷³ *Уже в 70-е годы во время работы над статьей «Вандейские войны» для 3-го издания Большой советской энциклопедии редакция 4 раза возвращала А.В.Гордону подготовленный текст, побуждая привести его в соответствие с принятой схемой (См.: Гордон А.В. Великая Французская революция, преломленная советской эпохой. С.334. Сн.33).*

привычной схемы сюжете. Редкие же упоминания о нем неизменно воспроизводят канонизированную в 1941 г. концепцию «медвежьих углов Франции»⁷⁴.

Единственное исключение – небольшая рецензия А.В.Адо на статью французского историка-марксиста К.Мазорика, посвященную Вандее⁷⁵. Показательно, что В.М.Далин в рецензии уже на первое издание книги А.В.Адо отмечает, что «название книги обязывало автора писать и о теневых сторонах этого движения», тогда как о Вандее он «ограничился всего лишь несколькими строками»⁷⁶. В действительности здесь была своя логика: автор рассматривал крестьянство как движущую силу революции, и присоединить к нему данные по народной контрреволюции было физически невозможно. Надо было писать отдельную книгу⁷⁷, и специальный труд им планировался на рубеже 80–90-х годов⁷⁸.

Показательно, что именно «культ насилия» в редуccionистской версии 30-х годов оказался отправной точкой в рецепции последующих десятилетий. Под очевидным влиянием отечественного опыта либеральная интеллигенция по этическим и гуманистическим мотивам усвоила специфическую позицию отторжения как по отношению к Французской революции, так и революциям вообще. Маятник исследовательских предпочтений резко сместился вправо, и народные движения, противостоявшие насильственным мерам радикального переустройства общества, из презренного забвения обратились в «духовную гордость» страны. «Гермидора у нас не было, – говорил, например, А.И.Солженицын на открытии мемориального комплекса жертвам Вандейских войн в сентябре 1993 г., – но Вандея – к нашей духовной гордости – была и у нас, и даже не одна. Это большие крестьянские восстания –

⁷⁴ Домнич М.Я. *Французская революция и католическая церковь*. М., 1960. С.55–57; Манфред А.З. *Великая Французская революция*. М., 1983. С.139–140; Ревуненков В.Г. *Очерки по истории Великой Французской революции. Якобинская республика и ее крушение*. Л., 1983. С.19–20; Ревакин А.В. *Великая Французская революция // История Европы*. Т.5. М., 2000. С.74.

⁷⁵ Адо А.В. *К вопросу о Вандее // Вопросы истории*. 1966. № 5. С.193–194.

⁷⁶ Далин В.М. Адо А.В. *Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в. (рецензия) // Новая и новейшая история*. 1972. № 3 С.184.

⁷⁷ См. его личное замечание на этот счет: Адо А.В. *Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII в.*, 1971. С.8. Сл.35.

⁷⁸ См.: Бовыкин Д.Ю. *А.В.Адо, профессор Московского университета // Французский ежегодник 2002*. С.170.

Тамбовское 1920–1921 гг., Западно-Сибирское 1921 г.»⁷⁹. Не случайно в настоящее время отмечается всплеск интереса к проблемам крестьянской контрреволюции во Франции⁸⁰.

Подобно тому как, по неофициальному признанию А.В.Адо, «в каждом департаменте была своя Вандея»⁸¹, многие аграрные регионы современной России отныне стремятся «отыскать» и собственные жакерии, и собственный Термидор⁸². Об этом свидетельствует как сам поток исследовательской и документальной литературы, так и прямое использование исторических аналогий. Вместе с тем оба понятия наполняются не столько конкретно-историческим, географическим, сколько преимущественно символическим содержанием: синонимы «низового противодействия» агрессии власти, попытки «выхода из террористического режима»⁸³.

Таким образом, в современной исторической ситуации Французская революция, преломленная и поглощенная национальным сознанием, стала важнейшим элементом культурной традиции России, сохранив свое двойное гносеологическое значение (социального знания и общественного самопознания). Об интериоризации «чужеземной» традиции

⁷⁹ Солженицын А.И. Слово при открытии памятника Вандейскому восстанию // *Звезда*. СПб., 1994. №6. С.57–58.

⁸⁰ См.: Блуменау С.Ф. Современная французская историография Вандеи и жуанерии // *Новая и новейшая история*. 1992. №1. С.223–237; Летчфорд С.Е. Вандейская война 1793–1796 гг. (некоторые теоретические проблемы) // *Новая и новейшая история. Межвузовский сборник научных трудов*. Саратов, 1998. Вып.18. С.59–81; Он же. «Вандея» – судьба одного понятия... С.39–46; Плавинская Н.Ю. Вандея // *Исторический лексикон XVIII в.* М., 1997. С.126–129.

⁸¹ Бовыкин Д.Ю. А.В.Адо, профессор Московского университета. С.170.

⁸² См.: *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.* «Антоновщина. Документы и материалы. Тамбов, 1994; *Крестьянское движение в Поволжье 1919–1922. Документы и материалы.* М., 2002; *Крестьянское движение в Тамбовской губернии 1917–1918 гг. Документы и материалы.* М., 2003; *Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы.* Т.1. М., 2000; *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы.* Т.1–3. М., 2000–2003; Филипп Миронов. *Тихий Дон в 1917–1921 гг. Сборник документов.* М., 1997.

⁸³ Besançon A. *La guerre des Bolcheviks contre les paysans // La Vendée dans l'Histoire.* P.385–398; Idem. *Préface // Gérard A. «Par principe d'humanité...»* P.11–20; Heller M. *La Révolution russe dans le miroir de la Vendée // La Vendée dans l'Histoire.* P.371–376. – Активно проводятся аналогии и с другими странами (*Ibid.* P.218–237, 399–410).

свидетельствует реально «отделившаяся» от оригинала эволюция образа событий конца XVIII века. Он живет по закономерностям сегодняшнего бытия, умирает и воскресает в соответствии с общественными и идеологическими потребностями страны, воспринимает ток ее глубинных процессов. В свою очередь, специально советское «прочтение», сам по себе Октябрь 1917-го и строительство качественно нового государства в СССР заметно повлияли и на международную науку: пересмотр «классической» интерпретации ревизионистами 60-х годов стал попыткой отторжения как этого опыта, так и его влияния на историографию⁸⁴, а следовательно, и косвенного признания за ним активного воздействия на культурную традицию Франции.

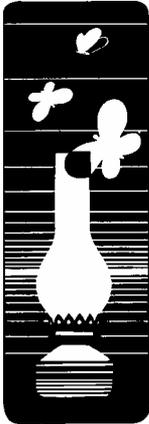
⁸⁴ Это сразу было отмечено в СССР: «Стрелы, направленные против Французской революции XVIII в., целят дальше – это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции» (Манфред А.З. Указ. соч. С.419. См.: Cobban A. *The Myth of the French Revolution* // Cobban A. *Aspects of the French Revolution*. L., 1968; Comninel G. *Rethinking of the French Revolution: Marxism and the Revisionist Challenge*. L., 1987; Furet F., Richet D. *La Révolution française*. Paris, 1973).

Существует тесная взаимосвязь между человеком и культурой. Однако эта взаимосвязь является скорее общей, чем конкретной. Ту или иную культуру не объяснить обращением к структуре человека или к природе, как бы разнообразно мы ее ни понимали. Культура должна рассматриваться как вещь со своей собственной жизнью и своими собственными законами. <...> Именно поэтому мы и объясняем

поведение людей в терминах их культур, однако мы не объясняем и не можем объяснить их культуры в терминах соответствующих «психологий» этих людей.

Лесли Уайт

Марк Лапицкий

«Я ПРОСТО РОДИЛСЯ
ЭМИГРАНТОМ»

АМЕРИКА
В «ДНЕВНИКАХ 1973–1983»
АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

РОССИЯ В МИРЕ

The author focuses his attention on «Diaries, 1973–1983» by Aleksandr Shmeman, a prominent religious (Orthodox) thinker of the mid-20th century. More exactly, the author focuses on Shmeman's opinion about of the United States. Shmeman who was born out of Russia and spent most of his life in the US from cradle to grave felt himself to be a «particle of the Russian people» (his ancestors along maternal line were Russians). Father Aleksandr steadfastly watched the daily life of US, the country of his residence. He watched stratagems of US domestic and foreign policies of the 1970s and 1980s and provided refined comparative characterizations of the Russians and Americans. He offered his own interpretation of some aspects of US presidents' activities and argued about the American democracy which he compared with the European democracy. He expressed his opinions of the American literature, arts and paid attention to great variety of individual manifestations of the American life. One cannot but admit that Shmeman's thoughts continue to take part in the present day controversies for these thoughts suggest specific variants of answers to questions the contemporary life puts before use.

*Имея «родину» во Франции,
будучи частью русского «народа»,
я... ощущал США своим государством.*

О. Александр Шмеман

«Когда в душе тишина и счастье...»

В своих работах, включая «Дневники»¹, Александр Дмитриевич Шмеман (отец Александр) нередко писал, сколь важными для его жизненного и творческого пути оказались его истоки – происхождение, детство, период становления. Родился он в сентябре 1921 года в Ревеле, городе, где его родители оказались после переворота семнадцатого года. Затем семья обосновалась в Париже, но родители всегда заботились о сохранении православной веры, языка и традиций – дома все говорили только по-русски.

Окончив лицей, Александр в 1940 году поступает в Богословский институт святого Сергия. Институт по идее его устроителей призван был, насколько возможно, возродить уничтоженную в России того времени традицию богословского образования. То было тяжелое военное время не только для России, но и для Франции.

Александр стал священником в 25 лет; причем стал им, как он сам объясняет, «без всякого раздумья, углубления и проверки» потому, что стало очевидно: «ничего интереснее на свете нету» (С.515). «Я об этом мечтал, – пишет он в "Дневниках", – именно *мечтал* на парте лицея, на танцуйках, почти всегда это было для меня "инобытием", тайным сокровищем сердца» (Там же).

А.Д.Шмеман был профессором Богословского института в Париже до 1951 года; в том году он был приглашен в Свято-Владимирскую академию в Нью-Йорке. Александр Шмеман принял приглашение и вместе с семьей в июле этого года переехал в Америку. Можно с уверенностью сказать, что именно здесь, в Соединенных Штатах, о. Александру Шмеману удалось реализовать многие свои таланты.

С переездом в Новый Свет началась новая, самая яркая страница жизни этого незаурядного человека. Спектр его деятельности в США огромен. Здесь им будут написаны главные богословские труды (темы и жанры их разнообразны), здесь он защитит диссертацию и получит

¹ Прот. Александр Шмеман. *Дневники 1973–1983. М., 2005. – 718 с. – Далее ссылки в тексте даются на это издание.*

множество почетных ученых степеней различных университетов и академий. Здесь, в США, он прославит себя на преподавательской ниве, ведя курсы в различных учебных заведениях, прежде всего в нью-йоркской Свято-Владимирской академии (она находилась в скромных помещениях Рид-Хауза на углу Бродвея и 121 улицы), бессменным деканом которой он будет с 1962 года до своего последнего дня. Под его руководством семинария превратилась в одну из наиболее крупных богословских школ православного мира. В течение многих лет он был секретарем Совета епископов Американской Митрополии, ставшей во многом под его воздействием автокефальной (независимой) Православной Церковью в Америке. Наконец, человек блестящей эрудиции, наделенный подлинным даром общения, о. Александр стал известен в России, США, других странах благодаря своим блестящим проповедям, лекциям, ежедневным выступлениям по радио, прежде всего «Свободе». Им были записаны буквально тысячи бесед по радио.

Будучи человеком энергичным, деятельным, о. Александр считал, что этическая идея должна стать в человеке воплощением действия, стремлением побуждать его к реальным поступкам, делать добро не от случая к случаю, не изредка, а постоянно, «ибо подлинный закон жизни совсем не в том, чтобы только не делать зла, а в том, чтобы делать добро»².

Ему претит «дешевая псевдодуховность»; с ней у о. Александра были особые счеты, против нее он выступал в своих проповедях, на страницах своих работ, с ней он боролся, не жалея себя, хотя прекрасно осознавал всю тщетность этой борьбы. О. Александр отдавал себе отчет в том, что «люди любят дешевку, лишь бы она была прикрыта бородами, крестами и привычными словесами» (С.10).

О. Александр не был «каноническим» христианином, принимающим все догмы Церкви на веру. В марте 1982 года он записывает: «Пора признаться самому себе – я ощущаю своим именно этот "секуляризованный" мир и ощущаю чуждым и враждебным себе тот мир, который сам себя назвал "христианским". Ибо этот секулярный мир – единственный *реальный*. В него пришел, ему говорил Христос, в нем и для него оставлена Церковь» (С.619–620).

Одним словом, Александр Шмеман был необычным человеком, необычным священнослужителем; будучи глубоко верующим человеком, он легко вставал на позиции вполне светских людей, иногда отдавая

² Отец Александр Шмеман. *Проповеди и беседы*. М., 2003. С.31.

предпочтение им перед «вечным, отвратительным полюсом "религии" – фанатизмом, страхом, слепотой, самолюбованием» (С.548). Во всем он был поборником истинной нравственности в противовес агрессивной «бетонной глупости и узости» (Там же).

Отец Александр Шмеман

Вся жизнь о. Александра в Соединенных Штатах была до отказа заполнена *служением*. Об этом ярко свидетельствует дневник, читая который невозможно не восхищаться необычайной трудоспособностью автора на протяжении последних десяти лет его подвижнической жизни.

Умер Александр Шмеман в декабре 1983 года.

Его огромное и многостороннее наследие еще не освоено во всем объеме. Детальное изучение его трудов – дело будущего.

* * *

После кончины о. Александра в столе его кабинета в нью-йоркской Свято-Владимирской семинарии были найдены восемь толстых тетрадок, убористо исписанных его рукой. Автор вел дневник, начиная с января 1973 года с небольшими перерывами вплоть до начала болезни, приведшей к его смерти. Последняя запись относится к 1 июня 1983 года. Написан дневник по-русски, который был с детства родным для Александра Дмитриевича, и отражает, по сути, всю его жизнь. О. Александр нередко обращается к своему детству, юности, жизни в Париже, затем в Нью-Йорке; в дневнике отразились его раздумья по многим самым разнообразным вопросам; бумаге он поверяет свои сокровенные мысли. Одним словом, дневник Шмемана – нечто гораздо большее, чем простая регистрация событий последнего десятилетия его жизни.

Эти годы о. Александра были заполнены до предела. Дневник стал его отдушиной, единственной возможностью остаться с самим собой наедине. Вот как он сам писал об этом: «Touch base³ – вот в моей суетной жизни назначение этой тетради. Не столько желание все записать, а своего рода посещение самого себя, "визит", хотя и самый короткий. Ты тут? Тут. Ну, слава Богу. И становится легче не раствориться без остатка в суете» (С.5). И еще в другом месте: «...записать хочется не для "рассказа", а, как всегда, – для души, то есть только то, что она, душа, ощутила, как дар, и что годно, следовательно, для "тела духовного"» (Там же). Дневник умел сохранять его душу во «внутренней, светлой тишине» (С.17), к которой в эти годы стремился о. Александр в сутолоке переполненных делами дней: «Только когда записываешь, понимаешь, сколько в нашей жизни действительно пустого времени, сколько суеты, не заслуживающей никакого внимания, сколько неважного, съедающего, однако, не только время, но и душу» (С.19).

«Дневники» сумели отразить с зеркальной ясностью душу автора, умевшего смотреть на близких и не совсем близких ему людей глазами любви. Книга подкупает откровенностью, тем, что она пронизана лич-

³ *Соприкосновение с самим собой.*

ной болью и внутренними сомнениями, которые о. Александр поверяет бумаге.

Тема, которой мы коснемся в этой статье, – лишь часть айсберга в океане множества сюжетов, затронутых в «Дневниках». Среди них выделяется, прежде всего, религиозное осмысление жизни в различных ее аспектах. Интересы Шмемана, однако, далеко не ограничиваются этим главным для него кругом проблем. Он в курсе буквально всего мало-мальски значимого, происходящего в мире, особенно в Советском Союзе; он возлагает надежды на начинавшееся к концу его жизни духовное возрождение России, хотя, похоже, не питает никаких иллюзий относительно этих намечавшихся перемен.

Естественно, о. Александр пристально следит за повседневной жизнью Соединенных Штатов – страны своего проживания, за хитросплетениями внутренней и внешней политики 70-х – первой половины 80-х годов. Он дает тонкие сравнительные характеристики русским и американцам, выдвигает свою трактовку некоторых аспектов деятельности американских президентов, рассуждает об американской демократии, сопоставляя ее с европейской, высказывает свои взгляды на американскую литературу, искусство, пишет о своих встречах с американскими деятелями культуры, обращает внимание на множество частных явлений американской жизни. Этому, собственно, и посвящена данная статья.

«Идеология – это всегда идолопоклонство»

Многое в восприятии Шмеманом Соединенных Штатов объясняется тем, что, в отличие от своих учителей, наставников и друзей, он не был эмигрантом из России, а потому был лишен большинства психологических и иных предрассудков, связанных с иммиграцией и тогда, когда жил во Франции, и тогда, когда переехал в США. «Особенность моего эмигрантского поколения заключается в том, – писал о. Александр, – что мы начали свою жизнь с некоторого парадокса. Я, например, родился эмигрантом. Если понятие "эмигрант" предполагает, что человек откуда-то эмигрировал, то я, например, ниоткуда никуда не эмигрировал, я просто *родился* эмигрантом. И всегда, с тех пор как я себя помню, хотя никогда и не жил в России, сознавал себя, как нечто самоочевидное, безусловно русским»⁴.

⁴ Отец Александр Шмеман. Проповеди и беседы. С.186.

Шмемана вполне можно назвать человеком Запада, и в этом не будет преувеличения. Вот, что он сам писал по этому поводу: «Имея "родину" во Франции, будучи частью русского "народа", я... ощущал США *своим* государством» (С.148). А кавычки, поставленные в этой фразе, думается, объясняются тем, что Шмеман с некоторой натяжкой мог считать своей родиной Францию, ибо родился в другой стране, да и частью русского народа мог себя считать с оговорками, живя вдали от места своего рождения, которым был (повторимся) город Ревель.

«Дневники» дают множество подтверждений того, что о. Александр органически вписался в американскую жизнь, что можно сказать далеко не обо всех русских, живущих в этой стране. Здесь он чувствует себя хорошо, как дома. Собственно, Америка и была его домом. Возможно, в этом и суть ряда расхождений между о. Александром и некоторыми русскими, волей судеб оказавшимися в Соединенных Штатах.

Для о. Александра мир, в котором мы живем, «падший», «во зле лежащий»; таков он везде и повсюду – и на Западе, и на Востоке, но западная демократия оказывается для него приемлемее, ибо «права эти, и демократия оказываются относительным добром, относительной регулирующей той вражды всех против всех... Добро они... только по отношению к тому злу, которое они регулируют и, так сказать, "ограничивают" в его вселили. Так, они – добро в тоталитарном государстве или расовом, но они сами превращаются в зло там, где они побеждают и становятся "самоцелью", то есть идолом. А становятся они идолом всякий раз, что, переставая быть защитой *слабых*, становятся орудием уравнения и тем самым – духовного расчеловечивания, в конечном итоге "гордыни"...» (С.570). Одним словом, он отдает предпочтение «демократическому» Западу перед «тоталитарным» Востоком.

О. Александр – враг «идеологий», с которыми он связывает «Восток» и, более конкретно, Советский Союз. Марксизм для о. Александра есть некий апофеоз, «завершение всех идеологий» (С.192), потому что любая идеология отрицает свободу, личность, именно индивидуума она приносит в жертву на алтарь утопии. «Идеология – это всегда идолопоклонство, и потому *всякая* идеология есть зло и родит злодеев» (С.125). Соединенные Штаты для Шмемана – эталон страны, далекой от поклонения идеологии.

В отличие от многих приезжающих из-за океана людей, не принимающих образ и стиль жизни американцев, о. Александр в целом принимает Америку такой, какая она есть. Некоторые страницы «Дневников» просто преисполнены восторга: «Нет, восхищает меня Америка, ее

глубокая сущность, Америка, нашедшая – одна во всем мире! – какую-то формулу, почти чудесную, государства и общества, не превращающихся в идолов, сочетающую живую традицию ("принцип") с жизнью» (С.325).

Он любит американские города, большие и маленькие («Как я люблю эту Америку старых "поношенных" городов... Сколько с ней связано "кровных" воспоминаний за эти тридцать лет» (С.568), – пишет о. Александр). Нью-Йорк (особенно), Чикаго, Питтсбург, Сан-Франциско, Бостон; сюда он нередко ездит с лекциями и выступлениями. Страницы, посвященные американским городам, часто проникнуты романтикой, лиризмом, даже пафосом. Этот православный священник любит мегаполисы с ущельями улиц, любит бродить по их лабиринту, затерявшись в толпе, любуясь небоскребами, мостами, огнями рекламы. Он лишь жалуется на то, что у него очень мало времени на такое праздное времяпрепровождение.

Вот, например, одна из таких теплых, лирических страниц, посвященных пребыванию о. Александра в Питтсбурге: «В Питтсбурге утром – снег, а потом синее небо, солнце. На аэродроме около четырех часов, оставшись один, переживаю – как всегда, внезапно – эту уже знакомую мне минуту bliss'a (блаженства), непонятной, но полной и блаженной радости. Лучи солнца из огромных окон, музыка под сурдинку, льющаяся отовсюду и ниоткуда, и вдруг – это полное единство со всем, что тебя окружает, точно все предметы как-то смягчают, оборачиваются к тебе дружбой, близостью» (С.162). Так и хочется продолжить цитату, но оставим место для следующей.

О. Александр прекрасно знает ставший родным Нью-Йорк. Он часто в одиночестве кружит по городу, с удовольствием показывает его достопримечательности приезжим: «Вчера после обеда водил племянницу Наташу по Нью-Йорку (33 улица, потом Уолл-стрит, Фултон-стрит...). Страшно холодный, страшно ветреный, темный день. В ущельях-улицах между небоскребами трудно идти от ветра. Что-то грандиозное в этих громадах, в их скоплении в одном месте, в окружении их водой с висящими над нею мостами... и что-то, меня всегда вдохновляющее. Идя с Наташей, показывая ей, думал о Солженицыне с его ненавистью к городам, асфальту, высоким домам. Он бы, наверное, проклял все это с ужасом и отвращением. А вот я не нахожу в себе ни этого ужаса, ни проклятия. Настоящий вопрос: есть ли это часть того "воздвигания мира", которое задано человеку Богом, или нет? Солженицын, не задумываясь, отвечает: «нет», но прав ли он? Он видит падение, извращение, порабо-

щенность. А я, понимая весь "демонизм" этого (одно скопление банков чего стоит! Настоящая литургия "золотого тельца"), спрашиваю себя: *чего* же это падение, *чего* извращение – ибо не могу отделаться от чувства, что и тут что-то *просвечивает*, чего падение не в силах до конца затмить. Но *что* это – не знаю... Знаю только, что есть и величие, и красота в этих царственно возвышающихся, грозно скопленных громадах, в их грандиозности и, вместе, простоте, в этих тысячах освещенных окон, есть гармония, есть "музыка"» (С.130).

Приведенная выше пространная цитата из «Дневников» весьма характерна (собственно, поэтому мы ее и воспроизвели) для отношения о. Александра к «громаде» американских городов. И не только этим она показательна. Здесь, как и в ряде других мест «Дневников», о. Александр демонстрирует широту взглядов не только в отношении к современной архитектуре, но и к жизни современного ему западного человека в целом, прекрасно осознавая, что простое осуждение «золотого тельца» в наши дни (особенно в США) вряд ли действенно. Отсутствие декларативности, пустой назидательности можно отметить как весьма характерную черту творчества, да, видимо, и жизни о. Александра.

В связи с этим интерес представляют мысли Шмемана об особой роли этого самого «золотого тельца» в Соединенных Штатах. Высказывания его по этому поводу вряд ли можно назвать характерными для священнослужителя. Он считает, что каждая нация имеет свой тотем, некую систему символов, архетипов. Если во Франции, скажем, этот тотем политический (для французов политическое подобно «музыкальной стихии»), то «в Америке та же музыка льется из слова "бизнес"». Для американца бизнес – «это совсем не проза, не будни, а, наоборот, романтика, эстетика, "сокровище сердца"». В Америке историю какого-нибудь банка пишут в том ключе, в каком европейцы пишут, например, историю крестовых походов или ордена тамплиеров. Поэтому, замечает о. Александр, «превращение Церкви в "бизнес" американец не ощущает как профанацию. Это единственный "сакральный" язык, который он знает: "Money makes money"⁵ – чем не таинство» (С.619).

Автор «Дневников» прекрасно понимает, что в устах протопресвитера эти слова звучат, по крайней мере, странно. Тем не менее он поясняет, что в них не содержится никакой иронии. «Ибо деньги и впрямь имеют сакраментальный характер и в них действительно нуждается

⁵ «Деньги к деньгам».

Церковь, – пишет он. – Весь вопрос в том только, как они делаются и для чего или, по-другому, что с ними самими "совершается" внутри Церкви. А сейчас мы видим, что происходит с Церковью, когда она *своей* язык и тем самым свою сущность "подчиняет деньгам..."» (С. 619).

В то же время о. Александр испытывает искреннюю жалость к тем, кто не располагает достаточным капиталом. Именно здесь, в Соединенных Штатах, тот, кто «не принадлежит к денежному establishment», являет «поразительную незащищенность» (С.564). И это не только слова проповедника: Шмеман прекрасно познал эту истину на своем собственном жизненном опыте.

Вместе с тем о. Александру претит культ богатства и отрицание бедности, вернее, он не приемлет утверждения, что счастье без богатства невозможно. Впрочем, думается, любой священнослужитель, любой истинно верующий человек не станет отождествлять счастье с благополучием. Для Соединенных Штатов (как и для иного протестантского мира) бедность равносильна болезни; Шмеман пишет по этому поводу: «Бедного Америка "не уважает", он для нее явление постыдное, страшное» (С.303). Основным, первейшим мифом Америки потому долгое время оставалась «вера в то, что каждый бедный *может* богатства достичь, "сделать себя богатым". Теперь по прошествии времени стало ясно, что это "мыльный пузырь", миф лопнул, и тогда один миф сменился другим: "общество *должно* сделать бедных богатыми", "обеспечить" их» (Там же).

Привлекают внимание мысли о. Александра о собственности и власти денег. Он советует не доверять «левым», нападающим на собственность, всем тем, кто в ней видит корень всех зол. Эти люди не осознают, что именно чувство собственности ограждает, оберегает людей от «абсолютной дьявольской власти денег». Ход рассуждений о. Александра по этому вопросу таков: «...В том-то и все дело, что деньги (в капитализме) не суть собственность. Не люди ими владеют, а они владеют людьми. На жаргоне американского way of life⁶ *дом* не есть *мой дом*, то есть моя жизнь, "мое дыхание, мое тепло"⁷. Он есть отвлеченная ценность, "investment"⁸. Если он поднимется в цене, его нужно продать, глупо не продать, как глупо и даже преступно не пускать денег в рост.

⁶ Образ жизни.

⁷ Строка из стихотворения О.Мандельштама «Дано мне тело – что мне делать с ним...».

⁸ Капиталовложение.

Собственность – это "ближние" в мире материальных ценностей, это то, что можно любить» (С.303–304). (Думается, далеко не каждый христианин подписался бы под этими словами.)

Далее о. Александр связывает понятия «собственность» и «любовь», ибо любовь есть одновременно «и самоотдача, но и обладание (собственность). Человек отдает, чтобы больше и большим обладать» (С.304). «Мы ничего не имеем и всем обладаем»⁹, – говорится в Библии. Ведь глубину и силу дара, «отдачи» в полной мере может познать лишь тот, кто может подать, то есть тот, кто обладает собственностью.

Шмеман много ездит по различным городам Соединенных Штатов с целью сбора средств на благотворительные цели. Несколько раз в дневниковых записях он выражает искреннюю признательность американцам за их бескорыстную помощь. Вот одна из них: «Никогда не оставляющее меня удивление перед Америкой: вчера в десять минут *ex promptu*¹⁰ собрали шестнадцать тысяч долларов! И с каким энтузиазмом!» (С.223). На наш взгляд, факты подобного рода могут служить ярким практическим подтверждением приведенных выше мыслей о. Александра относительно собственности и любви.

«Америка духовно трудна»

Привлекают к себе мысли о. Александра об Америке на «фоне» размышлений-воспоминаний о жизни в Европе, в частности во Франции. Сравнение Старого и Нового Света ведется в «Дневниках» по многим параметрам, причем в одних случаях приоритет отдается Америке, в иных – Европе. Так, их автор задается вопросом, почему его из Европы тянет в Америку, а из Америки – в Европу? Он пытается на этот вопрос найти более глубокий ответ, нежели стандартный: Европа – это культура, корни, традиции, а Америка – это свобода и в то же время отсутствие устоявшихся традиций, беспочвенность и т.д. Подобный ответ кажется ему неполным, односторонним, а потому во многом неверным. На поставленный самому себе вопрос о. Александр отвечает таким образом: «В Америке есть все, что есть в Европе, а в Европе нет почти ничего из того, что *есть* Америка. И тянет, собственно, не столько в Европу, сколько *из* Америки, потому что в Европе *духовно*

⁹ 2 Кор. 6:10.

¹⁰ *Экспромтом.*

легче, есть всегда к чему прислониться почти физически, а Америка духовно *трудна*» (С.206–207).

Далее о. Александр объясняет, в чем причина этой «трудности» Америки: «Люди веками бегут в Америку для более легкой жизни, не зная, что жизнь там – на глубине – гораздо более трудная. Во-первых, потому, что Америка – это страна великого одиночества. Каждый – наедине со своей судьбой, под огромным небом, среди необъятной страны. Любая "культура", "традиция", "корни" кажутся маленькими, и люди, истерически держась за них, где-то на глубине сознания подспудно знают их иллюзорность. Во-вторых, потому, что это одиночество требует от каждого экзистенциального ответа на вопрос "to be or not to be"¹¹, и это значит усилия. Отсюда столько личных крушений. Здесь (в Европе. – М.Л.) даже падающий падает на какую-то почву, там – летит в бездну. И потому – такой страх, такой Angst¹²» (С.207).

Именно вот эта встреча лицом к лицу со своей судьбой, по мысли Шмемана, и притягивает многих к Америке. Обосновавшись в ней, человек не может, скажем, просто оставаться «французом» или «поляком», то есть быть «раз и навсегда детерминированным». Он как бы «освобождается» от этого. О. Александр полагает, что Европа все больше и больше превращается в «карикатуру Америки». Однако все попытки ее бесполезны: сколько бы Европа ни старалась, ей никогда не стать «оригиналом». «Европа, – пишет Шмеман, – *хочет* стать Америкой, но так же, как Америка не может стать Францией, так и Европа не может стать Америкой (кроме как карикатурой)». И далее добавляет: «Только вот Америка и не хочет стать Европой, и потому она подлинна, а Европа с каждым днем теряет свою подлинность. И потому, что Америка подлинна, – она есть постепенное рождение традиции» (С.207). Есть ли правда в этих словах Шмемана, рассудит будущее, только мысли этой не откажешь в логике. В известном смысле в рассуждениях православного священника можно усмотреть влияние идей Освальда Шпенглера с его известным утверждением о неизбежном «закате Европы».

«Закат Европы» предрекает и Шмеман, и не только предрекает, он уверен, что мы все – свидетели этого процесса. Но в отличие от немецкого философа, опиравшегося на биологическую философию истории, он видит причину «тяжелого европейского недуга» в том, что Старый

¹¹ «Быть или не быть».

¹² Ужас (нем.).

Свет отрекся от своей «подлинности», утрачивает свои былые традиции, чем он в прошлом по праву гордился: «Европа "родила" Америку из своей мечты и в ней умирает как Европа, тогда как Америка из этого умирания и развилась, и развивается...» (С.207).

Немного о нравах и привычках

Весьма любопытны размышления Шмемана об особенностях американцев, их характере, нравах, привычках и т.д. Наблюдательный и впечатлительный человек, он при всяком удобном случае любит изучать «американскую толпу», а потом заносить в свои «Дневники» результаты своих размышлений.

Вот, например, одно из таких размышлений. В тщетной попытке улететь в Колорадо о. Александр просиживает часами на нью-йоркских аэродромах Лагардия и Кеннеди. Погода препятствует вылету самолетов, а потому приходится в бездействии проводить время, разглядывая проходящих мимо людей. Первое впечатление: перед ним безликая масса, как в любой другой стране. «Толпа, "средний человек" всегда и всюду безличны, – замечает Шмеман, – но в Европе за каждым человеком чувствуется "тайна", она как бы просвечивает в выражении его лица, в походке, во всем. И вот именно этой тайны не чувствуется в американце. Мне кажется, что он ее панически боится, не хочет ее, убивает в себе. И что американская цивилизация направлена на то, чтобы помочь человеку в этом» (С.242). Вольно или невольно, американцы стараются подавить в себе «тайну», и отсюда, по мнению Шмемана, – американский невроз. «Успех психологии, психоанализа в Америке – от страстного желания "тайну" свести к закону природы, к таблице умножения, классифицировать и тем самым "разрядить" ее» (С.242–243). Американец эту «тайну» просто-напросто «научно выбалтывает». Американец любит науку, благодарен ей, прежде всего, за то, что она способна дать готовое объяснение, освобождение от исканий (которые, по мнению Шмемана, и «есть в человеке выражение его соотношения с заключенной, живущей в нем "тайной" (С.243)).

Американцы в тяжелой форме страдают болезнью, которую Шмеман определяет как боязнь выпасть из круга того социального микроорганизма, к которому они принадлежат, а потому, считает он, здесь многое держится на *псевдо*: псевдодружбе, псевдоинтересе друг к другу, на своего рода «обрядовом» или «символическом» единении. И все эти «ритуальные танцы» исполняются во имя того, чтобы не быть в одино-

честве, не остаться на обочине. Автор «Дневников» замечает, что у американцев в высшей степени «не развита внутренняя жизнь». Она не развита по причине того, что ее постоянно «заглушают, заговаривают этой вот "круговой порукой". Когда же "внутренняя жизнь" все же как-то пробивается через все "заглушки", человек начинает паниковать и в ужасе бежит к психиатру, чтобы излечиться от неведомого недуга».

Отмеченная особенность, считает Шмеман, имеет прямое отношение и к институту американского брака. О. Александр категоричен, когда утверждает, что этот брак либо распадается, либо супруги продолжают жить в какой-то мучительной, даже «панической» зависимости друг от друга. Он полагает, что происходит это оттого, что и в семье, и в детском саду, и в школе, и в университете американцев постоянно учат «приспособляемости, адаптации к жизни», а потому любое выпадение из социума воспринимается ими как угроза остаться в социальном вакууме. Занимаясь с американскими молодыми людьми в семинарии, Шмеман нередко встречался с таким феноменом: «Я часто спрашиваю себя и даже писал об этом: почему в семинарии такое *напряжение*? Ответ прост. Потому что все живут только "по отношению" к другим, ко всем, им все время "дело" до других... Они думают, что это христианская любовь. Но это совсем не христианская и не любовь. Это все время на деле предельно эгоистическая забота, страх о себе, боязнь не иметь в других свидетельства, удостоверения своего собственного существования. Высшая похвала: "He relates well to people"¹³ (С.613).

О. Александра не перестает удивлять в Америке ее противоречивость, многогранность, многослойность, странная смесь идеализма и материализма, детскость, простота и одновременно жесткость, ожесточенность. С американцами легко и приятно, помогает и психологический «keep smiling», их постоянная улыбка. Но Шмеману кажется, что эта гармония поверхностна, ибо, как только она нарушается, происходит обвал (автор «Дневников» употребляет здесь слово «depression»), потому что «нет в ней места, куда "уложить" подлинное горе, трагедию, а может быть, и настоящую радость». И далее: «Американская одержимость психологической терапией именно отсюда – от необходимости это равновесие поддерживать, от подсознательного страха, что оно нарушится, и тогда сразу – бездна»... (С.391). Суть же этой «терапевтики» в том, что она все способна объяснить, например, что не может

¹³ «Он легко сходится с людьми».

быть никаких несчастий, трагедий и горя, – все дело лишь в отдельных механических неполадках.

От этого «подсознательного страха» американец боится «довериться жизни»: солнцу, небу, звездам, покою; «все это он должен держать under control»¹⁴ (С.428–429). Отсюда – разлитая в американском воздухе спешка, нервозность, постоянная направленность внимания на других, слежка всех за всеми. В Соединенных Штатах «не дается тишина», тихое размеренное житье-бытье. Если человек гуляет, то это, скорее всего, из-за того, что доктор прописал ему прогулки или он вычитал в газете о том, что прогулки полезны. О. Александр замечает за американцами «полное неумение наслаждаться жизнью бескорыстно, останавливать время, чувствовать присутствие в нем вечности» (С.428).

Нередко на страницах «Дневников» Шмеман сравнивает психологию американцев и французов. Последние служат автору наглядным примером для более рельефного показа американской «обрядности», которой уделяется в книге значительное место. Французы для о. Александра воплощают собой то, что он называет «правдой жизни». Так, французы постепенно, в течение многих десятилетий, а то и веков, пришли к выводу, что очень *вкусно*, очень *приятно* запивать сыр красным вином. Они получают истинное наслаждение от такого сочетания. Американцы же, проведав, что французы получают удовольствие от сыра и красного вина, устанавливают новый обряд: «wine and cheese party»¹⁵. Французы едят сыр и пьют вино, как делали их предки еще при Людовиках, потому что им вкусно, причем вкусно было тогда, вкусно и теперь. Американец же, по утверждению о. Александра, исполняет обряд, и именно потому, что это для него обряд, а не поиски вкуса, обязательно вводит в него какую-нибудь незначительную новинку вроде того, чтобы положить на сыр кусочек какого-нибудь фрукта или что-нибудь в этом роде.

Подобные суждения автора «Дневников», с нашей точки зрения, содержат явный субъективный, или, точнее сказать в применении к сыру и вину, вкусовой оттенок, ибо при всей верности авторского посыла вряд ли американцы согласятся с тем, что они едят и пьют вкусные вещи, отдавая дань лишь традиции, а не вкусовым ощущениям.

¹⁴ Под контролем.

¹⁵ Прием, где подаются вино и сыр.

«Обрядность» жизненного уклада

Автор «Дневников» опровергает весьма распространенное суждение о том, что американцы «не глубоки». Американцы, полагает он, не менее «глубоки», чем другие народы, только, в отличие от других, они не *хотят* глубины, стараются избегать ее, даже бояться ее. На вопрос, откуда у американцев это нежелание быть «глубокими», о. Александр выдвигает следующую версию: «Не знаю, прав ли я, но мне кажется, что это оттого, что в Америке повторился опыт "примитивного" человека: встреча с чуждостью, громадностью, таинственностью природы, страх перед нею и желание страх этот преодолеть – "обрядом", повторяемостью, закономерностью...» (С.243).

Соединенные Штаты представляются о. Александру огромным непознанным, таинственным гигантом, которого можно обожать и одновременно ненавидеть. Несмотря на то, что автор «Дневников» живет в этой стране многие годы, он не может «разгадать» ее «тайну»: «И эти просторы, и эти американские города, "Америка" – в ее таинственной сущности, более неопределимой, чем сущность любого другого народа. Где – все "дома" и никто – не "дома", где за вполне искренней *togetherness*¹⁶, легкостью смеха, общения – всегда просвечивает, всегда звенит (как звон в ушах) одиночество. Где потому так все "громко" (голоса, рекламы, музыка), что все время нужно перекричать, заглушить тишину этого одиночества и страх ее» (С.503).

Тема одиночества и страха нередко звучит в «Дневниках» о. Александра. Она дает ему прекрасную возможность обратиться непосредственно к своей «профессиональной» сфере – религии. Он напоминает, что любая религия рождается из страха. Америка, полагает он, тоже родилась из страха. Религия преодолевает страх ритуалом, молитвой, обрядом, «то есть такой сакральной символизацией мира, природы, жизни, которая "снимает" тайну, "разряжает" ее от того, что самое страшное и невыносимое для человека: *единственности и неповторимости* всего» (С.243). Обряд, ритуал сводят все к закономерности. В этом смысле о. Александр рассматривает Соединенные Штаты как «предельно религиозную» страну. Ее «религиозность» он усматривает в самом укладе американской жизни, для которой характерны явные черты «обрядности». Эта «обрядность» американского уклада бросилась в глаза Шмеману сразу после его переезда из Европы в США. «Во всем,

¹⁶ *Близость.*

решительно во всем американец хочет reassurance¹⁷ обряда: в еде, в том, что он ест и как он ест, в том, как он одевается, ходит, смеется, чистит зубы. Иначе – все *страшно*. Между собою и "тайной" жизни, то есть единственным и неповторимым, он полагает *обряд*» (С.243). Одним из примеров, подтверждающих это положение, для автора «Дневников» служит молодежное движение 60-х годов, провозгласившее отказ от конформизма и в то же время разработавшее до мелочей свой собственный «обряд» в виде особой одежды, поведения, языка и т.д.

Американская «обрядность» жизненного уклада, как пишет о. Александр, вовсе не противоречит тому, что воспринимается в мире как квинтэссенция американизма: постоянное стремление к новизне, переменам, эксперименту и т.д. А не противоречит потому, что сам «культ новизны» можно рассматривать как часть «обряда», который может служить (и часто служит) «питательной силой» этого стремления к обновлению. Постоянная изменяемость, переделка, перестановка и есть «основной обряд, суть которого всегда в повторяемости неповторяемого» (С.243).

Неудивительно, что о. Александр в «Дневниках» часто обращается к своеобразной американской религиозности. Он приходит к выводу, что американская цивилизация, американская жизнь насквозь пронизаны религиозностью, но мир современных Соединенных Штатов – это не «post-Christian world»¹⁸ (читатель уже заметил, что Шмеману иные понятия легче выражать на английском, нежели на русском языке), а в глубинном смысле «pre-Christian world»¹⁹, то есть мир, несвободный от природной «сакральности». О. Александр считает, что «сакральность – это ощущение *не божественности* мира, а, наоборот, его *демоничности*, не радости, а страха, не приятия, а бегства». Сакральность автор понимает как некую систему «табу», при помощи которой человек ставит между собой и жизнью (и это значит – между собой и своей «тайной») некую непроницаемую преграду. И в этом смысле пуританское прошлое Америки и ее антипуританское настоящее на глубине – явления того же порядка. Отвержение, снятие одного «табу» есть всего лишь замена одного «табу» на другое (С.244).

О. Александра мало привлекают религиозные системы, выходящие за рамки христианской; будучи православным священнослужителем, он

¹⁷ Успокоение, уверенность.

¹⁸ Мир после христианства.

¹⁹ Мир до христианства.

почти полностью сосредоточил свой интерес на православной ветви христианства. Лишь изредка он обращается к католицизму и протестантизму в основном в контексте сравнения мира, в котором он жил во Франции, и мира, в котором он оказался после приезда в Соединенные Штаты. В связи с этим интерес, по нашему мнению, представляет его дефиниция двух ветвей христианства с точки зрения ощущения греха католиками и протестантами. «Протестант знает *грех*, знает, что он изгнан из *рая*, но *рая* самого не знает и не помнит. Католик (и православный) знает грех, знает, что он изгнан из *рая*, но *помнит* рай. Поэтому протестанту ничего в мире *не напоминает* *рая*. Он "строит" полезную, удобную, комфортабельную и т.д. земную жизнь, но которая ни в одном своем "аспекте" не напоминает, не являет, не открывает *рая*». Протестант связан с миром разумом, знаниями, наукой, анализом, но никак не верой, не интуицией. Для него мир, как говорил Макс Вебер, оказывается «расколдованным».

В отличие от протестанта, католик «помнит, ощущает». «Все эти, даже безвкусные, раззолоченные, разукрашенные храмы – и тоска по раю, и кусочки *рая*, радости, "добро зело". И все это продолжает "веять" над их культурой, городами, жизнью...» (С.289).

Далее Шмеман дает любопытную трактовку причины (во всяком случае, одной из) торжества коммунистических идей в непротестантском мире. Этой причиной он полагает наличие в этих странах «мечты». Коммунизм, любого рода утопизм бессилён в протестантском мире, ибо здесь нет «мечты», заоблачных грез, есть лишь самый что ни на есть добротный, прагматичный «реформизм». Сравнение католицизма и протестантизма приводит его к выводу, что в протестантском мире жить *удобнее*, нежели в мире католическом. Только (и это «только» перевешивает любое удобство) жизнь в протестантском мире *тяжела*. «Человек не может жить без памяти о рае, – пишет о. Александр. – Он погружается в ужас, в страхование, в тоску. Он теряет себя» (С.289). Добавим: обезличивается.

Способность «секуляризации изнутри», эластичность протестантизма делает для Шмемана этот вариант христианства наиболее неприемлемым. Ревностного защитника православия, его не перестает удивлять вопрос о причинах популярности протестантских церквей в Америке, в частности мормонской. Несколько раз в книге речь идет о мормонах, причем в высказываниях о. Александра по отношению к ним звучит неподдельное недоумение: «Удивительно: мормонство цветет, распространяется, все речи пронизаны убежденностью, радостью. В чем дело?»

Что привлекает? Очевидно, не эта странная, неудобоваримая книга²⁰ и не легенды о Смите и каких-то золотых таблицах. Но тогда что же? Вечная загадка религии, никогда не перестающая не только удивлять, но и пугать меня» (С.175).

Трагедия Америки в «незнании мира и равнодушии к нему»

Отец Александр постоянно «включен» в мировые проблемы. Он с беспокойством наблюдает за тем, как «мир впадает в какое-то племенное состояние». Его тревожит, что в мире разрушается, распадается все то, что так или иначе объединяет, сплачивает людей, что цветет махровым цветом национализм: кровавый, злобный, слепой, дикий. О. Александр не принимает левую американскую интеллигенцию, которая боготворит «третий мир», не видя или не желая видеть во многих его проявлениях «первобытный национализм» (С.516). В то же время он присоединяется к оценке американского либерализма и консерватизма Артура Шлезингера-мл. «Смена их (либерализма и консерватизма. – М.Л.) – своего рода биологический цикл: эпоха "активизма" сменяется эпохой "усталости". Но и то и другое необходимо» (С.527).

Автор «Дневников» не приемлет основные аспекты внешнеполитического курса США 70-х – первой четверти 80-х годов: «великая страна, но не великая держава» (С.510). Трагедия Америки, считает Шмеман, «в почти удивительном *незнании* мира и в *равнодушии* к нему» (С.510). Она не может найти с миром общий язык и всегда со всеми говорит «по-американски». Ее эксперты по международным вопросам, по существу, заняты «редукцией» всего происходящего в мире к априорным схемам, которые американцы считают универсальными, применимыми везде и к любым условиям. Они действуют по хорошо усвоенной ими формуле: «что хорошо для Америки, то хорошо для всех».

Пожалуй, в этом отношении самым негативным примером для Шмемана служит внешняя политика президента Джимми Картера; он для него «почти совершенное воплощение этого "американизма"» (С.511). О. Александр выделяет «радикальную *некомпетентность*» Картера, его безостановочные зигзаги во внешней политике, попустительство вторжению Советского Союза в Афганистан, одним словом, «морализм без морали и без принципов» (С.511).

²⁰ Очевидно, имеется в виду «Книга Мормона» Джона Смиты.

Вообще Шмеман любит рассуждать об американских президентах, противопоставляя их президентам французским. Ему явно импонирует Рональд Рейган (но только в сравнении с Картером). В связи с его президентством автор «Дневников» обращается к проблеме консерватизма, отдавая предпочтение его американскому варианту, ибо в нем нет «обожествления государства» (С.557), нет в нем и якобинской традиции, нет и «идиотской идеи "отмирания государства", этого "рикошета" якобинства» (С.557). Американский президент не есть государство, он далек от того, чтобы считать: «государство – это я». Он – руководитель, вождь не в тоталитарном смысле этого слова. «Во Франции президент действительно либо *ничто* (Третья республика), либо *все* (Пятая), – пишет Шмеман. – В Америке – ни самый слабый, ни самый сильный президент *не может* стать ни "ничем", ни "все"» (С.558).

При сравнении Картера и Рейгана Шмеман высказывается в пользу последнего. Жизнелюбивый, «человек природы», «ковбой» (Рейгана часто ассоциировали с героями фильмов, в которых он играл) оказывается гораздо ближе сердцу о. Александра, нежели «заумный человек из Гарварда». Понятие «ковбой» ассоциируется с моралью, то есть осознанием границы между добром и злом, с природой (прерии, лошади, другие животные и т.д.), помощью слабым, взаимопомощью, справедливостью, красотой и многим другим, то есть всем тем, над чем «высоколобый» «гарвард» издевается, что считает «низким», «недостойным». Рейган-«ковбой» для многих американцев сочетал в своем имидже веру в добро с возможностью какого-то праздника.

Хотя Картер тоже не был «человеком Гарварда», он, по мнению автора «Дневников», воплощал в себе другую американскую традицию – пуританизм. К последнему о. Александр относился, мягко говоря, не лучшим образом, что явно не прибавляло ему симпатии к Картеру. Шмеман гневно обрушивается на пуританизм. Вот одна из таких тирад: «Для них добро – не *присутствие*, а отсутствие: отсутствие греха. Они *верят* – в некурение, непитье, неблуд, и это свое скучнейшее добро навязывают миру как его спасение. Не случайно именно при Картере американский пафос *регулирования* всей жизни по отношению к *здоровью*, понимаемому как *не*, достигло своей высшей, идиотской точки. Эти сотни бегающих по улицам людей! Эти бесконечные разговоры о том, что "полезно" и что "нет", и бессилие пойти дальше. Им докажут, что аборт полезен, и они будут насаждать его как евангелие и не понимать, что они служат злу больше, чем проститутки и пьянчужки... Кар-

тер – это отрывка Америки "сухого режима", пришедшая к власти только из-за Никсона, из-за Уотергейта» (С.558).

И далее Шмеман обобщает: «Кеннеди полюбили за гибель, но не погубил он смертью юного героя, то, думается мне, он мало чего бы достиг. Никсона и Джонсона просто *не* полюбили, ибо сами они чересчур любили власть и только *власть*, голую власть. Картера готовы были полюбить (его триумфальное шествие в день инаугурации по Пенсильвания-авеню...), но потому, что не знали его и "думали", что он – Рейган» (С.558). Что же касается Никсона, то он, по мнению о. Александра, представляет интерес «с точки зрения понимания феноменологии власти» (С.121).

Из американских президентов, о которых идет речь в «Дневниках», Шмеман больше всего почитает Франклина Рузвельта. По традиции в День благодарения он с семьей каждый год совершает «обычное "памятничество"» (С.312) к дому великого президента в Гайд Парк.

Жизнь как постоянная перемена

Осознавая многие «пороки» американской внешней и внутренней политики, о. Александр вместе с тем поражен и раздражен «всеобщей ненавистью к Америке». Шмеман приходит к выводу, что истоком этой ненависти не являются сила и богатство Америки, как полагают многие. Корень ее в том, что Америка *другая* по отношению к остальному миру, а *другая есть угроза* (С.500). И не в том только смысл этой угрозы, что она «несет с собою другой *метод*, предлагает перемену, всегда вызывающую сопротивление, а в том, что она "перемену" предлагает как метод жизни» (С.500). Причем речь вовсе не идет о революционных переменах. Ведь европеец понимает под «революцией» именно замену одной системы другой. Что же касается американца, то он не верит ни в какую *систему* как таковую, и потому, отмечает о. Александр, американец «при отвращении от революции идейной есть революционер по самой своей природе. Даже сама американская конституция в конечном итоге есть не что иное, как перманентная революция... Постоянная революция, обеспеченная конституцией» (С.500).

И здесь, считает Шмеман, как раз и лежит камень преткновения для тех, кто не хочет понять и принять Соединенные Штаты; причем не имеет значения, бедны или богаты, цивилизованны или не очень эти противники. Впрочем, непонимание здесь взаимное, ведь американцы тоже не могут понять этих «других», ведь для них (американцев) жизнь представляется как постоянная перемена. Недаром они часто меняют

место жительства, работу, проявляют «постоянную одержимость педагогикой и всякими "cutricula"²¹ (С.501). Автор «Дневников» делает из вышесказанного далеко идущий вывод. «И потому смешно, – пишет он, – что самое "неконсервативное", самое – по самой природе своей – "революционное" общество в мире – *Америку* – ненавидят как общество "консервативное" и "антиреволюционное"» (Там же).

* * *

В «Дневниках» встречается немало противоречий, в частности, в отношении к американским президентам, американской внешней и внутренней политике; в авторском восприятии Америки вообще много непоследовательного и просто наивного. Иногда сознательно или бессознательно автор упрощает, огрубляет явления. Но, во-первых, о. Александр Шмеман был далек от политики, посвятив свою жизнь совсем другому, совсем не тому, чем призваны заниматься политики и политологи, экономисты, историки, социологи. Во-вторых, формат дневника и «не предполагает» выверенности, четкой логики в изложении и анализе событий, современником которых является его автор. На то он и дневник, что здесь много от сиюминутного, импульсивного. За страницами книги нетрудно почувствовать горячее дыхание живого человека, страстного, эмоционального, влюбленного в жизнь. В этом нельзя не увидеть как силу, так и слабость авторского восприятия действительности. Необычайная энергия, увлеченность его натуры приводили подчас к тому, что его «заносило» то в одну, то в другую сторону. Однако энциклопедичность познаний автора «Дневников», с легкостью проводящего параллели из истории самых различных времен и народов, широкое использование данных смежных дисциплин (истории, лингвистики, географии, политологии, социологии), наконец, превосходное умение «думать глазами» (выражение русского философа Федора Степуна) и многое-многое другое с лихвой уравнивают эти его метания.

В замечаниях о. Александра по поводу Америки и американцев много пронизательного и позитивного. Можно по-разному относиться к его мыслям, соглашаться или спорить с ними, но нельзя, думается, не признать, что они продолжают оставаться участниками полемики сегодняшнего дня с его «страстями стравленными» (М.Цветаева), предлагая свои варианты ответов на вопросы, которые ставит перед нами современная жизнь.

²¹ Программы, курсы обучения.

Если человек рожден с высокой
и мужественной душой, если он работающ,
горд, честолюбив, чужд
низкопоклонства, а ум его глубок
и скрытен, я могу смело сказать,
что у него есть все необходимое, чтобы
его не замечали...

Люк де Клапье де Вовенарг

**Прошлое науки – не кладбище
с могильными плитами над навеки
похороненными заблуждениями,
а собрание недостроенных
архитектурных ансамблей...**

А.А. Любищев

Владимир Бородулин,
Виктор Тополянский

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК. ДОКТОР
Г.И.СОКОЛЬСКИЙ
В МОСКВЕ СЕРЕДИНЫ XIX
ВЕКА

The paradoxical expression «superfluous people» introduced into the literature by I.S.Turgenev was widely used by the Russian literary critics and in the Russian culture history became the generally accepted, even stereotyped term. In this article this notion is used to show-up the extraordinary personality and amazing destiny of G.I.Sokolski, an outstanding representative of the mid-19th century medical science and professor of the Moscow University. The authors for the first time involved in their analysis such sources as letters written by Sokolski and other persons who played decisive roles in his destiny. These letters are kept in the Russian State Archive of Literature and Arts (RGALI), manuscripts department of the Russian State Library and in department of written sources of the State Historical Museum. The authors also draw in numerous materials of memoir literature that characterize not only the very hero of their narrative but also the university and urban environment.

1.

*Что это за город? Справедливый Боже!
Ни одной заезжей незнакомой рожки...
Не с кем перемолвить «конфиденциально»:
Все глядят так тупо, так официально!*

А.Комаров. Отрывок из письма

Парадоксальное по своей сути выражение «лишние люди» в литературной критике появилось в середине XIX столетия. В «Дневнике лишнего человека» Тургенев изобразил личность вполне заурядную и все же заинтересовавшую писателя какой-то диковинной неприкаянностью. Этот «сверхштатный человек», от лица которого велось повествование, свылся с тем, что его место в социуме было всегда кем-то занято, и даже пытался уяснить фатальную основу своей никчемности: «На мое появление природа, очевидно, не рассчитывала и вследствие этого обошлась со мной как с неожиданным и незванным гостем. Недаром про меня сказал один шутник, большой охотник до преферанса, что моя матушка мною обремизилась»¹.

В литературоведении устоялась, однако, иная интерпретация этого феномена. Так называемые лишние люди, равно как их прототипы из дворянского сословия в реальности, отличались поразительной «душевной усталостью» и социальной пассивностью, несмотря на явное интеллектуальное превосходство над окружающими, нескрываемым подчас эгоцентризмом и непомерными претензиями при полном отсутствии воли к их осуществлению. В силу таких особенностей лишние люди стремились не связывать себя брачными узами.

Популярный в середине XIX века московский врач Г.И.Сокольский – человек острого и глубокого ума, обширной эрудиции и безраздельной преданности своему делу – не выделялся ни пресловутой инертностью, ни удручающим безволием, ни откровенным эгоцентризмом, ни дворянским происхождением. Потомок священника, он принадлежал к славному племени разночинцев, много и плодотворно трудился, увлекательно преподавал искусство врачевания и тем не менее оказался вдруг человеком излишним и Московскому университету ненадобным.

В октябре 1859 г. редакция «Свистка» – сатирического приложения к журналу «Современник» – опубликовала стихотворение А.М.Комарова

¹ Тургенев И.С. Сочинения. Т.5. М.; Л., 1963. С.178–232.

«Отрывок из письма», с посвящением Г.И.Сокольскому и забавным описанием тривиальной московской ситуации. Сначала молодого Сокольского «тридцать три семейства оженить желали», но стоило ему промедлить с выбором невесты, как городская молва признала в нем «и масона, и красного», и опасного обладателя «вольных идей», тем самым уподобив его не то «фармазону» Онегину, не то нигилисту Базарову.

Автор стихотворения – входивший тогда в известность поэт (из «третьего ряда» той блистательной литературы) Андрей Комаров. Он происходил из купеческой семьи, писал юмористические рассказы и стихотворные пародии, переводил из Г.Гейне и других немецких поэтов и умер в 50 лет от тяжелой болезни². Трудно оставить без внимания близость эмоционального восприятия городской среды того времени у автора пародийного стихотворения и у Сокольского, обронившего однажды: «Москва так странно сотворена...». Однако стихотворение, скорее всего, написано не в Москве, а в Старой Руссе – популярном тогда курорте, куда московские врачи посылали пациентов, страдающих «грудными болезнями» (об этом косвенно свидетельствуют датировка стихотворения и сведения из биографии поэта).

В сборнике «Стихотворения Андрея Комарова»³, помимо «Отрывка из письма», Сокольскому посвящено еще одно произведение – на этот раз лирического плана – «Городок»; оно завершается словами: «Раны ль сердца исцелились или умерло оно??». В те годы Сокольскому – за пятьдесят, поэт – на 20 лет моложе, но говорит о больном сердце, близкой могиле. Раны сердца могут быть, конечно, любовными, а близкая могила – литературным штампом, но закрадывается мысль о другом подтексте. В середине XIX в. преобладающей патологией сердца и нередкой причиной преждевременной смерти были ревматизм и вызванные им пороки сердца, а лучшим знатоком «грудных болезней», в том числе и ревматического поражения сердца, был именно Сокольский. Не исключено, что приятельские отношения столь разных по возрасту и профессии людей возникли в процессе общения врача и пациента.

И личность, и жизнь, и след в науке профессора Московского университета Григория Ивановича Сокольского (1807–1886) столь необычны, противоречивы, украшены таким числом неснятых вопросов и «бе-

² [Объявление о смерти и погребении А.М.Комарова] // *Московские ведомости*. 1878. 26 октября; *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*. Т.3. М., 1994.

³ *Стихотворения Андрея Комарова*. М., 1861. С.8–10, 89.

лых пятен», что выглядят историей чуть ли не детективной и сами собой напрашиваются на сотворение одной из медицинских легенд. Широко расставленные годы жизни Сокольского не должны никого обманывать: почти ослепший профессор умер в забвении, скудости и полном одиночестве. В Московском университете второй половины 1830-х – первой половины 1840-х годов он блистал как яркая звезда медицинского факультета. Однако кафедру терапевтической клиники, на которую он претендовал, ему так и не дали, а в 40 лет выпроводили в отставку не то «по прошению», не то «без объяснения причин».

Спустя полтора столетия вклад его в копилку медицинских знаний представляется исключительным, но вскоре после увольнения профессора «потеряли», забыли, прежде всего, в университетской среде. В двухтомном биографическом словаре, посвященном университетским профессорам и выпущенном в свет всего через семь лет после отстранения от должности Сокольского, о нем сказано на удивление невыразительно и скупо – всего одна страница; тогда как сменившему его на кафедре Н.С.Топорову отведено пять с половиной страниц⁴. Знаменитый журнал В.А.Манассеина «Врач» – трибуна научной и общественной медицинской мысли в России – откликнулся на смерть Сокольского кратким формальным сообщением в рубрике «Хроника», завершившимся единственной содержательной строкой: после выхода в отставку «жил почти затворником»⁵. Если бы не диссертационное исследование Н.М.Богданова, обстоятельно и полноценно описавшего научные заслуги Сокольского⁶, уместно было бы говорить о целом «веке умолчания». Только в середине XX столетия публикациями А.Г.Лушников⁷ и других советских историков медицины и терапевтов фигура Сокольского была заявлена как одна из ведущих в истории отечественной клиники внутренних болезней первой половины XIX в.

Жизненный путь Сокольского как бы распался на несколько этапов. На каждом из них он выступал в совершенно новой роли. Соответст-

⁴ *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета (1755–1855). М., 1855. С.432–433, 500–505.*

⁵ *Врач. 1886. №18. С.352.*

⁶ *Богданов Н.М. Очерк истории кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней в Императорском Московском университете за 1755–1905 гг. М., 1909. С.57–77.*

⁷ *Лушников А.Г. Григорий Иванович Сокольский // Многотомное руководство по внутренним болезням. Т.10. М., 1963. С.486–489.*

венно и восприятие его личности в профессиональной и более широкой социальной среде, по сохранившимся воспоминаниям современников, становилось иным. Первый период его самостоятельной врачебной деятельности по окончании Московского университета продолжался ровно 20 лет. Почти все, что известно о Сокольском, случилось именно в это двадцатилетие; однако и к этому периоду много вопросов и мало вполне достоверных ответов. Второй период начался после увольнения из университета, когда Сокольский превратился в популярного городского частнопрактикующего врача (конец 40-х – конец 50-х годов XIX в.). Третий период – четверть века одиночества.

Согласно большинству источников, он родился 12 марта 1807 года⁸ в семье протоиерея И.Сокольского, обладавшего, очевидно, оригинальным складом мышления и склонностью к решению методологических проблем. Н.И.Пирогов, вспоминая о своем московском детстве, писал: «В то время, когда еще читались и были в ходу такие книги, как "Разрушение Коперниковой системы" (изданное в Москве священником Сокольским), в школе мы получали какие-то отрывочные понятия о земном шаре...»⁹.

Пробыв недолго в духовном училище, Григорий Сокольский поступил в гимназию, потом в Московский университет, который окончил в 1828 г. «лекарем 1-й степени» (этот путь в естествознание был тогда характерным для пытливых выходцев из духовного сословия). Вслед за тем его в числе наиболее способных выпускников отправили в Дерптский университет для подготовки к преподавательской деятельности в Профессорском институте. В Дерпте (1828–1832) его сокурсниками были не только Н.И.Пирогов, Ф.И.Иноземцев, А.М.Филомафитский – будущие светила отечественной медицины, но также известные в по-

⁸ Эта дата его рождения общепринята и приводится, в частности, в третьем издании Большой Советской Энциклопедии. Однако в Отчете университета за 1837 год указано, что возраст экстраординарного профессора Г.Сокольского – 36 лет. Стало быть, он родился в 1801 году? (См.: Именной список всем чиновникам и преподавателям // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1836–7 академический и 1837 гражданский годы. М., 1838).

⁹ Пирогов Н.И. Сочинения. Т.1. СПб., 1887. С.136. – Небольшая (всего 100 страниц) книга И.Сокольского, опубликованная в 1815 году, числилась впоследствии среди библиографических редкостей (Русский архив. 1914. № 8. С.569).

следующем представители гуманитарного знания¹⁰. Нетрудно представить, сколь существенным было взаимное влияние этих недюжинных интеллектуалов.

Затем, «для усовершенствования в науках», Сокольский работал в клиниках Берлина и Вены. Этот период его жизни получил отражение в воспоминаниях Пирогова: «Третий московский оригинал между нами был Григорий Иванович Сокольский, приобретший известность постоянными сражениями с профессорами и вообще с начальством. За его выходки против немецких профессоров они его сильно прижали и не выслали вместе с нами за границу, а отослали в Петербург для дальнейшего усовершенствования к Карлу Антоновичу Мейеру, в Обуховскую больницу, которому он потом так насолил столкновениями при постели больных, что тот рад был от него отделаться, и через год Сокольский явился к нам в Берлин, а здесь выкинул весьма рискованную для того времени штуку, выехав из Берлина без паспорта в Цюрих, к Шенлейну, и в Париж <...> Григорий Иванович был человек недюжинный; я его любил за его особенного рода юмор»¹¹. Колоритные примеры своего неповторимого остроумия – парадоксального, язвительного до беспощадности, простирающегося на все и всех – он будет щедро раздавать до конца своей жизни; достанется и Пирогову: их взаимная привязанность была, видимо, обоюдоострой. По свидетельству Л.Ф.Змеева, Сокольский «не стеснял своего богатого юмора в обрисовке научных и житейских талантов Пирогова»¹².

При документальном изучении биографии Сокольского складывается впечатление, что не только всякое его передвижение в пространстве, но и каждое его перемещение по службе сопровождалось явной или подспудной коллизией. Официальная справка свидетельствует: «Назначен в Казанский университет 1835 года сентября 11-го, где поручено преподавание терапевтической клиники и патологической семиотики 1835 года ноября 16-го. – Из Казанского перемещен в Московский университет в звании экстраординарного профессора для преподавания частной патологии и терапии 1835 года декабря 31-го»¹³. Что же было

¹⁰ В частности, правовед, историк философии, педагог, почетный член Петербургской академии наук П.Г.Редкин.

¹¹ Пирогов Н.И. *Вопросы жизни. Дневник старого врача // Сочинения. Т.1. С.333–334.*

¹² Змеев Л.Ф. *Русские писатели – врачи. СПб., 1887. Тетрадь 3. С.65.*

¹³ *Биографический словарь профессоров... С.433.*

причиной такого скоропалительного перемещения? Ведь Сокольский до половины октября оставался в Петербурге, по распоряжению министра народного просвещения изучая больничные заведения, в Казань прибыл только 3 ноября, а пробную лекцию на тему «О тех условиях, какие служат основанием врачебной диагностики при постелях больных», прочитал 22 ноября 1835 года.¹⁴ Ответ на этот вопрос содержит письмо Сокольского, адресованное Д.П.Голохвастову – помощнику попечителя Московского учебного округа и одной из ключевых персон в судьбе Сокольского¹⁵. Это письмо наглядно характеризует и жизненную позицию автора, и состояние врачебного образования в стране, и культурную среду губернских городов:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь! Заслужив особенное внимание его Сиятельства, Господина Попечителя Московского университета и Вашего Превосходительства во время бытности моей в Москве, осмеливаюсь теперь сообщить Вам некоторые сведения о моей должности при Казанском университете.

Пользуясь неожиданной благосклонностью Его Превосходительства Господина Попечителя здешнего университета, я немедленно по приезде сюда вступил в должность клинического преподавателя. <...> Занимаясь в клинике в течение месяца, я скоро понял, что здесь уважается не столько врачебная образованность, сколько техника: факультет и студенчество остаются очень довольны тем, что в клинике никто не умирает; студенты более всего замечают рецепты мои, нежели представляемый им анализ болезней, который их мало интересует. Сие, впрочем, очень понятно: интерес к науке может родиться только при прочном знании оснований науки, которые моим студентам никем не сообщены и о которых я при постели больного толковать не могу. Сие я говорю не в порицание моих слушателей, ни даже в порицание их наставников, но в сожаление о недостаточности сообщенного им учения. Пусть каждый благолюбивый врач рассудит, можно ли анатомии научиться по рисункам, можно ли быть врачом, не имея понятия о патологической анато-

¹⁴ Альбицкий В.Ю. Г.И.Сокольский в Казани // *Клиническая медицина*. 1977. Т.55. №7. С.143.

¹⁵ Дмитрий Павлович Голохвастов (1796–1849) – историк, литератор, тайный советник (1849); двоюродный брат А.И.Герцена; в 1832–1847 гг. помощник попечителя (князя С.М.Голицына, с июля 1835 г. – графа С.Г.Строганова) Московского учебного округа, а с 1847 г. попечитель округа.

мии, еще более – не имея случая никогда не видеть (*так в письме. – В.Б., В.Т.*) вскрытие трупа? И это суть собственные признания моих слушателей. Созерцательные сведения, составляющие сущность и реальность врачебной образованности (речь идет о наблюдении, опытным знании. – *В.Б., В.Т.*), здесь известны только понаслышке. <...> Здешний факультет есть страна дикая и бесплодная, где все целебное искусство состоит в собрании нескольких рисунков, а наука – в повторении допотопных идей. Из сего, Ваше Превосходительство, изволите видеть, что я здешнему факультету не могу принести такой пользы, которую предполагает себе Господин Министр. Его слова "там есть охотники учиться, но некому учить" совершенно справедливы; но он для сего должен был гораздо прежде прислать сюда хороших учителей анатомии, физиологии, химии, патологии и хирургии, – и тогда мои клинические наставления, как результат наук врачебных, могут в учащемся родить внутренний интерес, которого теперь нельзя пробудить звонком к лекции или другими механическими принуждениями. Доколе оные потребности не удовлетворяются, доколе мою кафедру с равною пользою для учащихся может занимать всякий толковый штаб-лекарь, приобретший некоторую наглядку больных.

Для меня непонятны распоряжения правительства, когда оно, употребив более 13 тысяч на мое воспитание, посылает меня в страну, где я не имею средств быть полезным. Для меня нужна библиотека – здесь оной не существует; мне нужны приготовленные слушатели – я их не могу получить; мне нужна анатомия – провинциальные предрассудки сего не позволяют; мне нужны сведущие сотрудники – я таковых не нахожу, – чем же я могу удовлетворить ожиданиям отечества?? <...>

Но и мои личные обстоятельства в сем деле должны быть сколько-нибудь уважены. <...> Казань есть не только в Европе, но и в России дальняя провинция, где умолкает и глохнет всякий разум, где видна одна только животная сторона людей и где образованный человек не встретит ни одного предмета, который бы веселил сердце, ни одного человека, которого беседа могла бы исполнить приятным чувствованием. Груды снегов, пронзительные ветры степные, дикий голос чуваш и татар – это есть более ссылка, нежели жилище тому, кто готовил отечеству в течение 12 лет полезные сведения. Громкое титло клинического учителя меня не льстит в Казани, а равно обещаемое вскорости достоинство ординарного профессора может быть только удовлетворительным мелочному самолюбию людей.

Имея в виду все невзгоды моей службы, я имел дерзость недавно писать к Его Сиятельству Господину Попечителю Московского университета и повторял еще мою просьбу об изведении меня из степей. С сей же просьбою обращаюсь теперь и к Вашему Превосходительству, льстя себя уверенностью, что, несмотря на полноту медицинского факультета в Москве, помещение меня в оном сочтете не излишним. Предложенные мною для сего 7 пунктов суть такие условия, на которые из русских врачей никто не согласится. Я надеюсь в Москве иметь достойнейших слушателей, а внимательное начальство Московского университета усугубит мою деятельность, которой плоды родятся и зреют только при благотворном влиянии Покровителей.

Вашего Превосходительства с истинным почитанием честь имею пребыть доктор Сокольский. Казань, декабря 12 дня 1835 г.»¹⁶.

Описанная ситуация ставит под сомнение правомерность встречающихся в историко-медицинской литературе указаний на значительный научно-педагогический вклад профессора Сокольского в «казанский период» его деятельности. Зато очевиден неизменно сопровождавший Сокольского конфликтный фон. В его письме внятно изложена позиция одной из сторон – так пусть будет выслушана и другая сторона. Рукопись пробной лекции (по свидетельству В.Ю.Альбицкого, она хранится в научной библиотеке Казанского университета) не напечатали, поскольку декан медицинского факультета сопроводил ее следующим заключением:

«Г.Сокольский своими сочинениями и преподаванием доказывает познания, способности и охоту, которые приобрел как чтением, так и слушанием лекций в Университете и в Академии, в России и за границей. Его изустное преподавание и писаная лекция с большими, однако же, недостатками в отношении к ясности понятий, связи в них и к порядку в изложении. В изустном преподавании он <...> что всего важнее, высказывает в своем предмете более сомнительные стороны, нежели старается убеждать в истинах науки. Опытность может со временем уничтожить такого рода недостатки, но по крайней мере теперь ему необходимо выбрать руководство, которого держаться строго...»¹⁷.

¹⁶ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф.404 (Д.П.Голохвастов). Оп.1. Д.80. Л.132–133.

¹⁷ Цит. по: Альбицкий В.Ю. Указ. соч. С.143 (со ссылкой на: Центральный Государственный архив Республики Татарстан. Ф.977 (Ректор). 1835. Д.326. Л.6).

Действительно, личность и среда в данном случае не очень соответствовали друг другу.

Высокое начальство прислушалось к дерзкой, жестко аргументированной просьбе молодого преподавателя и приняло решение, поразительное по скорости исполнения. По воспоминаниям И.А.Гончарова¹⁸, в середине лета 1834 г. путь из Москвы в Казань в дилижансе занимал четверо суток. В декабре 1835 г. переезд Сокольского из Казани в Москву мог продолжаться и дольше, определяясь, главным образом, морозами или ненастьем, снежными заносами на дорогах и выносивностью лошадей. Но так или иначе, а уже через две с половиной недели после отправки письма он стал преподавателем Московского университета.

Распоряжение о переводе Сокольского в Москву принадлежало, надо полагать, попечителю графу С.Г.Строганову – аристократу, известному коллекционеру, обладателю богатого собрания русских монет¹⁹ и, главное, доброжелательному покровителю чуть ли не каждого знакомого ему одаренного и оригинально мыслящего человека:

«С наружными повадками высокопоставленного вельможи Строганов соединял умение входить в тесное общение с теми людьми науки, в которых он видел ученые достоинства, знание, талант и истинную преданность делу просвещения. К той профессорской молодежи, которая появилась теперь на кафедрах и представляла собою новое поколение университетских деятелей, Строганов отнесся с глубокой симпатией и неизменно оказывал ей поддержку. <...> Этим дружным взаимодействием просвещенного и благожелательного просветителя и молодых талантливых и широко мыслящих профессоров и был достигнут блестящий расцвет Московского университета в десятилетие 1835–1847 гг., которое так и было прозвано "строгановским десятилетием"²⁰.

При таких неординарных обстоятельствах начался московский период врачебной деятельности Сокольского – время творческого расцвета и заслуженной славы.

¹⁸ Гончаров И.А. Воспоминания // Полное собрание сочинений. Т.9. СПб., 1886. С.51–52.

¹⁹ Мурзакевич Н.Н. Автобиография. СПб., 1889. С.99–100.

²⁰ А.Кизиветтер // Московский Университет: 1755–1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С.100–101.

*Москва так странно сотворена, что в ней
нельзя делать опытов ни в домах, ни в больницах...*

Г. Сокольский²¹

Деятельность нового профессора по кафедре частной патологии и терапии Московского университета Сокольского протекала чрезвычайно интенсивно и в учебном (что было обычно), и в научном (что было редкостью) плане; об этом можно судить по ее результатам, но прежде всего – по публикациям. Традиционно принято выделять две главные заслуги Сокольского в истории отечественной клинической медицины.

В 1835 г. отдельным изданием вышла в свет его лекция «О врачебном исследовании с помощью слуха...», прочитанная в Академии наук. Это издание было первой в России и одной из первых в мире оригинальных работ, посвященных сравнительной оценке двух новых методов непосредственного исследования больного. Речь идет о перкуссии (выстукивании) по Л. Ауэнбруггеру–Ж.Н. Корвизару и аускультации (выслушивании) по Р. Лаэннеку (ученику Корвизара, ставшему, наряду с учителем, одним из основоположников научной клинической медицины). Трепетное отношение к «особенной гениальности» основоположника аускультации, книга которого «навсегда останется памятником образованности автора и образцом для врачебных монографий», не помешало молодому исследователю отметить некоторую недооценку перкуссии в классическом труде Лаэннека и подчеркнуть обязательность использования обоих диагностических методов, дополняющих друг друга. Оппонируя ученику Корвизара П. Пиорри, предложившему проводить топографическую перкуссию с использованием плессиметра (твердая пластинка для врачебного выстукивания), Сокольский рекомендовал непосредственную перкуссию: «Один или два пальца левой руки врача, наложенные для этой цели на грудь, могут служить не хуже, даже, по моему мнению, гораздо лучше плессиметра»²². В XX столетии эта точка зрения стала общепринятой. В

²¹ Сокольский Г.И. Учение о грудных болезнях, преподаванное в 1837 году в отделении врачебных наук Императорского Московского университета слушателям 3-го, 4-го и 5-го курсов доктором и профессором Григорием Сокольским. М., 1838. С.51.

²² Сокольский Г.И. О врачебном исследовании с помощью слуха, особенно при посредстве

той же лекции подробно отражены градации звуков при выслушивании сердца (главным образом, здорового; некоторые патологические феномены кратко упомянуты).

Вторая историческая заслуга Сокольского состояла в следующем. Практически одновременно с выдающимся парижским клиницистом Ж.Б.Буйо (еще одним представителем клинической школы Корвизара) и независимо от него Григорий Иванович дал клинико-анатомическое описание ревматизма (1836²³, 1838) как общего (а не только мышечно-суставного) заболевания с преимущественным поражением сердца и указал, что «большая часть органических пороков сердца происходит от недоглядки и неправильного лечения» этой болезни. Со времени работ Буйо и Сокольского у клиницистов стало постепенно формироваться представление о ревматизме как системном заболевании. Не случайно поэтому советские терапевты и историки медицины называли ревматизм «болезнью Буйо–Сокольского». Однако равновеликой можно считать и третью историческую заслугу Сокольского перед отечественной клиникой: в его трудах громко заявлено клинико-анатомическое направление развития медицины²⁴.

Становление отечественной клиники внутренних болезней как самостоятельной учебной дисциплины, а затем и области медицинских знаний происходило в первой половине XIX в. на основе достижений европейского естествознания и европейской клинической медицины. Последователь блестящего французского врача-естествоиспытателя Р.Лаэннека (1781–1826) и одного из основателей научной клиники в Германии И.Л.Шенлейна (1793–1864), Сокольский относил медицину к области естественных наук. Он требовал изучения медицины не только у постели больного, но и в секционной²⁵, а также и в химической лаборатории,

стетоскопа // Военно-медицинский журнал. 1835. Ч.26. № 2. С.210.

²³ Сокольский Г.И. Ревматизм сердца // Ученые записки Московского университета. 1836. С.259 – 260.

²⁴ Бородулин В.И. Очерки истории отечественной кардиологии. М., 1988. С.15; Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. М., 1999. С.149 – 151.

²⁵ Ставил задачей «заслуги патологической анатомии приложить к изучению практической медицины и, таким образом, сблизить две несправедливо раздвинутые ветви одной и той же науки» (Сокольский Г.И. Учение о грудных болезнях... С.V – VI, 255).

ибо предмет естественных наук «составляет не то, что люди думали или думают, но то, до чего они дошли и что знают»²⁶.

Важно отметить следующее. В первой половине XIX в. именно внедрение во врачебную практику и клиническое преподавание методов перкуссии, аускультации и клинико-анатомических сопоставлений обеспечивало формирование отечественной клинической медицины как естественнонаучной области знания. Сокольский был, наряду с М.Я.Мудровым и А.И.Овером в Москве и К.К.Зейдлицом в Петербурге, среди пионеров этого движения в России.

Главным трудом в творческом наследии Сокольского стали, безусловно, лекции «Учение о грудных болезнях», опубликованные (1838) и написанные в духе Лаэннека²⁷. На основе сопоставления клинических данных²⁸ и секционных наблюдений автор специально выделил главу «Ревматизм сердца». Он дал подробную клинико-анатомическую характеристику туберкулеза легких; описал шум падающей капли как признак экссудативного плеврита и симптомы тромбоза предсердия; указал, вопреки Лаэннеку, на возможность перехода легочного воспаления в абсцесс. Вместе с тем вслед за Лаэннеком и другими авторитетами европейской медицины он утверждал, что «писатели врачебные сделали» грудную жабу (то есть стенокардию и инфаркт миокарда) «гораздо страшнее, нежели какова она в самом деле есть», и не видел ее связи с «окостенением» венечных артерий сердца. По его мнению, «в Москве ничего не слышно о сей болезни», хотя один случай ее он все же наблюдал: «Сия больная и ее болезнь не привлекли на себя внимание врачей. Откуда ж такое хладнокровие к страданиям ближнего и науке? Угадать не трудно: она беднейшая женщина!» У историков медицины нет разногласий в оценке этой книги: она прочно вошла в «золотой фонд» памятников отечественной медицинской мысли.

Представления Сокольского о пневмонии и плеврите, отраженные в «Учении о грудных болезнях», подробнее изложены в его монографии, специально посвященной болезням легких²⁹. Используя тот же подход к

²⁶ Сокольский Г.И. Показание общего содержания специальной патологии. Вступительная лекция, читанная в Императорском Московском Университете экстраординарным профессором Гр. Сокольским 9 марта 1836 г. М., 1837. С.27.

²⁷ Богданов Н.М. Указ. соч. С.60.

²⁸ В том числе результатов обследования больных с помощью перкуссии и аускультации.

²⁹ Сокольский Г.И. Исследование патологических свойств воспаления легочной и соседних

изучению патологии³⁰ и сопоставление клинических признаков и секционных данных, он описал течение различных форм пневмоний. Выполненные им исследования «по патологической морфологии крупозной пневмонии считаются классическими, и позднейшим исследователям мало что удалось добавить к описанию макроскопической картины изменений при этом заболевании»³¹.

Удивительный для того времени факт: во второй половине 1830-х годов Сокольский ежегодно публиковал одну или две крупные работы. Как же мог молодой ученый, перегруженный обязанностями преподавателя, сделать так много всего за несколько лет? Цена была высокой: он шел в медицине путем Лазнека, жертвуя всем и отдавая себя любимому делу целиком. И сам же в 1839 г. дал исчерпывающий ответ на этот вопрос в очередном письме высокому начальству:

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

По назначению медицинского факультета я занимался в течение последних двух месяцев с г[осподами] студентами преподаванием им уроков общей терапии и руководством в испытании и лечении внутренних болезней в клинике. Я употребил при сем все, что может доставить реальную пользу учащимся врачебной науке, излагая мои лекции ясно, подробно и с возможною консеквентностию (от лат. *consequential* – последовательность. – *В.Б., В.Т.*), а в клинике употребляя надежнейшие способы к испытанию болезней. Я проводил в моих занятиях со студентами 2-го, 3-го и 4-го отделений более 17 часов в неделю, а в домашних к тому приготовлениях почти все остальное время.

За эти труды вместо благонамеренного поощрения я получил одни неудовольствия от факультета...³² В моих преподаваниях найдены ереси, недостатки, бессмыслица, и сии вздорные мысли переносятся в головы некоторых моих слушателей и, вероятно, скоро достигнут до Вас.

Я провел ровно 13 лет в занятиях врачебною наукою; для ней отказался от выгодной службы в Петербурге; для ней оставил своих родителей в бедности и старости; для ней пешком прошел всю Европу с жела-

ей тканей с приложением к диагностике и терапевтике. М., 1839.

³⁰ *То есть данные новых методов непосредственного исследования больного – перкуссии и аускультации.*

³¹ *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Патологическая анатомия... С.150.*

³² *Конец фразы неразборчив.*

нием видеть и научиться; для ней и теперь живу нищим; за сии самопожертвования мне остались утешением лестный отзыв обо мне людей, обессмертивших себя в настоящее время европейскою славою, и достойные ценители трудов моих в Петербурге. Ваше Превосходительство можете судить, сколь обидно после сего слышать порицание от людей, не известных ученому свету никакими заслугами ни вне, ни внутри отечества, даже не оказавших никакой особенной черты на поприще школьной должности, исключая может быть давности службы, которая не составляет положительной добродетели.

При том я не понимаю, сколь дерзкие суждения можно сделать по таким двум лекциям, из которых одна была предисловие к науке, а в другой содержались общие взгляды на врачебную диагностику. Но и в сих каждый мыслящий врач, хотя несколько знакомый на поприще врачебной литературы, найдет достоинство содержания.

Посему я не нахожу другой причины моего бесславия, кроме той, которая таится в человеческом сердце, которая всегда была столь гибельна для наук и о которой я, как бы предчувствуя, говорил на первой лекции в лицо моим будущим судиям.

Но кривые толки не могут меня остановить, они могут только препятствовать моим занятиям. Люди, подстрекаемые страстями, не могут быть моими судиями. Для сего я решился переписать на празднике преподанные мною лекции, дабы отослать оные к достойнейшим ценителям, чем надеюсь в глазах моих слушателей скоро смыть пятна незаслуженных порицаний, о чем уведомляя Ваше Превосходительство, имею честь пребыть Вашего Превосходительства с истинным почитанием доктор Г.Сокольский. Декабря 22.1839»³³.

Адресат письма не указан, но, учитывая российскую Табель о рангах, можно думать, что оно направлено либо ректору университета М.Т.Каченовскому³⁴, либо, минуя ректора, прямо «Покровителю» – помощнику попечителя Д.П.Голохвастову³⁵. Что касается имен ученых,

³³ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.2819. Оп.1. Д.167. Л.1–2.

³⁴ Заслуженный ординарный профессор по кафедре истории и литературы славянских наречий, ректор Московского университета М.Т.Каченовский (1775–1842) не без удовольствия исполнял еще обязанности цензора, в связи с чем оказался героем едких эпиграмм Е.А.Баратынского, П.А.Вяземского, И.И.Дмитриева и А.С.Пушкина. Однако какая-либо переписка Сокольского с ним не известна.

³⁵ Что не только более вероятно, но и вполне «в стиле» Сокольского. Самого попечителя

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК

«обессмертивших себя в настоящее время европейскою славою», то здесь могли фигурировать Ж.Б.Буйо, И.Л.Шенлейн и другие видные клиницисты Парижа, Вены и германских университетов. Нет ясности и в вопросе о том, кого из своих недругов имеет в виду Сокольский под «людьми, подстрекаемыми страстями». Тем не менее в качестве одного из претендентов на роль его явного недоброжелателя мог выступать адъюнкт, а с 1894 г. профессор Московского университета Н.С.Топоров.

Пис. 22 дек. 1891.

Г. Сокольскому
Милостивому
Секретарю Московского Университетского
Института

По назначению моему. Фактически я
занялся в то время исключительно
делами в С.П. Судебном приговоре мне
уровня общей теории, общей психологии, и
руководствоваться в них и в своем
мнении в жизни. Я упоминаю при
сем в то, что человек составляет разницу
познания, в частности, может, другая моя
мне, и в то же время и в будущем
многие и в то же время упоминаю
особенно в частности. Я упоминаю в
том же смысле в судебно-психологии, 3% и 4% от
мне в 17 раз в то же, а в то же
поэтому упоминаю в то же

Первая страница письма Г.Сокольского от 22 декабря 1891 г.

можно исключить, поскольку к графу С.Г.Строганову следовало обращаться «Ваше Сиятельство».

О содержании «предисловия к науке» и «общих взглядов на врачебную диагностику», послуживших предметом резкой критики (что стало, в свою очередь, поводом для приведенного письма), можно составить представление на основе опубликованного труда «Показание общего содержания специальной патологии». После краткого введения автор переходил к рассмотрению болезненных явлений и начинал с разъяснения важной методологической позиции, с которой любопытно познакомиться и сегодня:

«Болезненные явления должно не иначе понимать, как и прочие явления природы, ибо жизнь больная хотя не составляет нормальное, однако есть естественное состояние человека. О сущности оных, как и всех естественных явлений, мы не имеем сведений. Все рассуждения врачей о ближайших причинах болезней, продолжавшиеся до 1827 года³⁶, наполнены не оправданными ничем положениями, кои не сделали никого умнее в кабинете, а еще менее будут полезны нам у постели больного. Мы можем только постигать внешнюю форму явлений и частью угадывать причинное соотношение оных; но сущность явлений, или причины причин, удалены от нашей чувственности и сокрыты в Божеском сознании. В простудном воспалении глаза сосуды соединительной оболочки идут только до роговой, а в золотушном – на самую роговую. От чего зависит сие различие? Еще ни один окулист не объяснил».

Эта ясная позиция почему-то не была принята во внимание рядом исследователей (А.Г.Лушников и другие), объявивших Сокольского последовательным материалистом. Таковым он, конечно, не был, в отличие от своего предшественника на факультете и столь же известного профессора И.Е.Дядьковского (этот врач-философ полагал, что «сама материя содержит в себе начало или основание всех своих действий»).

Вполне в духе времени Сокольский рассматривал все болезненные явления как «припадки органические или функциональные»:

«Материя и сила (в неорудной), организация и функция (в орудной), бытие и действие (в духовной природе) составляют первые элементы

³⁶ Имеется в виду, вероятно, опубликование в 1826 году второго издания книги Laennec D. *De l'auscultation mediate, ou traite du diagnostic des maladies des poutons et du Coeur. T.1 – 2.* – Для последователей Лазнека в различных странах эта дата обозначала наступление новой, научной эры в медицине.

всякой жизни. Сделанное различие не предполагает, чтобы должно было отдать первенство или материи или деятельности: <...> сии два фактора суть вечно неразлучны <...> материя и сила могут только в разуме, но никогда в природе разделяться или друг другу подчиняться. Тот же закон повторяется и в патологической природе, где каждое явление нарушенного отправления зависит от измененной организации и притом таким образом, что известным припадкам соответствуют известные изменения организации. Посему, если в трупѣ нашлись желчные камни, то не вероятно, чтобы больной страдал кашлем, одышкою или другими грудными припадками, ибо сии явления не согласуются с явлениями трупными».

Далее следовали, естественно, оговорки, что «органические изменения в болезнях не всегда идут параллельно с припадками функциональными». Отмечая частую недостоверность так называемых субъективных, то есть ощущаемых самим больным, признаков болезни³⁷, он отдавал приоритет объективным методам обследования больного (осмотр, ощупывание, выстукивание, выслушивание), «чтобы не больной, а сама болезнь говорила о своем присутствии»: «Сей способ исследования болезней есть вернейший и истинно сциентифический³⁸: длинные расспросы больного о том, что он ел, что пил, где был, и другие проселочные дороги никогда не в состоянии довести нас верно до искомой формы болезни»³⁹.

«Одно знание припадков не составляет полного понятия о болезни: для сего требуется соединение припадков в одно целое», подчеркивал он, упоминая затем о труднейшей задаче врача, который, «собственно, не имеет перед глазами болезни в целости, но одни клочки оной» и должен «слепить эти клочки вместе, дабы составить полное целое – образ болезни <...>. Сие зависит единственно от творческой сметливости врача. Здесь заключается причина, почему распознавательные заключения не у всех врачей одинаковы, почему врачебные сочинения нередко содержат в себе то хаос, то поэзию. Однако из того не следует заключать, что медицина есть гадательное искусство, которому не настоит надобности в

³⁷ Например, малообразованные люди, тем более лица, склонные к ипохондрии или истерии, не в состоянии правильно оценить и объяснить свои ощущения.

³⁸ От лат. *scientia* – наука, знание.

³⁹ Сокольский Г.И. Показание общего содержания специальной патологии. С.27.

точности науки. Хотя и нельзя опровергнуть особенного практического навыка, но начала оно всегда находятся в науке»⁴⁰.

Вместе с тем Сокольский предупреждал своих слушателей об опасности излишнего увлечения «нозологическими» классификациями: «В природе не существует ни классов, ни родов, ни видов болезней как произведений разума, а существуют одни индивидуальные случаи: сии-то составляют тот чистейший источник, в котором врач может утолять любознательную жажду свою». Соответственно на вопрос о том, как приобрести практический врачебный навык, он отвечал: «Для усовершенствования собственной опытности надлежит каждодневно посещать госпиталь дважды в день, утром и вечером, и кроме того делать самому описания виденных болезней...». Научная подготовка врачей, по его мнению, должна опираться только на анатомический и химический багаж: «Каталог знаний, врачебных и неврачебных, требующихся от врача, найдете вы у Иосифа Франка; он велик и страшен». Что же касается прочих (кроме химии и анатомии) теоретических наук, «то очень хорошо, если кто оные знает; но кто и не знает, тужить не должен, буде имеет неповрежденность чувств и бескорыстную любовь к правде; с этими двумя качествами можно успеть более, нежели с приобретенной ученостью»⁴¹.

Автор лекции выступал, таким образом, как врач-натуралист, носитель и пропагандист естественнонаучного направления развития медицины, достойный приверженец Р.Т.Г.Лаэннека, И.Л.Шенлейна и других основателей европейской научной клиники. Вполне естественно поэтому его решение перевести и издать руководство Шенлейна⁴². При всех частных несогласиях Сокольского с Шенлейном содержание этого труда помогало создать представление «о том общем направлении, которого, вероятно, держался Сокольский в преподавании частной патологии и терапии»⁴³.

Однако в Биографическом словаре профессоров Московского университета сказано: «В преподавании этого предмета следовал Гризоллю». Среди авторитетов, на кого ссылался или (чаще) с кем спорил Соколь-

⁴⁰ Там же. С.24.

⁴¹ Там же.

⁴² *Носография и терапия Шенлейна, составленная из лекций, преподаанных им в Вюрцбурге, Цюрихе и Берлине. (На русском языке изданная Григорием Сокольским). Ч.1. М., 1841.*

⁴³ Богданов Н.М. Указ. соч. С.66.

ский в своих трудах, Гризоль не значился. По ежегодным отчетам Московского университета, руководство Гризоля Сокольский использовал только на последнем году своей преподавательской деятельности: «В изложении порядка материй он следовал Гризолу (*Traite elementaire et pratique de pathologie interne*. 2 ed. Paris, 1846) с тою разностью, что близкие между собою формы болезней, по их явлениям и месту, старался соединить в меньшее число классов для удобнейшего рассмотрения предметов и избежания частых повторений»⁴⁴. До этого для изложения «порядка материй» он свыше десяти лет опирался на другие руководства; «самые же описания болезней деланы сообразно наблюдениям монографов»⁴⁵.

Кроме книги Шенлейна, он перевел также «Руководство к практической медицине» выдающегося немецкого терапевта первой трети XIX в. К.В.Гуфеланда⁴⁶, снабдив это издание многими комментариями «в пользу русских врачей». Замечания Сокольского свидетельствовали о редкой врачебной наблюдательности их автора и касались как внутренних, так и душевных болезней. Последнее не удивительно, так как он первым в Московском университете, кроме частной патологии и терапии, начал читать также курс душевных болезней, ориентируясь на руководство В.Гризингера – выдающегося немецкого терапевта и основоположника научной психиатрии в Германии. Так, например, он писал, что нервные и душевные болезни «или совершенно излечиваются лихорадкой, или только уничтожаются во время продолжения лихорадки» (предвосхищение идеи пиротерапии). Как сторонник «режима нестеснения» (введенного французским психиатром Ф.Пинелем), он полагал недопустимым применение грубой силы по отношению к душевнобольным, требовал не фиксировать их и не привязывать к кровати. В комментариях же он был остро критичен и не мог удержаться – добавил-таки немного яда. Гуфеланд утверждал, что разграничение воспаления легких и плев-

⁴⁴ *Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1847–1848 академический и 1848 гражданский годы*. М., 1848. С.26.

⁴⁵ *То есть авторов монографий, классиков европейской медицинской науки от Лазнека для болезней легкого до Дж.Хоупа для болезней сердца (Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1846–1847 академический и 1847 гражданский годы*. М., 1848. С.23–24).

⁴⁶ *Гуфеланд Х.В. Enchiridion medicum, или Руководство к практической медицине*. (С немецкого перевел и со многими пояснениями издал Григорий Сокольский.) М., 1840.

рита – задача скорее анатомическая, чем практическая, поскольку эти заболевания, как правило, наблюдаются одновременно; Сокольский же характеризовал это положение как весьма опасное: «Оно дает повод к невнимательности и грубейшим ошибкам на практике. Эти строки недостойны и перевода, а потому только и оставляю, чтобы показать привязанность стариков к старине, врагов всякого нововведения, но не для того, чтобы им следовать».

Текст представленного выше письма Сокольского Голохвастову (1839) интересен и применительно к дискуссионному вопросу о клиническом преподавании в Московском университете в конце 1830-х – начале 40-х годов. По Уставу 1835 г. (с внесенными в него поправками) преподавание внутренних болезней велось уже не на одной кафедре «частной патологии, терапии и клиники», а на двух самостоятельных кафедрах двумя профессорами. Сокольскому досталось чтение систематического демонстрационного курса внутренних болезней (частная патология и терапия), а Х.Г.Бунге – семиотика и «клиника в больнице» (терапевтическая клиника)⁴⁷.

Таким образом, своей клиники у Сокольского не было. Но он, по его словам, согласно заданию факультета, преподавал студентам в клинике, «употребляя надежнейшие способы к испытанию болезней». Есть и другие свидетельства его настойчивых попыток вести преподавание методом, максимально приближенным к клиническому. Так, в 1840 г. он писал: «Полагая очень наставительным для учащихся упражнять себя наглядкою больных, я прошу у совета позволения брать из нашей учебной больницы по одному больному один раз в неделю, дабы я смог над ними делать своим слушателям изустные демонстрации болезней, не входя в рассуждение о лечении их»⁴⁸.

Его основные труды тех лет, где широко использован метод сопоставления клинических и секционных данных, также не оставляли сомнений в том, что он продолжал наблюдать больных не только в амбулаторных условиях, но и в клинике. И, разумеется, он претендовал на кафедру терапевтической клиники, освободившуюся в 1842 г. после

⁴⁷ *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. 2-е изд. М., 2001. С.304; Они же. Разработка и внедрение этапности клинического преподавания в Московском университете. М., 2002. С.43.*

⁴⁸ *Зиновьев И.А. К истории высшего медицинского образования в России. М., 1962. С.33.*

отставки Бунге. В его пользу было и решение Ученого совета университета, поддержанное попечителем учебного округа. Но вопреки традиции министр не учел мнение университета и назначил на эту кафедру другого претендента – профессора аналогичной кафедры Московской медико-хирургической академии А.И.Овера.

В конце 1845 г. было утверждено «Дополнительное постановление для медицинского факультета Московского университета». В его подготовке активно участвовали профессора университета – хирурги Ф.И.Иноземцев и А.И.Поль, терапевт А.И.Овер. В соответствии с этим постановлением были учреждены факультетская и госпитальная терапевтические клиники, открытые в 1846 году⁴⁹. Однако Сокольского не привлекли к разработке проекта этой важной реформы высшего медицинского образования в России, а на кафедру госпитальной терапевтической клиники пригласили ординарного профессора Дерптского университета И.В.Варвинского.

Продвижение профессора Сокольского по Табели о рангах проходило в соответствии с принятыми правилами. «За выслугу узаконенных лет» он был «Всемиловитейше пожалован в статские советники»⁵⁰, состоял членом Совета Московского университета⁵¹. Но в отличие от своих коллег (Иноземцев, Овер, Поль и другие), увешанных орденами, за 13 лет профессорской деятельности он не был удостоен ни ордена, ни даже медали. Можно утверждать, что карьера его в университете складывалась весьма своеобразно и отнюдь не безоблачно.

(Окончание следует)

⁴⁹ *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Московский университет в реформе высшего медицинского образования ... С.174–197.*

⁵⁰ *Отчет о состоянии... за 1845–1846... Именной список. М., 1846.*

⁵¹ *Любопытная подробность. Именно ему, как члену Совета, было поручено уведомить медицинский факультет о распоряжении министра народного просвещения «определить ординарным профессором госпитальной терапевтической клиники при Московском университете» профессора Дерптского университета Варвинского (Зиновьев И.А. Указ. соч. С.17).*

Литература не была бы частью эпохи, к которой она принадлежит, если бы она не разделяла и не отражала ее тенденций; мотивы, этому способствующие, в сущности, неважны... Речь идет о вечном измерении литературы и тем самым в конечном счете о мифе. Тоска по нем становится тем неотступнее и призывнее, чем наглее, злее, кровавее и непонятнее становится мир. Что на весах фантазии может уравновесить войну? Какая тема может сравниться с этим? Какое слово может помериться со смертью? Только миф самого человеческого бытия... Будет такой миф, и это явится не только

спасением литературы и ее
вечного значения, но и знаком
милости, знаком утешения, ибо то
будет знак веры и нового
единства мира, того единства,
которое сможет преодолеть
кровавый раскол мира. Пока же
его нет. Вопреки всей тоске эпохи
по мифу.

Герман Брох

Валерий Журавлев

«ИСТОРИЯ ВСЕХ ТАЩИТ К ОТВЕТУ»!

ГОД 1917 В РОССИИ
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОК –
МАСТЕРОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
САТИРЫ И ЮМОРА

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

The author considers processes of the pivotal for Russia's historical destiny events of 1917 as seen by eyes of contemporaries, masters of the Russian satire and humor compared, predominantly at the level of subtext, with events of the 1990s. The latter presents phenomena that are in many ways recognizable and comparable in their external manifestations, even though they have absolutely different roots. The author intends this article in the first instance for those who in learning of the past and present are disposed to broad historical comparisons in identifying «chromosome set» in fabric of events and phenomena of the Russian history. The essence of this «chromosome set» consists in certain algorithm of reiterated and unique, inimitable features in behavior of the historical process subjects. The author thinks that if a researcher moves along this approach he/she may, with some degree of conditionality and metaphoric usage, speak of presence of the Russian historical process «genetic code» which reaches the mental level. In the particular case examined by the author this code implies that feverish pulse which the Russian history acquires when modernization shifts prove to be intertwined with pre-modernization and counter-modernization phenomena. In result of such combination both revolutionary leaps and systemic reforms begin with the inflated hopes and loud overoptimistic declarations and then turn about to be a social and, moreover, civilizational back rush.

Юмор – это серьезность, скрываемая за шуткой.

Джон Вейс, американский священник (1818–1879)

Те, кто страшится шуток, не верит в собственные силы. Это Гераклы, которые боятся цекотки.

Поль Валери, французский поэт (1871–1945)

Кто смеется, тот всегда побеждает плачущих.

Юлиуш Словацкий, польский поэт (1809–1849)

Человечество частично вознаграждается за великие бедствия теми великими уроками, которые из них вытекают.

Кристиан Нестел Боуви,
американский писатель и издатель (1820–1904)

В 1992 году, в пору 75-летия революционных потрясений года 1917-го, появилось необычное для того времени, богато иллюстрированное карикатурами издание. Оно включило в себя политические фельетоны, анекдоты, афоризмы, дающие представление о непосредственной реакции современников, прежде всего видных писателей, публицистов, мэтров жанра сатиры и юмора, на события этой самой бурной години отечественной истории¹.

События далекой эпохи, слившиеся в едином потоке двух революций начала XX столетия, и новые социально-политические катаклизмы последнего десятилетия этого многострадального века, во многом узнаваемые и сопоставимые с событиями года 1917-го в своих внешних проявлениях, имеют совершенно различные корни.

Процессы перехода от одного общественного строя к другому на развалинах единой государственности в 1992 году вступили в практическую фазу своей реализации. Предложенные мало что подозревавшему населению правила игры, получившие впоследствии хлесткое название «шокотерапии», обернулись безудержным ростом цен, инфляцией такого накала, в огне которой сгорели многолетние финансовые накопления граждан. За шоком гиперинфляции и тотального обнищания не сразу стали очевидными для простых людей утраты гораздо более важные – обрушение всей социальной структуры общества, обернувшееся для

¹ *Яичница всмятку или несерьезно о серьезном. Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году / Составители – А.П.Ненароков (руководитель коллектива), Р.М.Гайнуллина, В.А.Горный, А.И.Ушаков. Автор предисловия В.В.Журавлев. М., 1992. – 252 с.; илл.*

абсолютного большинства категорий населения потерей своего социального статуса.

Ученые учреждений Академии наук, вузовские профессора, квалифицированные рабочие редких специальностей, офицеры Вооруженных сил могли только позавидовать предлагаемым «свободным рынком» ставкам уборщиц в метро. За кулисами всех этих явлений в закрытом режиме приватизаций проходили невидимые простому глазу процессы становления новой социальной элиты общества, во многом формируемой из маргинальных и криминальных его слоев. Из тех, кто еще вчера – в полном соответствии с пролетарским гимном «Интернационал» – «был ничем», торговал гвоздиками в пешеходных переходах, спекулировал билетами Театра на Таганке, процветал на ниве картежного шулерства и «просто» воровал различными способами, выросли столпы нового общества.

Эти обстоятельства неизбежно подталкивали к невольным сопоставлениям в направлении установления черт общего и специфического в процессах перехода социума из одного качественного состояния в другое. Тех самых черт, которые со всей очевидностью выявляют себя особенно на первой фазе трансформационного процесса, когда общество лишь втягивается в зону притяжения «роковых», поворотных событий. Именно о ней, как о полосе прерыва непрерывности, слома налаженного хода вещей, поре социального отката, аномии, взрыва девиантных проявлений, когда за муками крушения старого еще почти не просматриваются муки рождения нового, о времени не только контрастов, но и парадоксов, «часе» смятения души, речь уже шла на страницах журнала. Причем на базе анализа сходных ситуаций в глобальных масштабах разновременных событий (от античности до наших дней) мировой истории с органичным включением истории отечественной².

Сегодня, когда историей стали события как начала, так и конца прошлого века, случилось так, что на перекрестке эпох, в координатах исторического времени соединились, тесно сплелись между собой два драматических юбилея. Это 90-летие крушения Российской империи и 15-летие распада СССР, являвшего собой уникальный пример такой империи, в которой «колонии» жили, а некоторые и простодушно продолжают жить во многом за счет «метрополии», не желая добровольно отказываться от льгот, которыми по инерции обладают со времен их «оккупации».

² См.: Журавлев В.В. *Переходные эпохи в интерьере мировой истории: размышляя над страницами уникальной книги // Россия XXI. 2004. №6. С.178–195.*

Как далеко мы ушли в последние годы в понимании и видении того, что с нами произошло в начале и конце XX столетия? И, в первую очередь, от того типа жизнедеятельности и состояния духа, что веками составляло несущие конструкции нашего образа жизни, квинтэссенцию российской ментальности? И что из данной квинтэссенции, ярко проявив, как бы «повторив» себя через 75 лет после искомым событий 1917 года, по сей день, уже в обстановке начавшегося третьего тысячелетия от Рождества Христова, верно и преданно остается с нами?

Автор адресует настоящий материал в первую очередь тем, кто склонен в познании прошлого и настоящего к широким историческим сопоставлениям в выявлении *«хромосомного набора»* в ткани событий и явлений нашей истории, суть которого заключается в определенном алгоритме повторяемого и неповторимого в поведении субъектов исторического процесса. Продвигаясь в русле такого подхода, можно с определенной степенью условности, метафоричности говорить о наличии достигающего ментального уровня *«генетического кода»* отечественного исторического процесса. Кода, который в нашем конкретном случае подразумевает тот лихорадочный пульс российской модернизации, когда модернизационные подвижки оказываются тесно сросшимися с явлениями демодернизационного и контрмодернизационного плана. В результате чего как революционные скачки, так и системные реформы, начинаясь с завышенных надежд и многошумных деклараций, оборачиваются затем социальным и, более того, цивилизационным откатом.

Итак, вернемся к коллизиям далекого 1917 года. К событиям, увиденным глазами остро, парадоксально мысливших и чувствовавших их дух современников.

* * *

Читаем в книге, к которой хотелось бы привлечь внимание, один из традиционных прогнозов, обычно щедро публикуемых новогодними газетами и журналами. Предрекая нам в грядущем и великие беды, и счастливые избавления, автор отмечал: «В стане правых объявится новый человек, знающий, как спасти Россию. С трудом удастся спасти от него казенные деньги. Население займется рыболовством (в отсутствие продуктов. – В.Ж.). Поросята петроградского городского свинарника станут большими свиньями. В городских холодильниках найдут залежи чего-то гнилого, не то рыбы, не то мяса. Под гул пушек поговорят о мире».

Ну что же, прогноз как прогноз. Ничего необычного, тем более утешительного он не сулит. Современник постперестроечной эпохи воспримет его как должное. Глаз споткнется разве что на одном слове «петроградский». Откуда это? Эру Ленинграда наша многострадальная северная столица, как уверяют те же газеты, уже миновала. В координатах Санкт-Петербурга уже определилась. Петроград же нам ведом лишь по исторической литературе...

Предчувствие не обмануло! Книга открывает своеобразное путешествие в прошлое, в год 1917, наполненный до краев социальными катаклизмами и сопровождающими их бурными политическими и просто человеческими страстями. На почве разительных перемен и жизненных неурядиц, краха ненавистного царского режима и развала всего и вся, прогрессирующей анархии и беспорядка как бы слились воедино, точнее, оказались сплетены в тугой, причудливый узел полярные человеческие субстанции, давшие нам два шедевра мировой литературы: «Большие надежды» (Ч.Диккенс) и «Утраченные иллюзии» (О.Бальзак).

1917 год. Роковой (или, как принято стало говорить через 70 лет, – судьбоносный) перекресток исторических дорог. Гордиево средоточие альтернатив. Час генерального испытания России на способность ее общественных сил проторить дорогу, ведущую в лучшее завтра. Уникальность переломных эпох состоит в том, что они как бы обнажают интересы и вожеления всех социальных пластов, раскрывают истоки и корни наших извечных бед, являют взору еще вчера тайные язвы общественного организма. Отсюда и внешняя похожесть друг на друга каждого из таких поворотных этапов, в основе которой – устойчивость ряда социальных традиций, отдельных сторон и черт национального характера. Но не надо быть слишком доверчивым: похожесть эта может быть и обманчивой, лишь маскирующей своеобразие отдельных звеньев, ступеней и маршей исторической лестницы.

Сочетание узнаваемости и неповторимости дает тот чудесный сплав, который позволяет, окунаясь в стихию давно ушедшей эпохи, зорче видеть и глубже оценивать реалии дня сегодняшнего. Особенно (как это ни парадоксально), если нам предлагается посмотреть на все это через призму смеха, ибо в раскрытии сути и духа той или иной исторической (как и просто житейской) ситуации потенции сатиры и юмора поистине уникальны. Рискну даже сказать так: общество, которое не способно смеяться над собой, безнадежно в плане самоусовершенствования. От выводов политика и ученого можно отмахнуться. Приговор же сатирика обжалованию не подлежит. Хотите наглядный пример? Познакомимся с несколь-

кими сатирическими постулатами на тему «Россия – революция – человек», сформулированными современниками года «бури и натиска»:

– «В русской революции гораздо больше психоза, чем политики, – неврастении, чем экономики, – и вообще истерии, чем истории».

– «У нас не Франция. У нас все население голодное. Мудрость продовольственной политики старого режима уравнила всех в правах голодания. Монархизм монархизмом, а голодание, так сказать, было прямо по республиканской системе: всеобщее, прямое и явное».

– «Тщетны были все указания на кризисы, на отсутствие угля, на грозящие осложнения. В России убеждают людей только катастрофы...

– В России можно лежать на мешках с хлебом и умереть с голоду. В России можно жить в лесу и не иметь дров... То же – о газе, керосине, нефти, до бесконечности, вплоть до министров.

– В России можно иметь множество министериабельных людей и не иметь министерства».

– «Приходила ли вам когда-нибудь в голову... картина русской конституции, русского парламента, русских выборов, русских ответственных министров, русской свободной печати, русского партийного режима, русского партийного законодательства по западному образцу?.. При нашей некультурности и необузданности, при нашей свободе от всяких традиций и нравственных границ, мы явим миру такое поучительное зрелище "свободной страны", что самые ярые либералы станут вздыхать о временах Толстого, Сипягина и Плеве»³.

Ученый, конечно же, не согласится с таким плакатно-обнаженным, односторонним взглядом на сложную и диалектически многозначную историческую действительность. Иной политик будет бурно протестовать против попыток распространения этих постулатов на современную ему ситуацию. Другой – его антипод – столь же категорически станет утверждать абсолютную непогрешимость сказанного. Не отягощенный же научными и политическими табу массовый читатель в этом парадоксально деформированном сатирическом мире безошибочно уловит и оценит кардинальные гримасы нашего национального характера и нашей исторической жизнедеятельности.

³ Толстой Д.А. – царский сановник, в 1882–1889 гг. – министр внутренних дел и шеф жандармов; Сипягин Д.С. – министр внутренних дел и шеф жандармов (1899–1902), убит эсером С.Балмашевым; Плеве В.К. – министр внутренних дел и шеф жандармов (1902–1904), убит эсером Е.Сазоновым.

Интеллигент: Вот вы, анархисты, говорите, что орудия производства немедленно должны быть отняты. Хорошо фабриканту, у него отнимут машины, но ведь у меня единственное орудие производства – моя голова...

Рис. Ре-ми

Инструментарий сатиры позволяет подчас нащупать истоки устойчивых социальных явлений гораздо точнее и, главное, беспристрастнее, чем это удастся отдельным историкам, политикам, публицистам. Так, последними принято считать такое уродливое явление, как волюнтаризм, исключительно детищем «эпохи социализма». Заглянув в анналы сатиры, мы увидим, что его корни уходят гораздо глубже. Не будем дискутировать, следует ли пальму первенства здесь отдавать царю Ксерксу, приказавшему высечь плетью море после исторического поражения своего флота. Достаточно будет обратиться к нравам бюрократии Временного правительства, унаследовавшей замашки самодержавных времен:

«Уполномоченный по продовольственному делу по Таврической губернии, г. Харченко, телеграфировал особому совещанию, что, вследствие бездорожья и распутицы, он не может перевезти всего назначенного к покупке для его губернии фуража.

В ответе на это заведующий одним из отделов особого совещания по продовольственному делу, г. Евреинов, телеграфировал: "Отмените распутицу".

Г. Харченко, в свою очередь, прислал на это предложение такой ответ: "Доступными мне мерами осушить губернию не могу"».

Функции сатирика, как видим, берет на себя сама жизнь. Автору же этого почти документального репортажа остается только резюмировать: «Полномочия, значит, недостаточны», подтверждая, что вера в чудодейственную силу чрезвычайных полномочий также уходит в прошлое гораздо глубже, чем это представляется некоторым сегодня.

Роясь в старых газетах и журнальных подшивках, листая тысячи пожелтевших страниц, стараясь выбрать десятки карикатур из многих сотен, составители данной книги не рассчитывали и сами, что такой разношерстный материал можно уложить в маленькую сатирическую энциклопедию 1917 года. Но вот работа сделана, и можно убедиться, сколь энциклопедически разнообразны ипостаси юмористического и сатирического отображения той взрывной и многоликой эпохи. Трудно найти ту ее грань, которая не подверглась бы препарированию острым скальпелем смеха. И это не случайно.

В условиях буквально шквального раскрепощения общества от удушья самодержавной регламентации и казенной безгласности смех стал необходимой формой жизнедеятельности самых различных слоев и групп общества, а также действенным оружием политической борьбы. На лавры профессионально ориентированной периодики типа «Нового сатирикона», «Бича», «Барабана» стали претендовать газеты и журналы самых различных жанров и направлений, начиная от сугубо деловых, прагматических «Биржевых ведомостей» и кончая боевой большевистской «Правдой». В этом легко убедиться, изучив помещенный в книге шуточный «Путеводитель по новой прессе» М.Ефимова и сопоставив почерпнутые в нем сведения с послужным списком прессы, использованной составителями данного сборника. Сходные метаморфозы произошли и, так сказать, с авторским обеспечением сатирического цеха. В книге есть фельетоны, рассказы и эссе, написанные как широко известными (А.Аверченко, Н.Тэффи, А.Аркадский, А.Бухов, Б.Мирский) и менее известными, особенно сегодня, профессиональными сатириками, так и писателями, которых раньше было трудно заподозрить в прилежном служении Талии – музе комедии, к ведомству которой, наверное, и следует причислить мастеров сатиры и юмора. Новой, для многих неожиданной стороной приоткрывается талант А.Грина. По-хорошему удивит своей гражданской, публицистической взволнованностью А.Куприн. Но, в целом, дело не в популярности того или иного имени и даже не в том, что в сборнике собраны, как правило, малоизвестные или вовсе затерявшиеся в лабиринтах време-

ни произведения популярных авторов. Главное – в свежести, неповторимости взгляда непосредственных свидетелей и участников искрящегося половодья событий и процессов 1917 года.

"В Киеве сбросили с пьедестала памятник П.А.Столыпину, подняв его краном на железных цепях за шею..."
(Из газет)

ПОСЛЕДНЕЕ УТЕШЕНИЕ

Столыпин: Как это удачно вышло, что я свой «стольпинский» галстук применял к другим еще при жизни, а на мне его применили только спустя несколько лет после моей смерти...

Рис. А.Падакова

Естественно, что широкий диапазон выборки органов печати и авторов оборачивается и разнообразием отстаиваемых ими политических позиций, симпатий и антипатий. Политизированность сатиры и юмора в периодике 1917 года – отражение политизированности общества. Она становится в свою очередь объектом сатирического осмеяния. «Да как же так вышло, что с блондиночки на Совет Рабочих и Солдатских депутатов переехали?» – недоумевает герой рассказа А.Аверченко «Жуткое», условившийся со своими трактирными собутыльниками не касаться в разговоре политики. Резкая поляризация общественных сил, накал конфронтационности приобрел в 1917 году столь гротескные формы, что простая констатация имевших место в реальной жизни фактов уже сама по себе могла обрести сатирическое звучание. Как не вспомнить, например, расхожее выражение «семья – ячейка общества», читая один из анекдотов конца семнадцатого: «У них вся семья такая... Отец калединец, мать керенка, старший сын корниловец, младший –

ленинец, квартиранты – авксентьевцы, а дедушка, представьте себе, – русский». Каково общество, такова и семья!

Авторы рассказов, фельетонов, юморесок, помещенных в самых разнообразных газетах и журналах – от серьезных до бульварных, от крайне консервативных до столь же крайне радикальных – настаивают со сходной категоричностью на исключительной правоте своего видения революционных событий.

И если левые, судя по всему, склонны разделять убеждение, что «черного кобеля не отмоешь докрасна», то правые запальчиво утверждают свое предназначение единственных защитников устоев порядка и государственности от радикальных плембеев, анархистов, «хамов». А.Аверченко формулирует свое и своих почитателей политическое кредо вполне определенно («Революция – это болезнь, это жестокая лихорадка, которую переживает Россия»), не в пример многим другим российским гражданам, которые, тяготея к реставрации старых порядков, пытаются прикрыть это популистской, псевдореволюционной фразеологией. В фельетоне А.Бухова «Контрреволюция» обращается внимание именно на эту «ползучую» социальную тенденцию: «Контрреволюцией называется такое состояние общества, когда оно хочет демократическую республику с неограниченным монархом, выборную милицию с несменяемым околоточным надзирателем и полное осуществление гражданских свобод в другом государстве».

В полной гармонии с такой позицией (а точнее, с отсутствием всякой позиции) находится и «признание отставного чиновника»:

«– Я согласен на все строи от монархии до анархии, я согласен даже на такое смешение строев: чтобы вместо династии Романовых воцарился на престол Ленин и открыл бы собой новую династию, Лениных. Но при условии: я сохраняю мою пенсию, и если будет раздел имущества, то мое не делится, но умножается при дележе чужого».

Объектом сатирического исследования становятся, как видим, и противники, и сторонники революции, а также ее страстотерпцы типа экзальтированной дамочки из рассказа Е.Дольского «Умирающая Маруся»: «– Убей меня! Я так хочу стать жертвой революции! У меня даже платье готово, я такая красивая буду лежать!».

При всем несходстве идеалов и политических убеждений отдельных авторов все же, думается, правомерно говорить о сатире 1917 года как об одном – пусть крайне расстроенном и какофонизирующем – оркестре. Что же объединяет столь разных оркестрантов? Социальное неравнодушие, боль за судьбу страны, надежда на ее лучшую долю. Вот почему

некоторые явления послефевральской действительности находят почти единодушное неприятие со стороны различных по своим политическим позициям авторов.

Одно из них – разгул настроений национальной исключительности в многонациональной стране («Хай живе интернационал, тильки украинский») и вакханалия «отделительства». Сатирики не устают сообщать читателю сведения одно сенсационнее другого: об отделении России от Кронштадта или о присоединении Тобольска к Парагвайской республике. При всей фантастичности они воспринимаются как «сатирически достоверные» для той эпохи. Появляется даже «руководство для начинающих» А.Бухова по организации власти в «государствах», которые могут возникнуть в тех или иных «дачных местах и торговых селах». Нет недостатка в советах типа: «Немедленно займи купе и объяви его республикой. Если будут нить пассажиры, объяви референдум среди них же. Во время споров успеем доехать».

– Что вам от меня надо?
– Вас, именно вас! У нас не хватает одного человека для объявления самостоятельной республики!

Рис. неизв. художника

Знакомый лексикон, не правда ли? Как и картина грибного изобилия («Кронштадтская республика», «Шлиссельбургская республика», «Озерковская республика», «Царицынская республика»...), изображенная карикатуристом М.Андреевым: «Эх, сколько наплодилось – одни поганки!»

Трудно пройти и мимо претензии, так сказать, интимно-политического характера, изложенной в следующем меморандуме: «Бывш. милостивая государыня! Я настаиваю на опубликовании ваших тайных договоров с неким Петровым, который уже вторую неделю самоопределяется у вас, когда нет вашего мужа». Все это – печальный смех современ-

менников крушения некогда могучей державы, породившего цепь как мотивированного, так и абсурдного сепаратизма.

Горький привкус безысходности ощущаешь, читая рассказ Б.Флита «Беженцы». Уезжают «бывшие», и не куда-нибудь, а в Стокгольм, заблаговременно переведя туда капиталы. Вроде бы и жалеть не о чем. Но с высоты прошедших с тех пор лет начинаешь видеть в этом факте то, чего еще не успели оценить современники: первые ручейки бурного затем потока, в немалой степени оттянувшего от России и ее животворные соки.

Послефевральская действительность, перенасыщенная непримиримыми противоречиями, была способна демонстрировать и примеры иллюзорного единодушия, такого рода «единства», которое формируется по принципу «крайности сходятся». Так, откликаясь на перипетии формирования коалиционного состава Временного правительства и развернувшейся в связи с этим дискуссии о возможности вхождения в его состав представителей левых партий, неизвестный художник изображает в своей карикатуре «Точка соприкосновения» одинаково возмущенных бывшего царского сановника и большевика:

Монархист: Решительно протестую: министр и вдруг – социалист!..

Большевик: Действительно недопустимо: социалист – и вдруг министр!..

Рис. неизв. художника

Самые яркие, сочные краски находят авторы для изображения характерных примет быта революционной поры с дефицитом продовольствия, обуви, других товаров, разгулом спекуляции и преступности, транспортными неурядицами и т.д. Правда, и здесь до единодушия далеко. Одни возмущены, что по утрам им стали подавать кофе без сахара, что в ближайшее время сыру не будет «ни со слезой, ни без слезы», зато

блины на масленицу придется потреблять «со слезой», а, надо полагать, не с икрой. Другие же предпочитают смотреть на продовольственную проблему с позиций завсегдагы хлебных очередей:

«← Это что у вас? Булка?!»

– Булка.

– Настоящая?!

– Настоящая...

– Да что вы... Неужели?! Разрешите погладить...».

Она: – Посмотри, Жан: вот у кого трудовые мозолистые руки...

– Еще бы, барышня! На двадцати митингах в день аплодировать приходится.

Рис. В.Лебедева

Но, как ни были важны для современников 1917 года заботы о хлебе насущном, не забывали они и о пище другого рода. Свобода слова, отмена цензуры немедленно привели к тому, что авторитет печатного слова резко возрос. Но еще более стремительно стал нарастать шквал исходящих от многих органов печати импульсов лжи, нравственной и политической разнузданности и безответственности: «Не все то новое, что газета». Многие представители пишущей братии забыли негласный закон русской интеллигенции: «надо раньше написать "Войну и мир", чтобы иметь право потом заявлять: "не могу молчать"». Для борьбы против этих тревожных явлений к легиону сатириков подключилась и «тяжелая артиллерия» в лице маститых писателей «серьезного» жанра.

Свидетельство этому – сатирическое эссе А.Куприна «Маркиз Галлифе», в котором остро поставлена проблема безответственности тех газетных писак, которые не забыли старых привычек угождать власть предержавшим, ретиво откликаясь на их явные и тайные пожелания. Нужно припугнуть (как, например, в июльские дни в Петрограде) – и

сразу находится борзописец, внушающий читателю: «Что такое кровь? Красный соус, как говорит Киплинг... Не больше... Приготовляя яичницу, неизбежно разбиваешь яйца». Сколько таких любителей приготовления острых блюд под «красным соусом» знала наша отечественная история? И сколько она видела желающих угодить им «идеологов», также готовивших «общественное мнение» для подобных экспериментов? Логика их всегда «безупречна» и опирается на исторические прецеденты: «Спрашивается, как поступают с рукой или ногой, пораженной гангреной? Их ампутируют, дабы сохранить здоровым и целым все тело. Вспомним не одну решительную историческую операцию. Генерал Галлифе не задумался в 71 году расстрелять 30 тысяч коммунаров...».

Позиция А.Куприна ясна. Ее можно выразить примерно в таких словах: обращение с оружием слова требует такой же деликатности и ответственности, как и с настоящим оружием. Разве эта проблема потеряла свою актуальность? И разве мы не встречаем сегодня новобранцев пера, которые, как и в далеком семнадцатом, сразу же пытаются командовать, манипулировать читателем, «пишут басом»?

Революция, подобно смерти, способна уравнивать несопоставимых по своему прежнему социальному статусу людей, общественных деятелей различного толка и направления. Особенно в сатирическом истолковании их социальной роли. Это целая галерея мастерски выписанных или просто эскизно намеченных портретов политических деятелей 1917 года.

Если попытаться перечислить некоторых из них по принципу «справа – налево», то следует начинать с Николая II. «Боже, от царя храни!» – так, воздавая должное последнему российскому императору как предмету «далеко не первой необходимости», современники предлагают переиначить государственный гимн России. Под стать этому и рисунок Д.Моора (впоследствии родоначальника советского политического плаката), изображающий экс-самодержца на фоне кремлевских Царь-пушки и Царь-колокола: «Не стреляет, не звонит и не царствует». Впрочем, не все были преисполнены уверенности в «неодолимой силе исторического прогресса». Некоторые из них проявляют большую прозорливость, поднимаясь к высотам прямо-таки исторического пророчества. Так, одна из карикатур, принадлежащая неизвестному художнику, изображает спешно покидающего трон с чемоданчиком в руках Николая, который тащит на поводке оципанную революцией птицу – символ имперской государственности. Надпись над рисунком гласит: «Посмотрим, как они обойдутся без орла...».

Не остаются без внимания и другие представители клана Романовых. Например, великий князь Михаил Александрович, которому Николай безуспешно пытался передать бразды правления рушащейся империей. Знакомясь с фельетоном А.Грина «Поэты японцы в Петрограде», читатель столкнется с такими – стилизованными под японские поэтические миниатюры (танки) – строками:

*Солнечное синее озеро.
В озере, утопая,
Пускает пузыри Ми-ш-ша.
Толпа. Митинг.
Утонул Ми-ш-ша.*

Не всякий наш современник, читая эти строчки, сможет сразу же расшифровать их подтекст. Но в тот злополучный год он был настолько же прозрачен, как если бы сегодня заключал намек на всем известного тезку великого князя.

Острые штрихи и ядовитые характеристики находят сатирики для столпов старого режима (последний царский министр внутренних дел А.Д.Протопопов, помещики-черносотенцы, вдохновители и организаторы погромов Н.Е.Марков (Марков 2-й) и В.М.Пуришкевич, лидер октябристов и один из организаторов Временного комитета Государственной Думы М.В.Родзянко и т.п.).

Проект памятника главным деятелям
русской революции.

Рис. Ре-ми

На острие сатиры оказываются и деятели как послефевральской, так и послеоктябрьской России. Тут и кадет, министр иностранных дел первого состава Временного правительства П.Н.Миллюков, вроде бы уже республиканец, но «на правую ногу немного прихрамывает», так как вывихнул ее «где-то около Царьграда»⁴; и эсер, министр юстиции, военный и морской министр, затем министр-председатель Временного правительства, верховный главнокомандующий А.Ф.Керенский. Лидер, причудливо сочетавший в своем политическом облике наполеоновские замашки с экзальтированной инфантильностью юного нападающего дворовой футбольной команды (фельетон Е.Зозули «Дети»): «Этот миленький худой мальчик в белых штанишках, с тонкой шеей, с благородным худым личиком... Он весь в порыве, весь в горении. Он в центре, он впереди всех, он доброжелателен ко всем, он выше всех...».

СВ. СЕБАСТИАН НАШИХ ДНЕЙ
[карикатура на А.Ф.Керенского]

Стрелки из «Правды»: – Чорт возьми! Чем больше стрел мы в него пускаем, тем большим ореолом окружаем его!..

Рис. В.Лебедева

⁴ Намек на популярное у кадетов требование перехода к России Черноморских проливов и Константинополя.

Не забыты лидер эсеров, министр земледелия Временного правительства В.М.Чернов; лидер меньшевиков, председатель Петроградского Совета РСД и председатель ЦИК первого созыва Н.С.Чхеидзе; социал-демократ Г.В.Плеханов. Под пристальным сатирическим и юмористическим взором находятся большевики: Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев, А.М.Коллонтай, А.В.Луначарский... И так далее – в диапазоне от Л.Д.Троцкого до В.Д.Бонч-Бруевича:

«Нянька хмуро ворчит на мальчишку:

– Только и следи... Натроцкаешь, где не надо, а тут ходи за тобой да подбончивай...».

Не обделен, конечно же, вниманием и В.И.Ленин. В фельетоне А.Аверченко «Вся власть мне», написанном по горячим следам событий октября 1917 г., содержится проба пера в гротескном изображении уже облеченных властью двух лидеров большевизма – Ленина и Троцкого. (До этого в юмореске «Десять миллионеров» сатирик попытался спародировать стиль выступлений Ленина – обличителя министров Временного правительства).

Сатира 1917 года, держа под постоянным прицелом деятельность политических партий и их лидеров, способна была и помечтать о будущем в духе социальной утопии. «Когда вы вырастете, – обращается к детям Е.Зозуля, – Россия, надо надеяться, будет в таком положении, когда не нужны будут ни кадеты, ни большевики, ни всякие партии. Будут просто свободные граждане».

Что же касается партийных программ, то вопрос, «сколько стоит ваша программа-максимум?», будет уместен лишь как обращенный к капельдинеру в цирке. Не сбылись эти надежды. Да и верили ли сами авторы в их осуществимость?

Другое дело – социальный прогноз. Он уже предполагает такую уверенность. Встречаясь на страницах сатирических произведений с такого рода попытками предугадать будущее, убеждаешься в их, как правило, тщетности, если речь идет о стремлении построить предсказание на предметной, событийной основе. Как неизмеримо далек от действительности оказался, например, И.Гуревич в своих пусть даже шуточных предсказаниях на новый 1917 год:

«*Сентябрь*. Новый министр в отличие от старых хочет работать с Думой, но работает с Крупенским⁵. Немцы хотят почетного мира... Все

⁵ Из нескольких Крупенских, промелькнувших на политическом небосклоне предреволюционной России (А.Н.; Н.Д.; П.Н.), речь идет, скорее всего, о Павле Николаевиче (известном

по-старому. Под гул пушек поговаривают о мире. *Октябрь*. Все по-старому. *Ноябрь*. Все по-старому» и т.д.

Впрочем, иногда сатирикам удавалось и здесь «попадать в яблочко». Предсказать, например, формы, в которые может вылиться зуд революционных переименований, «соответственно новым воззрениям народонаселения»: «Так урочище – Поганкины Палаты – наименовано Новый Циммервальд, Б.Пустобрехова ул. – Луначарской, М.Пустобрехова ул. – Троцкой... Немытая ул. – Ленинским проспектом, Грязная ул. – улицей "Правды"...». Не надо быть футурологом, чтобы утверждать, что практикуемые сегодня столь же бескомпромиссные «обратные» переименования сами по себе не способны, как и в начале XX века, не только решить проблему «новых воззрений» граждан, но и превратить Грязные и Немытые улицы в просто чистые.

Строители новой жизни.

Рис. П.Аболина

Исполнился, к сожалению, самый мрачный прогноз глобального масштаба. Предсказание о том, что «анархия, которая начинает прокатываться по широким дорогам России, разовьется в ураган». В ураган

как Крупенский 1-й) – бессарабском помещике, монархисте, депутате 2-й – 4-й Государственной Думы, платном агенте Департамента полиции, разоблаченном после Февральской революции.

гражданской войны. Хотя неизвестный автор цитированных строк и не настаивал на его неотвратимости, будучи озабоченным совсем другим: «...Если французских граждан обвиняли за то, что они за революцией анархии не увидели, то право же за анархией и самое революции не видеть – еще хуже...».

Опасения эти оказались напрасными. Увидела Россия революцию в 1917 году. И не одну, а сразу две. Одни намертво затянутые узлы социальных проблем Февраль и Октябрь разрубили, другие – породили. До сих пор ломаются дискуссионные копыя в стремлении ответить на вопрос, кто виноват в наших уже сегодняшних бедах? Одни говорят – Февраль, другие – Октябрь, третьи – и тот, и другой. И лишь немногие понимают одну простую вещь: как человек не может прыгнуть выше головы (спортсмены – не в счет), так и любая революция не может дать больше того, на что она изначально способна. Какими бы благими намерениями ее лидеры ни руководствовались и в какие бы идеологические одежды ее ни облекали, а также какую бы роль ни пытались отводить ей те или иные благодарные или же, напротив, глубоко разочарованные потомки. Картина сиюминутного преобразования действительности, нарисованная Иоанном Богословом, – «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет»⁶ – остается в сфере реальной жизни не более чем апокалиптическим видением. Революция сурова к своим детям и пасынкам. Она не дарит ни современникам, ни потомкам милости Божьей, обещанные святым Иоанном: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло»⁷.

Несколько слов – о своеобразных событийных рамках сатиры и юмора 1917 года. Они, эти рамки, – под стать кипучей и переменчивой эпохе последовательного крушения политических режимов: от Петропавловки до Петропавловки. От падения самодержавного строя с препровождением царских министров в казематы российского аналога Бастилии («...Шума особенного нет. Просто подойдут к камере и мелом отметят: эта для министра внутренних дел, эта для его товарища (заместителя. – В.Ж.), эта для министра путей сообщения...») до краха Временного правительства со сходной процедурой изоляции его министров («Мы их всех погнали в Петропавловку»). Процедурой настолько пре-

⁶ *Откровение Святого Иоанна Богослова. Глава 21.1.*

⁷ *Там же. Глава 21.4.*

дугадываемой, как смена времен года, что сатирическая фантазмагория А.Аверченко уже рисует картины помещения в крепость Ленина и Троцкого («Ступайте, господа. Все там будем»).

За неполных восемь месяцев между Февралем и Октябрем, невзирая на разруху, анархию, аномию, недоедание, наговорились, намитинговались («Долой Ивана Петровича... Да здравствует тетя Лиза») и посмеялись всласть. Сатира же, освобождаясь от магии эзопова языка, стала переходить к более живым и раскованным формам реализации присутствующих ей эстетических законов освоения действительности.

С осенними холодами наступали иные, еще более суровые времена разгоравшейся гражданской войны. В обстановке ужесточившихся цензурных (и не только!) ограничений со стороны большевистского режима либеральной и либерально-демократической печати, не принявшей Советскую власть, было уже не до смеха.

Следивший за событиями штурма Зимнего в ночь с 25 на 26 октября корреспондент осведомился у «товарища и единомышленника дипломата Троцкого», не может ли он дать подробности взятия дворца. И в ответ услышал: «Я могу вам дать по морде». Помещенные в конце книги фельетоны в адрес новой власти и ее представителей знаменуют собой последний всплеск гласного сатирического неприятия большевизма его оппонентами в условиях революционной бури 1917 года.

* * *

Общеизвестно изречение: «Смеясь, человечество прощается со своим прошлым». Задумаемся, а простились ли мы с ним в действительности? Не получилось ли так, что мертвый хватает живого? Основания для такого рода сомнений имеются. Иначе, как объяснить то, что мы сегодня всерьез пытаемся воскресить многое из того, что было отвергнуто и осмеяно еще на заре XX столетия? Уже ради того, чтобы обрести основу для подобных размышлений и умозаключений, право же, стоит потратить время на знакомство с сатирическим и юмористическим аккомпанементом революционного потока 1917 года. Посмеяться и погоревать вместе с нашими в чем-то далекими предками, а в чем-то – почти современниками.

Здоровый смех – как блистательное проявление зоркости к окружающему – отрезвляет и побуждает к конструктивному действию. Трагично, когда он переходит в истерию пустого зубоскальства и очернительства, в средство самоотпущения грехов, социального дезертирства,

уклонения от исторической ответственности. Вот почему так внятно звучат сегодня – в эпоху новых потрясений – слова безвестного мастера парадоксов, произнесенные на заре XX века – этого может быть самого сложного и противоречивого столетия российской истории:

«Кто хочет познать лик народа, пусть не смотрит на отдельные лица. Есть наивные люди, которые думают, что, например, в кишиневском погроме виноваты только Крушеван⁸, да Ванька Каин, да "самодержавный режим". Нет, голубчики, все к расчету стройся, вместе с Толстым и Пушкиным и со всеми вашими режимами. История всех тащит к ответу».

Не будем комментировать. Просто помолчим... И подумаем.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Парикмахер: – Бросили бы газетку, господин, а то у вас так лицо вытягивается, что придется с вас взять двойную плату за бритье...

Рис. Б. Антоновского

⁸ Крушеван П.А. (1860–1909) – бессарабский помещик, депутат 2-й Государственной Думы, черносотенец, основатель Бессарабского отдела «Союза русского народа» (1905). Издатель крайне правой газеты «Знамя» (Санкт-Петербург, 1903–1904), в которой опубликовал провокационную антисемитскую фальшивку «Протоколы сионских мудрецов» под названием «Программа завоевания мира евреями».

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),

Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),

Каравашкин А.В.,

Куриленкова А.А.,

Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2007

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 5.04.2007. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент
Международного общественного фонда «Экспериментальный
творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный
режиссер театра «На досках»

Бялый Юрий Вульфович

кандидат физико-математических наук, вице-президент
Международного общественного фонда «Экспериментальный
творческий центр», заместитель главного редактора журнала «Россия
XXI»

Бардахчиев Юрий Бедросович

руководитель военно-политического отдела Международного
общественного фонда «Экспериментальный творческий центр»

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки
РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических
исследований Института всеобщей истории РАН

Мягкова Елена Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Академии гуманитарного и социального образования Тамбовского
государственного университета им. Г.Р.Державина

Лапицкий Марк Исаакович

доктор исторических наук, профессор Российской академии
внешней торговли

Бородулин Владимир Иосифович

доктор медицинских наук, профессор кафедры истории медицины и
культурологии Московской медицинской академии им.И.М.Сеченова,
главный научный сотрудник Института истории медицины РАМН

Тополянский Виктор Давыдович

кандидат медицинских наук, доцент Московской медицинской
академии им. И.М.Сеченова

Журавлев Валерий Васильевич

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой
новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по
разработке и реализации программ документальных публикаций
федеральных госархивов РГАСПИ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences, President of the International Public Foundation «Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI», Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Bialy Yury Vulfovich

Ph.D. in physics and mathematics, vice-president of the International Public Foundation «Experimental Creative Center», deputy editor of «Russia XXI»

Bardakhchiev Yury Bedrosovich

Head of military-political department of the International Public Foundation «Experimental Creative Center»

Mal'kov Victor Leonidovich

D. Sci., historian, Professor, Merited Science Worker of Russia, Head of Scientific Centre of theoretical research of the Institute of world history of Russian Academy of Sciences

Miagkova Elena Mikhaylovna

Ph.D., historian, assistant Professor at the Department of General History, Tambov State University

Lapitskiy Mark Isaakovich

D. Sci., historian, Professor of Russian Academy of Foreign Trade

Borodulin Vladimir Iosifovich

D. Sci. in medicine, Professor of I.Sechenov Moscow Medical Academy, principal researcher of the Institute for history of medicine, RAMN

Topolyanskiy Viktor Davydovich

Ph.D. in medicine, assistant Professor of I.Sechenov Moscow Medical Academy

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D.Sci., historian, Professor, the head of chair for the modern Russian history, Moscow State Regional University, the chief of Centre for development and implementation of the Federal state archives documents publiñation

2.2007 march-april

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan, Yury Byaly, Yury Bardakhchiev

The Threat of Nuclear War. Pacifist Myths
and Dangerous Reality _____ 4

Geopolitics and International Policy Issues

Victor Mal'kov

The Cold War: the Sources and the Lessons.
Towards the Interpretation of the Origins
of «Containment» _____ 52

Pages of History

Elena Miagkova

«Vendee»: Historical Event
in a Role of Political Allegory _____ 90

Russia in the World

Mark Lapitskiy

«I just Was Born as Émigré».

«America in Diaries, 1973–1983» by
Aleksandr Shmeman _____ 118

Resources of Nation

Vladimir Borodulin, Victor Topolyanskiy

A Superfluous Man: Doctor
G.I.Sokolski in the Mid-19th Century
Moscow _____ 142

Readers' Letters

Valeriy Zhuravlev

«The History Calls All of Us
for Answer»! Events of 1917 as seen
by eyes of contemporaries, masters of
the Russian satire and humor ___ 166